

а. м. кондратов

**атлантика
без
атлантиды**

а.м. кондратов

**атлантика
без
атлантиды**

ГИДРОМЕТЕОИЗДАТ
ЛЕНИНГРАД • 1972

Об Атлантиде, стране, затонувшей, если верить легенде, в водах Атлантического океана, написано множество книг. Но загадки Атлантики — это не только и не столько загадки Атлантиды. С изучением Атлантического океана, его подводного рельефа и вод связано множество нерешенных проблем планетологии, геологии, этнографии, антропологии, археологии и других наук о Земле и о человеке.

Об открытии Атлантики, о находках на дне ее затонувших судов, древних и современных, о поисках и находках под водой древних поселений, о загадках древней истории и географии, решить которые помогает океанография, о судьбах таинственных «народов моря», исчезнувших с лица земли, и судьбах Атлантики, ее морей и островов рассказывает в своей новой книге Александр Кондратов.

Книгу с интересом прочтут широкие круги читателей.

Atlantis — the country sunk, according to the legend, in waters of Atlantic — is the subject of a number of books. But enigma of Atlantis is not the only or major among the riddles of the Atlantic. Exploration of the ocean, its waters and bottom configuration is related to a variety of unsolved problems in geology, ethnography, anthropology, archaeology and other sciences of Earth and man.

Discovery of the Atlantic, ancient and modern ships sunk on its bottom; underwater search and discovery of ancient settlements; riddles of geography and ancient history solution of which is much helped by oceanography; fortunes of mysterious «sea people» vanished from the face of the earth; fortunes of the Atlantic, its seas and islands — all this is the subject of narration in this new book by Alexander Kondratov.

It will be of interest to a wide range of readers.

Рецензенты:

д-р геогр. наук О. К. Леонтьев

и д-р фил.юл. наук В. В. Шеворощин

Неделю
грудью своей атлетической —
то работаю,
то в стельку пьян —
вздыхает
и гремит
Атлантический
океан.

Владимир Маяковский

«МОРЕ МРАКА» — «ОКЕАН ТЬМЫ»

«По старинному обычаю его называют Океаном, но иначе он зовется Атлантическим морем. Его пучины ширятся на огромное пространство и далеко разливаются в беспредельном очертании берегов», — так писал об Атлантике Руф Фест Авиен в географической поэме «Морские побережья». Авиен, живший в IV веке н. э., стремился в поэтической форме подытожить сведения, что накопили греки, римляне и финикийцы во время своих плаваний по Атлантике. А сведения эти крайне неутешительны. В атлантических водах нет движений ветра, чтобы подгонять корабль: неподвижно стоит ленивая поверхность тихих вод. Среди пучин там растет великое множество водорослей. Они, точно лесные заросли, мешают движению судов. Притом и дно морское в Атлантическом море не очень глубоко, вода порою едва-едва покрывает дно — пески и вязкий ил. Наконец, «огромное количество чудовищ плавает в этом море, и от морских зверей великий страх объемлет соседние земли... Между медленными с задержками движущимися кораблями ныряют морские чудовища».

Когда-то в водах Атлантики плавали суда древних греков и их учителей и предшественников, критян. Однако Карфаген надолго и прочно закрыл для мореплавателей античности, греков и римлян, выход из «внутреннего» Средиземного моря в Атлантический океан. Финикийцы и карфагеняне не склонны были делиться с конкурентами своими открытиями. Они предпочитали рассказывать страшные истории об опасностях, вымышленных и реальных, которые поджидают всякого, кто осмелится плавать в Атлантике. И преуспели в этом деле: рассказ Авиена (а он утверждает, что все подробности передает по древним карфагенским летописям) — наглядный тому пример.

Наследниками античной географии стали не христианские монахи, а арабские ученые. Вместе с положительными знаниями унаследовали они и страх перед водами Атлантики. Океан, ле-

жащий на западе, получил название «Море Мрака», или «Океан Тьмы». Плавание в его водах считалось невозможным. «Древние установили в этом море и на его берегах знаки, которые должны были служить предостережением для тех, кто пытался бы искать приключений в этих местах,— пишет великий ученый аль-Бируни.— По этому морю нет судоходства из-за мрака, застывшей воды, сложности фарватера и множества возможностей потерять ориентировку, не говоря уже о скудности приобретений, ждущих в конце столь длительного пути».

«Ни один моряк не отважится плавать по Атлантическому океану и выйти в открытое море. Все мореходы ограничиваются плаванием вдоль берегов,— поддерживает аль-Бируни крупнейший арабский географ Идриси.— Никто не знает, что лежит за ним. До сих пор не удавалось получить хоть сколько-нибудь достоверные сведения об океане из-за трудностей плавания по нему, слабого освещения и частых бурь».

Мы привыкли считать арабов «сухопутным народом». Однако это не так. Уже в глубочайшей древности, 5000—6000 лет назад, арабские суда бороздили воды Красного моря, Аравийского моря и Индийского океана. В эпоху средневековья они достигали берегов Южной Африки, Мадагаскара и многочисленных островов Индонезии. Проникали они и дальше на восток, в воды Тихого океана, их следы находят на Филиппинах и на бесчисленных островках Микронезии. Однако, смело пересекая по всем направлениям Индийский океан, совершая далекие плавания по просторам самого большого океана мира, Тихого, арабы испытывали суеверный страх перед Атлантикой.

У побережья Марокко по целым суткам держатся густые туманы. На плодородие прибрежной полосы они оказывают самое благоприятное влияние. Но отнюдь не на средневековых мореходов. Какой смельчак мог отважиться уйти в неведомое море, где не видно солнца даже в разгар жаркого африканского лета? Кто знает, какие неведомые опасности подстерегают в этой туманной мгле, в этом подлинном «Море Мрака»? Ведь «древние», писатели и ученые античности, чей авторитет был для арабских мореплавателей непререкаем, утверждают, что там, в океане на западе, обитают страшные морские чудовища, мели и водоросли задерживают ход судна. Больше того: еще в глубокой древности кто-то — то ли Александр Македонский, то ли сам Геракл — воздвиг «предостерегающие знаки», столбы и статуи, «указывающие, что дальше на запад продвигаться нельзя». Казалось, само небо запрещает людям плавать по Океану Тьмы.

Только один раз, в середине XII века, нашлись смельчаки-арабы, не побоявшиеся запретов «самого неба». Ибн-ал-Варди, арабский географ, сообщает о том, что «мореплаватели, бывшие в родственных отношениях, запаслись всем необходимым для такого длительного путешествия и поклялись друг другу не возвращаться до тех пор, пока не достигнут противоположного края Моря Тьмы».

Однако путешествие окончилось неудачей. Проблуждав несколько недель по его просторам, смельчаки вернулись домой, признав свое намерение невыполнимым. Арабские мореходы с тех пор не отваживались больше выходить в таинственные и опасные воды Океана Тьмы... А между тем их современники, отважные викинги, смело пересекают Атлантику, достигают «противоположного предела» Моря Тьмы и открывают Америку за четыреста лет до Колумба! Начав плаванья от берегов родной Скандинавии, норманны достигают острова Исландия, затем Гренландии и, наконец, далеко на западе открывают «страну Винланд» (о том, где же именно, в каком месте материка искать Винланд, ученые ведут споры и по сей день, причем диапазон поисков очень велик — от Баффиновой Земли на 50° северной широты до Флориды!).

Казалось бы, достижения норманнов, их знания об Атлантике и ее морях должны рассеять суеверный страх перед «Океаном Тьмы», но... не мирными путешественниками и торговцами, а «карой божьей», разбойниками и насильниками, были викинги для жителей христианской Англии и Франции, «языческой» Руси и Прибалтики, мусульманской Испании. «Море, казалось, заполнили темные птицы, — пишет о нашествии норманнов арабский хронист, — сердца же наполнились страхом и мукою». Норманны врывались в цветущие города, захватывали пленных, грабили, жгли и убивали.

«Боже, избави нас от неистовства норманнов!» — летит молитва к всевышнему со всех концов христианского мира. Но молитва не помогает. В начале IX века норманны захватывают Ирландию и превращают ее церкви в языческие капища. В 885 году легендарный викинг Рагнар Лодборг осаждает Париж. Примерно в то же время его соотечественники грабят Кентерберии и Лондон, Лиссабон, Кадис и Севилью, «накладывают руку» на устья Рейна, Луары, Сены, Темзы...

Натиск викингов не могут остановить ни меч, ни крест. Алкуин, глава придворной академии Карла Великого, видит в их пришествии «кару божью» и приводит пророчания пророка Иеремии: «Я приведу от севера бедствие и великую гибель». Ни о каких культурных контактах здесь и речи быть не может. О великих же открытиях норманнов ученые узнали лишь сравнительно недавно, «расшифровав» сведения, содержащиеся в старинных сагах.

«ОКЕАН — ОДНО СОБРАНИЕ ВОД»

Но если у «Океана Тьмы» нет предела на западе, то, может быть, он есть на юге? Ведь плаванье на юг не столь опасно, как в открытом море, оно идет вдоль берегов Западной Европы, затем Северной Африки... А что дальше? Соединяются ли воды Атлантики с Индийским океаном или нет? Вопрос этот в позднее средневековье вызывала не простая любознательность. Если

бы он был решен положительно, это означало бы, что заветной Индии и легендарного царства «первосвященника Иоанна», лежащего где-то на востоке, можно достичь морским путем, минуя Средиземноморье и страны Ближнего Востока, запятые врагами — мусульманами.

Величайший авторитет в вопросах географии, античный ученый Птолемей утверждал, что Индийский океан — это, по сути дела, «озеро», его со всех сторон окружает суша. На западе — Африка, на востоке — Китай, «Страна серов», на юге — загадочный «Южный материк». Значит, попасть из Европы в Индию морским путем, следуя вдоль берега Африки, невозможно. К тому же смельчак, рискнувший пуститься в плавание «африканским путем», чтобы достигнуть Азии, не найдет на берегах Африки ничего, кроме раскаленной, безлюдной пустыни — тропические широты необитаемы из-за страшной, все убивающей жары.

Учение Птолемея принималось в средние века как непогрешимая догма. Однако против него были выдвинуты серьезные возражения. Они, как и следовало ожидать, основывались не на фактах (какое дело до них догматике!), а на другой догме, причем еще более авторитетной, выдвинутой не «язычником Птолемеем», какой бы ученостью он ни обладал, а великими отцами церкви.

В Библии, в первой главе «Книги бытия», сказано: «И назвал Бог сушу землей, и собрание вод назвал он морем» (стих 10-й). «Собрание вод» — единственное, а не множественное число. Стало быть, речь идет о едином Океане. Атлантика, Индийский океан, Средиземное, Черное моря и т. д. должны быть связаны между собой (внутренние же моря и озера имеют с Мировым океаном подземную связь). Архиепископ Миланский, один из отцов церкви, известный под именем Амвросий, писал: «Существует только одно собрание вод, потому что только один непрерывный поток от Индийского океана до концов Гадитанского моря и оттуда до Красного моря замыкает концы Земного круга Внешним океаном» (под «Гадитанским морем» он подразумевал часть Атлантики, омывающую берега Испании и Северной Африки).

Итак, догма против догмы. Спор решили плаванья португальских мореходов, которые начали медленно, но верно продвигаться вдоль атлантического побережья Африки все дальше и дальше на юг. Инициатором их был португальский принц Генрих, прозванный Мореплавателем. По его приказу пускаются в путь из Лиссабона корабли, стремясь обогнуть страшный «мыс Нун» — «мыс Пет», который долгие века считался концом обитаемого мира (и по сей день в Португалии бытует поговорка: «Кто зайдет за мыс Нет, тот вернется либо нет»). А когда этот мыс пройден, мореплаватели обнаруживают еще более страшную преграду — мыс Бохадор. Удобное каботажное плавание вдоль африканского берега здесь подходило к концу — путь преграж-

дала длинная песчаная банка, выходящая далеко в море. Прибой разбивался о нее, вдоль берега шло стремительное течение на юг — где гарантия, что удастся преодолеть его на обратном пути? Да и чтобы обогнуть мыс Бохадор, пужно уйти далеко в открытый океан, а ведь там, судя по рассказам, обитают чудовища и подстерегают всяческие беды.

У страха глаза велики. По свидетельству французского адмирала А. Руссена, казавшийся непреодолимою преградой мыс Бохадор, «если смотреть на него с севера, представляет собой просто плоскую отмель из красного песка, которая уходит в море». А ведь португальцы были твердо уверены в том, что тот, кто обогнет мыс Бохадор, никогда не вернется назад!

Но однажды страх перед немплостью владыки оказался сильнее страха перед морем. В 1434 году Жил Эаннш огибает страшный мыс и, не пережив никаких ужасов, возвращается обратно. «Психологический барьер» преодолен — суда португальцев смело плывут на юг, открывая атлантическое побережье Африки. Земли эти поначалу полностью подтверждают предсказание Птолемея: чем дальше на юг, тем жарче климат, тем бесплоднее пустыня. И вдруг пески кончаются и капитан Диниш Фернандиш видит, после долгих миль унылой пустыни, мыс, покрытый свежей зеленью, «Зеленый Мыс», за которым береговая линия Африки поворачивает на юго-восток. Казалось, отсюда уже близко до выхода в Индийский океан и, что не менее важно, вопреки «его милости Птолемею», в тропической зоне «бесчисленны живущие на экваторе черные народы, и до невероятной высоты поднимаются там деревья, так как именно на юге растительность достигает необычайной мощи и изобилия, хотя ее формы и чужды нам», как пишет Диогу Гомеш на следующий (1447) год после открытия Фернандишем Зеленого Мыса. Значит, путь в Индию будет идти вдоль обитаемых земель, а не страшной раскаленной пустыни!

Окрыленные успехом, португальцы совершают новые плаванья вдоль африканских берегов. Их ждет разочарование: берег, уходящий на восток, оказался не окончечностью Африки, а всего лишь побережьем Гвинейского залива. Сделав огромный полукруг, береговая линия вновь потянулась на юг, на многие сотни километров. Диогу Кан в 1484 году достигает устья реки Конго, воздвигает там **падран** — каменный столб с королевским гербом Португалии, надписью и датой, а затем плывет дальше на юг, за тропик Козерога, поставив «падраны там, где это ему казалось удобным». Но и ему не удается добраться до южного предела Африки, и это вызывает глубокое уныние в Португалии. Быть может, все же прав Птолемей и связи между Атлантическим и Индийским океанами не существуют?

Однако в 1488 году маленькая флотилия Бартоломеу Диаша достигает наконец южной оконечности Африки. За мысом Доброй Надежды берег «поворачивает к северу и востоку по направлению к Эфиопии, давая великую надежду открыть Ин-

дию». Бартоломеу Диаш и его спутники были первыми европейцами, которые увидели, как воды Атлантики сливаются с водами Индийского океана. Достичь Индии Диашу не удастся, так как, говоря словами португальского историка Антонио Гелвану, «подобно Моисею, он видел Землю Обетованную, страну Индию, но не вошел в нее». Морской путь из Европы к берегам Индостана был проложен несколько лет спустя соотечественником Диаша, Васко да Гамой. Трасса Европа — Азия, проходящая по двум океанам, была открыта. Но в эти же годы было сделано еще одно — и более великое! — открытие: достигнут не только «южный», но и «западный предел» таинственного и полного опасностей «Моря Мрака»...

ВОСТОК НА ЗАПАДЕ ОКЕАНА

Что находится «в крайнем пределе» Атлантического океана? Допустим, какой-то смельчак или безумец решил пуститься в плавание по его водам, держа путь не на юг, вдоль берегов Европы и Африки, а на запад, в открытое море. Куда он в конце концов приплывет, если ему посчастливится и он минует все опасности, которые сулит «Море Мрака»?

Этим вопросом не раз и не два задавались лучшие умы античности, арабского Востока, средневековой Европы. И на него могло быть лишь три ответа, в зависимости от того, какую форму имеет мир, где живут люди. Первый ответ: путешественник достигнет неведомых земель, окружающих Океан, подобно тому как воды Океана окружают нашу Землю. Так считали многие античные ученые. Крупнейший авторитет средневековой географии Козьма Индикоплов (т. е. «Плававший в Индию») утверждал, что за Океаном, который омывает грешную землю с юга, востока, запада и севера, находится другая, но уже «безгрешная» земля. Тут когда-то жили люди до потопы. И здесь расположен «земной рай», откуда открывается путь и на небо.

Однако большинство географов античности, так же как и ряд арабских и средневековых ученых Западной Европы, полагали, что не суша, а, напротив, море преобладает в мире, где мы живем: оно со всех сторон омывает Европу, Африку и Азию. Плавание на запад никуда не приведет, как и плавание на восток, на север или юг. Мореплаватель тщетно будет искать «края земли» в бесконечной водной стихии Океана.

Был и третий ответ. Его давали те, кто понимал, что наша Земля — не плоская поверхность, а шар, не имеющий границ. Крайний запад обитаемой суши, Англия, Ирландия, Испания, омываются водами Атлантики, «Западного океана». На крайнем востоке находится другой океан, омывающий берега далекого Китая. Если Земля шарообразна, значит, Западный и Восточный океаны — лишь разные названия одного и того же великого Океана!

Мысль о том, что между Европой и Азией лежит одно и то же море, высказывал величайший философ и ученый Древней Греции Аристотель. Античный географ Страбон полагал, что, плывя по Западному, т. е. Атлантическому, океану при попутном ветре, «можно достичь индийцев». Другой древний географ считал, что тот же самый океан, который эллины называют Атлантическим, в Восточной Азии именуют Великим морем. Древнеримский философ Сенека утверждал даже, что для путешествия в Индию через Атлантику потребуются «при хорошем ветре только несколько дней морского плавания»! Мысль о том, что океан на востоке является лишь «рукавом Моря Мрака», высказывал великий арабский ученый Идриси (только он полагал, что кругосветное плавание не под силу человеку — на него уйдет чуть ли не триста лет).

В христианской Европе большинство людей твердо верило, что наша суша — это плоский круг. Лишь немногие ученые средневековья считали Землю шаром. Это доказывал Роджер Бэкон, величайший экспериментатор той эпохи. В 1316 и 1327 году в Италии сожгли двух «еретиков», учивших, что наша планета имеет форму шара. Однако по мере того, как росли знания об окружающем мире, как расширялись границы географического горизонта, мысль о том, что Земля — шар, завоевывала все большее число сторонников.

Но одно дело — «чистая теория». И совсем другое — попытаться доказать на практике шарообразность планеты, достигнуть восточных земель, плывя на запад. Решиться на это мог только человек огромного мужества и воли. Ведь его плавание должно быть не просто географическим, оно становилось космографическим. Успешно закончиться оно могло лишь в том случае, если Земля и в самом деле — шар. И такой человек нашелся. Это был Христофор Колумб.

И до Колумба, и в эпоху, когда он жил, идея достичь востока, плывя на запад, высказывалась лучшими умами того времени. Об этом писал кардинал Пьер д'Айи в книге «Имаго мунди» («Образ мира»), и немец Иероним Мюнстер, и итальянец Тоскапелли. «Колумб был не столько начальником генерального штаба, сколько удачливым полководцем, — замечает в этой связи известный историк географических открытий Рихард Хенниг. — Его главная идея о возможности найти неизвестные страны и даже достичь берегов Азии, плывя далеко на запад, в ту эпоху вовсе не была ни новой, ни оригинальной, вопреки пресловутой притче о «Колумбовом яйце».

Нет пужды рассказывать о мытарствах великого мореплавателя, о подготовке первой экспедиции и ее ходе, об открытии первых земель на западе, принятых Колумбом за «Индию». Пугающее «Море Мрака» было пересечено. Однако современники Колумба, да в последние годы и сам он, убеждались, что земли за океаном — это не Индия, а какие-то новые, пещерные дотопле страны. Испанцев же манили сказочные сокровища Востока.

Начались лихорадочные попытки пайти «брешь» в стене земель, вставших на пути в Индию. На карту ложились очертания островов Вест-Индии, Флориды, Мексиканского залива, полуострова Юкатан, берегов Центральной и Южной Америки. И везде испанские мореплаватели натывались на «барьер» суши. Атлантическое «море — океан», казалось, со всех сторон окружено ею. Тщетно плыли каравеллы далеко на юг, вдоль берегов Нового Света, названного так Америго Веспуччи, — «южного прохода» к Индии они не находили.

Земляк Колумба, генуэзец Джованни Кабот, «явился к английскому королю, дабы склонить его к предпринятию, похожому на то, какое было организовано в Индию, — писали своему послу в Англии правители Испании Фердинанд и Изабелла. — И он может на это пойти». Действительно, Кабот сумел убедить английского короля в том, что, плывя на запад, можно достичь островов Пряностей, расположенных на крайнем востоке. Ход мыслей Кабота был прост и логичен: в Мекку караваны привозят пряности из дальних стран, а те получают их из мест, еще более далеких. Если исходить из того, что Земля — шар, конечная цель, т. е. острова Пряностей должны лежать где-то на северо-западе.

Колумб плыл на юго-запад от Испании. Кабот — на северо-запад от Англии. Подобно Колумбу, он пересек океан и достиг земель; подобно своему земляку, он принял их сначала за «страну Великого хапа». Однако и здесь европейцы имели возможность убедиться в том, что вновь открытые территории — это «Новый Свет», преграждающий путь на восток. И подобно тому, как испанцы ищут в крайних пределах Атлантики «юго-западный проход», англичане отыскивают его на северо-западе Нового Света, вставшего неожиданный и огромной преградой на пути в Азию.

ГДЕ ПРЕДЕЛЫ АТЛАНТИКИ?

20 сентября 1519 года из устья Гвадалквивира вышла флотилия под командованием Магеллана. Цель экспедиции — достичь островов Пряностей, следуя западным путем, — была не новой. И то, что Магеллан хотел совершить кругосветное плавание, также не удивило испанцев, снарядивших его экспедицию. Ведь еще Христофор Колумб, к тому времени покойный, рассчитывал во время своего последнего плавания на запад достичь Малакки, обогнуть ее и вернуться в Испанию через Индию и Африку. Правда, Магеллан знал, что берега Азии начинаются не сразу за Атлантикой, их отделяет еще какое-то море, ибо еще в 1513 году Бальбоа пересек Панамский перешеек и открыл «Великое Южное море» — Тихий океан. На другом конце этого моря и лежат богатые страны Востока...

Никто не мог отыскать проход в «Южное море» из Атлантики. И все же Магеллан был убежден, что к югу от «Страны

Святого Креста», т. е. материка Южной Америки, обязательно должен быть пролив. Уверенность Магеллана была не меньше, чем уверенность Колумба в том, что плывя на запад, он достигнет Азии. И ему, подобно Колумбу, удалось отстоять свой проект. Экспедиция выпла в путь, достигла берегов Бразилии и начала продвигаться вдоль берегов Нового Света, все дальше и дальше к югу. Могучее «Пресное море», которое за несколько лет до Магеллана посчитал проливом погибший на его берегах Хуан Диас Солис, оказалось устьем великой реки Ла-Плата. Далее на юг простирались неведомые пустынные земли. У этих безрадостных берегов и пришлось остановиться на зимовку эскадре Магеллана: в южном полушарии наступила зима.

В октябре, когда припла весна, Магеллан двинулся дальше на юг. 21 октября 1520 года, пройдя более 4000 километров вдоль неведомых берегов, за 52 градусом южной широты он увидел пролив, ведущий на запад. Через 38 дней мытарств и бедствий в этом опасном проливе, ныне справедливо названном именем Магеллана, суда вышли на просторы долгожданного Южного моря. Пролив соединял два величайших океана нашей планеты — Атлантический и Тихий.

Магелланов пролив, однако, не был «пределом Атлантики». Ведь к югу от него находилась какая-то неизвестная земля, названная Магелланом «Землей Огней». Географы XVI века поспешили объявить ее частью Терра Инкогнита Аустралис («Неведомой Южной Земли»). По их мнению, земля эта занимала огромное пространство в южном полушарии и «замыкала» не только Атлантический, но и Тихий и Индийский океаны. Лишь в конце XVI века «железный пират» Фрэнсис Дрейк, отнесенный бурей далеко на юг, обнаружил, что Огненная Земля — это не выступ Южного материка, а лишь остров, за которым простирается беспредельное море. Воды Атлантики здесь сливались с водами Тихого океана.

И все-таки материк, ограничивающий Атлантику с юга, существовал! Только находился он в тысяче километров к югу от Огненной Земли. Тщетно пытался обнаружить его знаменитый Джеймс Кук, бороздя холодные воды в антарктических широтах. «Риск, которому подвергаются при исследовании берегов в этом неведомом ледовом море, столь велик, что я смело могу сказать — никто не отважится проникнуть дальше, чем это удалось мне, и земли, которые, возможно, лежат на юге, навсегда останутся необследованными», — писал Кук. Однако не прошло и полувека, как великие русские мореплаватели Ф. Ф. Беллинсгаузен и М. П. Лазарев сумели проникнуть на юг дальше Кука и открыли материк Антарктида! Пронзопло это в 1820 году. Еще один «предел» Атлантического океана был найден; итак, с востока его ограничивают Европа и Африка, с запада — Новый Свет, а с юга — Антарктида.

Правда, некоторые современные ученые считают, что южной границей Атлантики, так же как Индийского и Тихого океа-

нов, надо считать не собственно материк Антарктида, а холодные воды, его омывающие, особый «Южный», или «Антарктический», океан, с морями Росса, Амундсена, Беллинсгаузена, Уэдделла и Скоша, общей площадью 35 896 000 квадратных километров. Выделяют этот Южный океан ученые потому, что температура, влажность воздуха, соленость вод, состав осадков несколько отличен от тех же «параметров», характерных для остальных океанов — Атлантического, Индийского и Тихого. Но, пожалуй, не меньшую роль здесь играет аналогия с океаном, находящимся на противоположном, Северном полюсе планеты, — Арктическим, или Северным Ледовитым.

История открытия «северного предела» Атлантики — это история многовековых поисков прохода к берегам Азии на северо-западе и северо-востоке. Уже в середине XVI века появляются «Рассуждения рыцаря сэра Хэмфри Гилберта в доказательство существования Северо-Западного прохода в Китай и Индию». По мнению этого рыцаря, Америка — это и есть та самая Атлантида, о которой писали античные авторы. А так как Атлантида — остров, то и на севере должен существовать пролив, сходный с тем, что Магеллан открыл на юге. «Я считаю, что путь на северо-запад кругом Америки является наиболее подходящим для наших целей, и в этом убеждении поддерживают меня не только высказывания Платона, Аристотеля и других древних философов, но и лучшие современные географы». Далее сэр Хэмфри приводил в пользу своей теории «неопровержимые» доказательства: если бы Азию с Америкой соединяла суша, то либо китайцы пришли бы в Новый Свет посуху, либо же туда вторглись бы полчища татар, всегда живущих на краю голодной смерти. А так как ни китайцев, ни татар в Америке не обнаружено, стало быть, материки разделяет вода.

Однако все попытки обнаружить Северо-Западный проход, предпринятые англичанами и датчанами в конце XVI — начале XVII веков, успехом не увенчались. Мореплаватели блуждали в лабиринте островов и морей, оказывавшихся гигантскими заливами, вроде Гудзонова или Баффинова (по площади большего, чем все Балтийское море). «Нет ни прохода, ни надежды на проход», — подытожил эти поиски Баффин, в честь которого был назван упомянутый залив (на современных картах его именуют «море Баффина»). Лишь в XIX веке начинается новая кампания по поиску «бреши в Новом Свете», через которую, плывя по Северной Атлантике, можно было бы выйти в воды Тихого океана.

И только в начале нашего века прославленный полярник Руал Амундсен, впервые в истории человечества, проходит из Атлантики в Великий океан, обогнув берега Северной, а не Южной Америки. Лишь через 400 с лишним лет после экспедиции Кабота удалось достигнуть востока, плывя на северо-запад (в то время как проект Колумба был осуществлен Магелланом спустя каких-то сорок лет!).

Где находится граница между Атлантикой и Северным Ледовитым океаном? Отграничить последний от Тихого нетрудно — естественным рубежом служит узкий и неглубокий Берингов пролив. С Атлантикой же самый северный океан планеты связан настолько органично, что некоторые океанографы считают его частью Атлантического океана. Однако большинство ученых так не думает: слишком уж своеобразен северный океан, обрамленный массивами Евразии, Гренландии и Северной Америки. Границу между ним и Атлантикой проводят по подводным горам, лежащим под толщей воды, или подводным порогам.

«ЕСЛИ БЫ ОСУШИТЬ ОКЕАН...»

Что находится на дне Атлантики? Об этом, так же как и о «пределах океана», спорили античные ученые. Сенека и Страбон полагали, что на дне морском имеются, как и на суше, горы, долины, равнины, ущелья. Плиний Старший и Аристотель считали океан бездонным. Споры эти продолжались вплоть до XIX века, когда в результате многочисленных промеров было установлено, что в любой точке Атлантики, так же как и других океанов, можно достать дна — хотя лежит оно под толщей воды в несколько километров. «Бездонных пучин» на Земле не существует, есть лишь огромные «шрамы» на ее поверхности, скрытые водой. Установить это удалось после того, как в открытом океане стали измерять глубины с помощью механического лота.

В середине прошлого столетия встал вопрос о телеграфной связи между Старым и Новым Светом. Решено было проложить кабели через всю Атлантику, разделяющую Западную Европу и Северную Америку. Начались длительные и тщательные промеры океанского дна. И тут обнаружилось, что в середине Атлантики, скрытые на глубине одного, двух, а то и более километров, находятся горы и целые горные хребты! Это вызвало удивление и страстное желание ученых «узреть» сквозь толщу вод дно океана, увидеть подводную страну... Какова она? Встретим ли мы здесь что-то подобное земному рельефу? Или нас ждет нечто новое, совершенно отличное от него? Об этом ученые прошлого века могли лишь спорить или мечтать, в зависимости от темперамента, — слишком мало было в их распоряжении средств, позволяющих проникнуть в тайну страны на дне Атлантики.

«Если бы можно было осушить воды Атлантики, чтобы открыть взору этот громадный морской шрам, разделяющий континенты и протягивающийся от Арктики до Антарктики, нам представился бы пейзаж чрезвычайно сложный и величественный. Самые ребра твердой земли, являющиеся основанием моря, были бы обнажены, и нам открылось бы зрелище пустой колыбели океана», — писал в 1855 году М. Ф. Мори, один из «отцов» современной науки об океане.

Конечно, это было лишь мечтой. И все же ученые смогли проникнуть в глубины атлантических вод, не «осушая» их. Старт научному изучению океана был дан сто лет назад. В 1872 году в Атлантику вышел «Челленджер», британский военный корабль, переоборудованный под лабораторию. Три с половиной года продолжался рейс «Челленджера». Из Атлантики судно направилось в Индийский океан, из Индийского — в Тихий, а затем вновь вернулось в Атлантику, пройдя в общей сложности около 70 000 морских миль. Ученые на борту «Челленджера» не только регулярно измеряли глубины океана, но и брали пробы дна, проводили химические анализы воды, взятой с различных глубин, измеряли ее температуру и т. д.

Впрочем, и после завершения рейса «Челленджера» исследователям хватило дел: обработка полученных материалов и подготовка их к печати заняла... двадцать один год! Результаты экспедиции «Челленджера» заняли пятьдесят объемистых томов, причем многие из них не потеряли своего значения и по сей день. Недаром дата начала рейса «Челленджера» считается и датой рождения океанографии как науки (и день 30 декабря может быть назван «днем океанографа»).

Вслед за «Челленджером» на просторы Атлантики выходит целый ряд других судов, которые ведут исследования океанского дна. Кроме чисто научного интереса, проникнуть в тайну дна Атлантики требовали и практические соображения. Тут были и прокладка трансатлантического кабеля, и безопасность судоходства, и изучение полезных ископаемых, скрытых на дне. К началу первой мировой войны в Атлантике было произведено около 2000 глубоководных промеров.

Две тысячи — величина солидная. Но это капля в море для Атлантики, имеющей площадь порядка 80 миллионов квадратных километров, т. е. Африки, Австралии, Океании, Северной, Центральной и Южной Америк вместе взятых. Представьте себе, что они были бы покрыты водой и мы бы сделали всего-навсего 2000 измерений. У нас запросто могли бы потеряться такие «детали», как Анды, Сахара, Новая Зеландия и т. п.!

Шельф — мелководье, примыкающее к материкам, мели, банки, подводные «цоколи», на которых стоят острова в Атлантике, — все эти элементы подводной страны в первом приближении были изучены. Но общие контуры «Атлантики подводной» еще полсотни лет назад рисовались ученым, мягко говоря, очень смутно. Ученые понимали, что необходимо как можно больше данных, максимально возможное число глубоководных промеров. Но ведь каждый такой промер отнимал несколько часов напряженной работы. Свинцовый лот опускался на дно, прикрепленный к прочному пеньковому лотлиню, потом пеньку заменил стальной трос — вот, собственно говоря, и вся «механизация» со времен Петра Великого до XX века в деле измерения глубин.

В начале нашего века ученые, работавшие в различных странах — США, Германии, Франции, — доказали, что глубины океа-

па можно измерять не лотом, а с помощью эха, посылая звук на океанское дно и улавливая затем его отражение. В 1922 году этот принципиально новый способ измерения глубин нашел практическое применение. Результаты не замедлили сказаться. Только одна экспедиция на немецком судне «Метеор» в 1925—1927 годах сделала 67 000 эхолотных промеров.

Правда, и здесь ученым приходилось работать «вручную», вернее, «на слух» и «на глаз»: эхо надо было прослушивать собственным ухом и засекал время, пройденное им, по секундомеру. Но и эта проблема была решена, когда появились автоматические, «самопишущие» эхолоты, которые могли вести непрерывную запись измерений на любых глубинах. Это позволило вести не «точечное», в отдельных пунктах океана, а «сплошное» изучение профиля дна по ходу судна. И этой возможностью не преминули воспользоваться океанографы. Только в Северной Атлантике суда одной лишь обсерватории (Ламонт, США) «прочесали» более 300 000 миль океанского дна. А ведь в Атлантике работали и английские, и шведские, и немецкие, и датские экспедиции, не говоря уж о советских океанографических судах, являющихся настоящими «институтами на плаву».

Советское экспедиционное судно «Михаил Ломоносов», вооруженное последними достижениями техники XX века, включая вычислительную машину, внесло значительный вклад в изучение Атлантики. В 1961 году с борта этого судна в тропической зоне Атлантического океана было обнаружено мощное подповерхностное экваториальное противотечение, названное именем Ломоносова. Это было одним из крупнейших географических открытий нашего времени. Благодаря рейсам «Михаила Ломоносова» на карту были положены тысячи квадратных километров подводной страны, скрытой водами Атлантики.

В 1966 году в Атлантическом океане начал свой первый рейс «Академик Курчатов», судно, оборудованное ультрасовременными приборами, с площадью лабораторий, в два раза превышающей площадь лабораторий на «Михаиле Ломоносове» или знаменитом «Витязе» (на борту «Академика Курчатова» целых 24 лаборатории!). Появление этого судна знаменует новую эру в океанографических исследованиях — таков единодушный вывод научных работников и морских специалистов. В последующие годы у «Академика Курчатова» появилось более десятка «братьев», судов, оснащенных еще более мощной и современной техникой.

Что же удалось узнать о подводном рельефе Атлантики за столетие, разделяющее рейс «Челленджера» и экспедиции современных плавучих институтов? Ведь практически науке нашего XX века удалось воплотить в жизнь мечту Мори, даже и не «осушая воды Атлантики». В чем рельеф подводной страны на дне Атлантического океана похож на рельеф суши? И есть ли между ними принципиальные отличия?

МАТЕРИКИ И ОКЕАН

Атлантический океан омывает берега двух континентов Старого Света — Европы и Африки и «трех Америк» — Северной, Центральной и Южной. Вдоль берегов материков, а также возле побережья крупных островов, вроде Кубы или Ньюфаундленда, на несколько десятков километров, а порой и сотен, тянется кромка материковой отмели, или шельфа. Здесь сравнительно малые глубины (не более 200 метров), берега близко — и эта часть океана изучена лучше всего. В структуре шельфа нет ничего принципиально нового, отличного от того, что мы привыкли видеть на суше. Это неудивительно, если вспомнить о повышении уровня океана, связанном с таянием льдов (ведь мы живем в послеледниковое время!). Шельф когда-то был суши, и «рост» океанских вод привел к тому, что она стала дном. (Иногда к этому приводило и опускание суши.)

Но шельф — лишь «кромка» материка, порой узкая, порой широкая, а не сам океан. «Границей» же суши служит не «вода» (ведь она покрывает и шельф), а континентальный склон, разделяющий ложе океана и материк, возвышающиеся над ним на два, три, четыре, а то и пять километров.

Континентальный склон считали когда-то ровной поверхностью. Однако оказалось, что он расчленен ложбинами, глубиной от нескольких сотен метров до двух километров. Эти ложбины настолько похожи на каньоны горных рек, что их по аналогии стали называть подводными каньонами. Является ли это сходство чисто внешним? Или же в самом деле здесь когда-то текли реки, проложившие себе путь по суше, а ныне ставшие частью океанского дна? На этот вопрос и по сей день нет точного ответа: проблема происхождения подводных каньонов является одной из самых дискуссионных в океанографии наших дней.

Спор о подводных каньонах насчитывает не один десяток лет. А вот о происхождении материкового подножия ученые начали спорить каких-нибудь 8—9 лет назад. Правда, в это же время было открыто и само материковое подножие, которое, говоря словами крупнейшего советского геоморфолога профессора О. К. Леонтьева, «представляет собой наклонную, нередко слабоболнистую равнину, окаймляющую основание материкового склона широкой — до 1 тыс. км — полосой, на глубинах порядка 2—4 тыс. м, иногда до 5 тыс. м». Это — наименее изученный тип рельефа океана. Ученые могут лишь строить гипотезы о его происхождении и «месте» среди структур континентов и океанов (одни считают материковое подножие частью окраины материка, но опустившейся на километр и более; другие полагают, что это своеобразная «переходная зона» между континентом и океаном и границей между «сушей» и «морем» служит не материковый склон, а материковое подножие). Помимо споров, океанографы стремятся выявить границы этого подножия.

Оказывается, у европейской окраины Атлантики оно уже, чем у окраины Северной Америки, а в районе Гибралтарского пролива отсутствует вообще. Вдоль Африки и вдоль Южной Америки оно предстает в виде наклонной равнины, кое-где прорезанной глубокими ложбинами.

Большую часть площади дна Атлантики (да и других океанов) занимает «ложе океана» — плоская равнина, погруженная на глубину нескольких километров. На этой равнине встречаются отдельные холмы, возвышенности, вулканы, горы и даже целые горные хребты, отделяющие одну котловину от другой. Например, гряда вулканических гор отделяет Лабрадорскую котловину от Ньюфаундлендской; подводная возвышенность Риу-Гранди разделяет Бразильскую и Аргентинскую котловины. В юго-восточной части Атлантики крупный подводный хребет, называемый Китовым (по одноименной бухте на побережье Юго-Западной Африки), отделяет Ангольскую котловину от Капской, возвышаясь над ней на высоту 3000—4000 метров.

«Ложе океана», погребенное под толщей воды в несколько километров, — не самая «выпуклая» часть Атлантики. Оно кажется «мелководьем» по сравнению с желобами, самыми глубокими «шрамами» на лице нашей планеты. В настоящее время известно около трех десятков глубоководных желобов. Львиная доля приходится на Тихий океан. В Атлантике их обнаружено лишь четыре: желоб Южно-Сандвичев (Южная Атлантика) глубиной 8428 метров, желоб Пуэрто-Рико (около одноименного острова) глубиной 8385 метров, желоб Романш в центре Атлантики (7728 метров), желоб Кайман (в Карибском море) глубиной 7680 метров. Это — максимальные глубины Атлантического океана, который уступает Тихому не только по величине, но и по глубине (в Тихом океане есть впадина глубиной свыше 11 километров — максимальная из известных пока глубин Мирового океана).

Все глубоководные желоба, за исключением Романша, связаны с островами, находящимися неподалеку от них (внимательный читатель мог бы заметить, что и названия атлантических пучин даны по наименованиям островов Атлантики: Кайман, Пуэрто-Рико, Южные Сандвичевы острова). И не просто с островами, которые, по существу, являются лишь торчащими над водой вершинами величественных структур, скрытых океаном.

«Островные дуги» — так называют геологи и океанографы эти структуры. Выделяет их не только связь с островами и глубоководными желобами, но и катастрофические явления, вроде извержений вулканов, гигантских волн цунами, страшных землетрясений.

В Тихом океане «рекордсменом» в этом отношении является Японский архипелаг и Индонезия. В Атлантике с ними могут соперничать островные дуги Больших Антильских, Малых Антильских и Южных Сандвичевых островов.

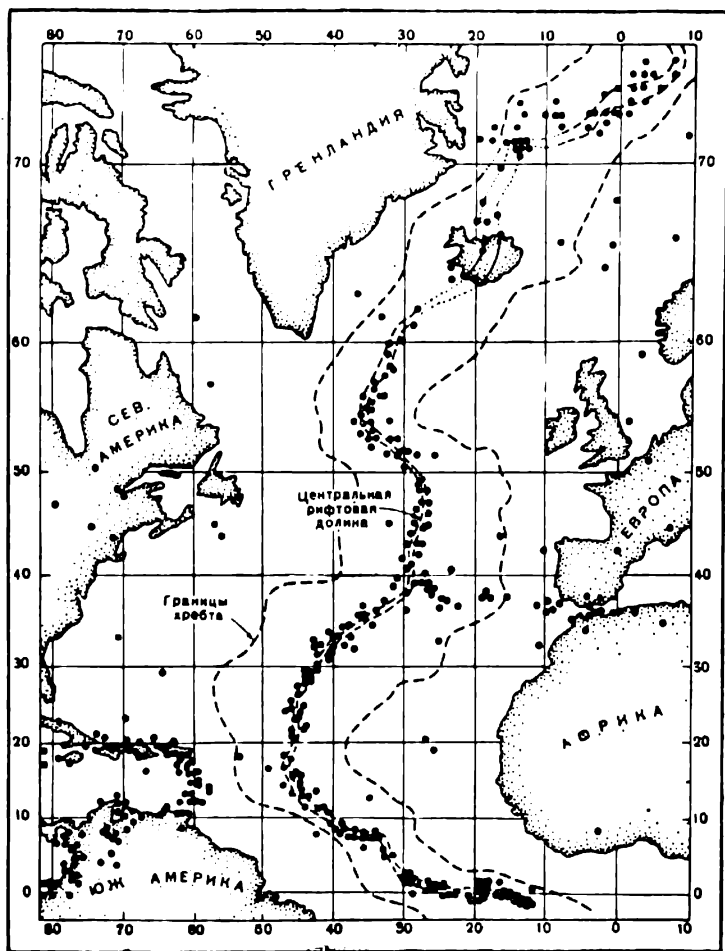
АТЛАНТИКА «ВДОЛЬ»...

Горы и вулканы, каньоны и пропасти, котловины и холмы — все это есть и на суше, пусть порой и не в таких грандиозных масштабах, как под водой (где на материке найдем мы пропасти, подобные глубоководным желобам, уходящие на много километров в глубь Земли?). Однако на дне Атлантики открыта и совершенно особая форма земного рельефа, причем настолько необычная и «масштабная», что ее считают третьей (наряду с «материками» и «океанами») разновидностью рельефа нашей планеты. Это — так называемый Срединно-Атлантический хребет, тянущийся вдоль всей Атлантики и входящий в единую систему срединных хребтов, опоясывающих земной шар.

Отдельные пики и вершины великого хребта были обнаружены в Атлантике очень давно, более века назад (вспомните о прокладке трансатлантического кабеля). Затем, по мере того как увеличивалось число промеров, а вместе с ними — и наши знания о подводной стране на дне Атлантического океана, все четче стали проступать очертания целой горной страны, по площади сопоставимой с материками. Оказалось, что около одной трети (!) всей поверхности дна этого океана занято гигантским хребтом. На дне Атлантики, под слоем воды, достигающим в среднем почти 3 километров (2740 метров), находится грандиозная страна, площадью превышающая Европу, с горами высотой до 3 и даже 4 километров (средняя же высота хребта — 1830 метров), полосой шириною от 500 до 1500 километров тянущаяся по всей протяженности океана. Причем хребет действительно «Срединный»: он проходит точно по центру Атлантики, образуя фигуру, подобную латинской букве «S». Начало буквы — у северного полярного круга, а конец — у южного!

На севере Срединно-Атлантический хребет переходит в Срединно-Арктический (первым высказал предположение о его существовании советский геолог Я. Я. Гаккель, а последующие исследования в Арктике и ее водах блестяще подтвердили его правоту). В южной оконечности Атлантики, там, где ее воды смыкаются с холодными водами Антарктического океана, Срединно-Атлантический хребет переходит в Срединно-Индоканский, а промежуточным звеном служит Африкано-Антарктический хребет. (Срединно-Индоканский хребет, в свою очередь, переходит в хребты, пересекающие Тихий океан и на севере смыкающиеся со Срединно-Арктическим. Таким образом, срединные океанические хребты образуют цепь, опоясывающую планету на протяжении около 60 000 километров, т. е. равны протяженности всех гор суши!)

Срединно-Атлантический хребет занимает центральную часть Атлантики. И у него есть свой «центр» — центральный хребет, идущий по осевой линии. Главная цепь Срединно-Атлантического хребта имеет наибольшую высоту и именно она проходит точно по середине океана. Западные и восточные склоны хреб-

Эпицентры землетрясений, происходящих вдоль Срединно-Атлантического хребта. (По Х. Такеучи, С. Уэда, К. Канамоори «Двигутся ли материки?»)

та, сильно расчлененные, переходят в плато, также изрезанные ущельями. Но, что самое удивительное, глубоким ущельем, или трещиной, рассечен и сам гребень Срединно-Атлантического хребта. Это — так называемая рифтовая долина.

Термин «рифтовая долина» образован от английского слова «рифт», означающего «расселина, ущелье». Обозначает он вытянутые впадины земной коры с крутыми склонами. Рифтовые долины хорошо известны геологам, изучающим строение материков (самые большие и самые характерные долины этого типа находятся в горах Восточной Африки). Оказывается, что и глубоко под водой рифтовая долина пересекает главную цепь Срединно-Атлантического хребта. Ширина рифтовой долины, т. е. расстояние между вершинами гор, которые она разделяет, достигает 50 километров, а глубина долин, считая от вершин, доходит до 4 километров. Пронасти таких размеров и глубин мы вряд ли отыщем на суше (глубина знаменитого Гранд-Каньона в американском штате Колорадо «всего лишь» 1300 метров).

Мореходов, пересекающих Атлантику, давно удивляли необычные явления, происходящие в центре океана: почему здесь, среди бескрайней водной глади, происходят «моретрясения», подобные землетрясениям на суше, а порой можно наблюдать даже извержения вулканов под водой. Наложив на карту сейсмических зон Атлантики очертания рифтовой долины, пересекающей Срединно-Атлантический хребет, ученые убедились в том, что долина эта проходит именно там, где происходят моретрясения и подводные извержения. Рифтовая долина — это самое «горячее» место.

Наиболее впечатляющая часть рифтовой долины, пересекающей главную цепь Срединно-Атлантического хребта, находится между 30 и 34 градусами северной широты. Глубина ее доходит здесь до 3900 метров (т. е. в три раза превосходит глубину Гранд-Каньона!), склоны имеют крутизну 10—12 градусов. Над верхней кромкой этого поистине «адского» ущелья лежит толща воды в полтора километра, а дно его, таким образом, отделяет от поверхности почти пять с половиной километров.

5500 метров — глубина, сопоставимая с той, на которую погружены глубоководные желоба океана. Однако известный советский океанограф А. В. Ильин, внесший существенный вклад в открытие подводного рельефа Атлантики, отметил важное различие между этими «шрамами» на теле Земли. Дно глубоководных желобов — ровное, плоское. А дно рифтовых долин — расчлененное, неровное. «Несмотря на то что по своим линейным размерам рифтовая долина вполне сопоставима с глубоководными желобами, характер их расчленения во многом различен», — пишет А. В. Ильин в статье «Рифтовая долина в Атлантическом океане» («Природа», № 3, 1961).

Далеко не везде гребень Срединно-Атлантического хребта рассечен рифтовой долиной. Отдельные участки разделены двумя или даже тремя рифтами, а во многих местах они отсутст-

вуют вообще. Кое-где Срединно-Атлантический хребет имеет гигантские трещины, идущие не «вдоль», а «поперек» (т. е. не в направлении север — юг, в котором ориентирован весь хребет, а в направлении запад — восток). Например, у 31° северной широты Срединно-Атлантический хребет рассечен провалом (точнее, «широтным океаническим разломом»), достигающим глубины свыше 5 километров и тянущимся от 41 до 43° западной долготы. Несколько подобных же «широтных разломов» пересекают хребет в районе между 10° северной широты и экватором. Причем именно в этих зонах наблюдались самые сильные и разрушительные (свыше 7 баллов) сотрясения земной коры.

Впрочем, здесь наше описание подводного рельефа Атлантики, следующее по ходу ее Срединного хребта, т. е. «вдоль», переходит в описание гор, разломов и котловин, находящихся по обеим сторонам хребта.

...И АТЛАНТИКА «ПОПЕРЕК»

Срединно-Атлантический хребет занимает треть подводной страны. Еще большая площадь приходится на долю «ложа океана» — глубоководных равнин. Однако даже на оставшейся площади размещается такое число различных форм рельефа, что его вполне бы хватило для материка размером с Австралию или Европу. Наиболее интересно из них так называемое Азорское плато.

Лишь только два острова из Азорского архипелага — Корву и Флориш — являются вершинами Срединно-Атлантического хребта (так же, как и остров Святого Павла, остров Вознесения, острова Тристан-да-Кунья, остров Буве, крохотные островки Гоф и Роколл и огромный остров Исландия — все это надводные части Срединно-Атлантического хребта!). Остальные острова — Азор — Фаял, Терсейра, Пикю и другие — являются вершинами не самого хребта, а Азорского плато, обширной подводной страны площадью около 140 000 квадратных километров (размеры среднего европейского государства).

Азорское плато — это место «пересечения» Срединно-Атлантического хребта (идущего вдоль Атлантики) и не столь грандиозного, но достаточно большого подводного поднятия, которое тянется от Северной Америки к берегам Испании (т. е. «поперек» Атлантики). Наиболее хорошо изучена подводная связь Азорского плато с Пиренейским полуостровом, ибо тут от восточного конца Азорского плато к Гибралтарскому проливу протянулся Азорско-Гибралтарский хребет, который идет не «вдоль», а «поперек» океана и не связан с мировой системой срединных хребтов.

В 500 километрах к западу от Гибралтарского пролива расположена не менее интересная группа подводных гор, получившая название «Подкова». Действительно, горы располагаются

здесь в виде подковы. Причем многие из них своими вершинами чуть-чуть не достают до поверхности океана, образуя систему банок. С подводным архипелагом Подковы, вероятно, связаны и надводные острова Мадейра, Порту-Санту, Дезерташ, а также открытая около ста лет назад банка Геттисбург, расположенная всего лишь в 200 километрах от берега Португалии. Она погружена на небольшую глубину — около 40 метров. Таким образом, от берегов Пиренейского полуострова в Атлантику протягиваются как бы две «руки»: одна, в виде Азорско-Гибралтарского хребта, идет на запад, к Азорскому плато, а вторая — на юго-запад, к Канарским островам.

Среди унылых равнин океанского «ложа», погруженных на глубины в несколько километров, в последние годы были открыты величественные горы, по своим размерам сравнимые с горами на материке (в то время как на суше не найти столь грандиозных форм рельефа, которые могли бы соперничать в масштабах со Срединно-Атлантическим хребтом, океан превосходит сушу не только глубинами, но и масштабами гор). Так, например, недавно в центральной части Ньюфаундлендской котловины океанографы открыли грандиозный пик, названный «подводная гора Мильн». Высота ее — около 5 километров. Подводные горы Келвин, находящиеся между Бермудскими островами и заливом Мэн в Северной Америке, имеют высоту около 4 километров; диаметр основания каждой горы достигает 50 километров. И гор этих так много, что они образуют дугу, протянувшуюся на 1500 километров, от Бермудских островов до Новой Англии. Еще одна группа подводных гор протягивается от Бермудских островов на северо-восток Атлантики. Первую из них обнаружил в 1945 году американский военный корабль «Муир», в честь которого и получил название весь подводный архипелаг. Гора эта имеет ширину около 60 километров, длину более 100 километров и возвышается над окружающим ландшафтом почти на 3,5 километра. Причем ландшафт этот не являет унылую картину «глубоководной равнины», ибо в районе Бермудских островов, над котловиной, находится овальное Бермудское поднятие (а над ним, в свою очередь, вздымают свои вершины горы Муира). Другое подводное поднятие, меньших размеров, примыкает к Большой Ньюфаундлендской банке, этому современному «рыболовному раю». Подводный архипелаг Муир связан с Бермудским, подводные горы Келвин связаны с Угловым поднятием. Последнее названо так потому, что на северо-западе граница между ним и глубоководной равниной образует прямой угол.

Еще одно подводное поднятие в Северной Атлантике носит название Роколл, по одноименному крохотному островку (меньше 100 метров в окружности!), расположенному в районе между Гебридскими островами и Исландией. Всего лишь на 20 метров возвышаются его скалы над океаном. Островок является вершиной подводного плато, пересеченного двумя небольшими

хребтамп. Наконец, в Южной Атлантике находится Рпу-Гранди, еще одна атлантическая возвышенность, скрытая водами океана.

Срединно-Атлантический хребет делит Атлантику на две равные части, западную и восточную. Порой ширина его так велика, что хребет не оставляет места для глубоководных котловин (например, на севере Атлантики). Но большую часть дна океана по обе стороны хребта занимают тысячи квадратных километров океанского «ложа», которое пересекают поперечные хребты, цепи гор и возвышенности, разделяющие Атлантику на отдельные котловины. Выше мы уже называли некоторые из них: Бразильскую, Аргентинскую, Ангольскую, Капскую, Лабрадорскую, Ньюфаундлендскую. В Атлантическом океане есть и другие котловины, не меньших размеров: Гренландская, Норвежская, Североамериканская, Западноевропейская, Канарская, Зеленого Мыса, Гвианская. Однако многие котловины Атлантики не названы нами — просто потому, что они открыты совсем недавно и еще не вставал вопрос об их наименовании.

ЗЕМЛЯ ПОД МОРЕМ

Вне всякого сомнения, в недалеком будущем в Атлантическом океане будут открыты новые подводные хребты, величественные горы, обширные глубоководные котловины. И все-таки Атлантика считается наиболее изученным океаном нашей планеты. Ученые сумели положить на карту основные черты ее рельефа. Больше того: они начинают все глубже проникать не только сквозь многокилометровую толщу воды, скрывающую подводный рельеф, но и сквозь плотный слой осадков, покрывший дно за многие миллионы лет существования океана. И даже пробуют заглянуть еще глубже, пробиться сквозь земную кору и проникнуть в сокровенные тайны планеты.

Подлинный «штурм» океанских глубин, принесший открытие подводной страны, начался столетие назад. Новое, еще более «глубокое», в прямом и переносном смысле этого слова, открытие Атлантики ознаменовалось рождением геологии моря. «Книга осадков», — синего, зеленого, красного ила, вулканического пепла, лавы, гальки, песка и т. д. — уже много лет успешно «читается» учеными, хотя прочитаны в ней пока что немногие страницы. А когда океанография взяла на вооружение методы геофизики, появилась возможность исследовать самый нижний «слой» — собственно дно Атлантического и других океанов.

Первые же геофизические исследования принесли крайне интересные результаты. Оказалось, что океаническая земная кора отличается от той коры, с которой имеют дело геологи, изучающие структуру материков. Материковая кора состоит из трех слоев: осадочного, гранитного и базальтового. Океаническая — из двух: осадочного и базальтового. Гранитный слой в ней отсутствует. И если толщина коры материков равна нескольким

десяткам километров (иногда — 75 и даже 80!), то толщина океанической коры не превышает 5—10, а порой и 3 километра. Вот почему ученые надеются найти «ключ» к решению самых сокровенных тайн, скрытых в недрах планеты, не на суше, а на океанском дне. Как бы ни было сложно подводное бурение, все-таки пробиться к «сердцу Земли», ее мантии, проще, просверлив несколько километров океанической коры, а не многие десятки километров коры материковой.

Не один лишь чисто научный интерес заставляет ученых провигать «слой за слоем» в океанские глубины. Ведущие державы мира отпускают колоссальные средства на океанографические исследования не только для того, чтобы удовлетворить любознательность людей науки. Ведь изучение недр океана сулит открытие несметных богатств, скрытых водами морей и океанов. Уже сейчас со дна Атлантики и ее морей добывается множество полезных ископаемых, жизненно необходимые человечеству.

Мы говорили о том, что шельф — это сравнительно недавно затопленные части материков. Стало быть, «недра шельфа» не менее богаты, чем недра соседних с ним участков суши. Например, месторождения нефти и газа разрабатываются не только на суше, но и на прибрежном мелководье Мексиканского залива, Северного моря, у берегов Калифорнии, Венесуэлы, Мексики, Аргентины, острова Тринидад. На дне моря заложены сотни буровых скважин, и подводная добыча нефти неуклонно растет из года в год. Ибо недра одного только шельфа содержат столько же запасов газа и нефти, сколько все материки суши, вместе взятые. Богатые запасы скрывает и континентальный склон. В наши дни разрабатываются смелые проекты, предусматривающие добычу газа и нефти не только в зоне континентального шельфа, но и на глубинах в сотни метров, а возможно, и несколько километров!

Со дна моря добываются и другие ископаемые, которыми богат шельф: железные руды, фосфориты, сера, угли. Причем открываются все новые и новые полезные ископаемые, скрытые на дне морском. И это далеко еще не все сокровища океана. За миллионы лет его существования на дне его образовался мощный слой осадков. И среди них — богатейшие россыпи минералов, в том числе и самых ценных. Например, у берегов Юго-Западной Африки под водами Атлантического океана залегают алмазные пески. Огромные пространства дна Атлантики буквально усеяны железо-марганцевыми «конкрециями» — минеральными веществами в форме лепешки диаметром в несколько сантиметров. Порой на один квадратный метр океана приходится несколько десятков килограммов этих железо-марганцевых руд. Иногда конкреции превращают дно Атлантики в нечто вроде булыжной мостовой, ибо лежат сплошным покровом. А ведь содержат они не только железо и марганец, но и медь, кобальт, никель, молибден. Сравните сами: мировые запасы

кобальта на суше оцениваются в 1 миллион тонн. На дне океанов мира, в конкрециях, хранится около 1 миллиарда тонн этого ценнейшего металла, то есть в тысячу раз больше!

Дно океанов является подлинной сокровищницей, почти совсем еще не тронутой человеком. «Кладовые суши» люди начали эксплуатировать тысячи лет назад. «Морские кладовые» еще только-только изучаются, мы взяли из них лишь ничтожную часть сокровищ... Правда, еще несколько веков назад люди добывали сокровища со дна и Атлантического океана, и его морей. Причем самые настоящие сокровища: драгоценные камни, золото, серебро. О них-то и расскажет следующая часть нашей книги.

к н и г а

кораблей

Здесь все сказочно и чудно,
Это воли моря полк,
И на самом носу судна
Был прибит матерый волк.

Велимир Хасбников

СОКРОВИЩА В КОРАБЕЛЬНЫХ ТРЮМАХ

«Атлас сокровищ» — так называется собрание более сорока морских карт, выпущенное нью-йоркской «Поисковой ассоциацией». Второе издание атласа, вышедшее в 1957 году, указывает координаты трех с половиной тысяч затонувших судов, унесших с собой на дно слитки золота и серебра, золотые монеты и другие ценности. Джон Поттер в своем «Справочнике для искателей морских сокровищ», выпущенном издательством «Даблдей», перечисляет около 5000 кладов, погребенных на дне Мирового океана. И львиная доля их приходится на Атлантику и ее моря.

У берегов Гренландии затонуло несколько кораблей викингов и датских купцов. Груз их оценивается в 1 000 000 фунтов стерлингов. У бразильского побережья пошло на дно более полусотни судов (около полумиллиона фунтов стерлингов); огромное множество кораблей лежит у берегов Южной Африки (10 000 000 фунтов стерлингов); у восточного побережья США находится 630 кораблей (около 4 000 000 фунтов), у французского и португальского побережий — 53 корабля (около 9 000 000 фунтов). Затонувшие у берегов Шотландии суда испанской «Непобедимой Армады» хранят в своих трюмах ценности порядка миллиона фунтов стерлингов. Настоящим «золотым дном» являются воды Карибского моря, Мексиканского залива, воды Атлантики, омывающие Флориду, Багамские и Бермудские острова. Так, в Карибском море затонуло более сотни судов с грузом, оцененным в 9 000 000 фунтов, у побережья Флориды — 117 кораблей (11 600 000 фунтов), в Мексиканском заливе — около 70 судов (2 900 000 фунтов), у берегов Кубы — 34 корабля (2 400 000 фунтов), у Бермудских и Багамских островов — более 60 кораблей, общая стоимость сокровищ на их борту оценивается почти в полмиллиарда фунтов. И это — не считая тайников знаменитого пирата Генри Моргана, где спрятаны ценности на 100 000 000 фунтов стерлингов!

Почему именно в этом районе Атлантики находится «золотое дно», понять нетрудно, вспомнив историю. Испанские конкистадоры, захватив земли Нового Света, принялись их грабить. Добычу они, как правило, отправляли на родину, через Атлантику. В течение двух веков, с 1550 по 1750 год, с наступлением весны в порт Вера-Крус на мексиканском побережье из Испании отправлялся «Серебряный флот». Суда пересекали атлантические воды, затем шли вдоль цепочки Больших Антильских островов и, придя в пункт назначения, грузили трюмы сокровищами Мексики. Ежегодные рейсы совершала и другая испанская флотилия, называвшаяся «Золотой флот». Испания — Атлантика — Малые Антильские острова — северное побережье Южной Америки — гавань Портовельо на Панамском перешейке — таков был ее маршрут. Погрузив сокровища Нового Света, и «Золотой», и «Серебряный» флот возвращались в Испанию.

Но далеко не всем судам удавалось благополучно вернуться домой. Сокрушительные ураганы Вест-Индии топили корабли, нагруженные золотом и серебром. Течения несли их на рифы и скалы. Неточные карты той эпохи и ошибки капитанов часто приводили к катастрофам. Громоздкие, малоустойчивые галеоны легко опрокидывались под ударами разбушевавшихся вод. Наконец, стихиям действительно помогали сами люди. Каперы, флибустьеры, букациры и просто пираты, не делавшие различия между «своими» и «чужими» государствами, — все они, найдя надежное прибежище в водах Карибского моря, безжалостно топили суда Испании, с официального или неофициального одобрения других держав.

Впрочем, тонули в Атлантике и голландские, и английские, и французские, и португальские корабли, чьи трюмы хранили миллионные богатства. За период с 1500 года до наших дней восьмая часть всей мировой добычи золота и серебра ушла ко дну вместе с погибшими кораблями, считают специалисты. Если же учесть, к тому же, стоимость других затонувших грузов, исчисляющуюся в миллионах долларов, то можно получить представление о том, какие несметные богатства скрыты под водой.

Конечно, эти затонувшие сокровища, особенно «золотое дно» вест-индских и флоридских вод, как магнит притягивали «кладонскателей» всех национальностей. Да и в наши дни ежегодно у берегов Антильских островов, Багам, Мексики и в особенности Флориды появляются десятки и сотни искателей сокровищ. Их воодушевляет судьба счастливицников, которым поиски под водой принесли богатство. Первым из таких удачликов был судовой плотник Уильм Финне.

В 1684 году этот американский моряк явился ко двору английского герцога Альбермерльского с заманчивым предложением: принять участие в подъеме сокровищ, хранящихся в трюме испанского галеона, что затонул у берегов одного из Багамских островов. Финне сумел раздобыть карту с указанием точного места гибели судна и записки, повествующие о катастрофе, по-

стигшей галеон. Герцог охотно пришел на помощь плотнику после того, как выторговал солидную долю в случае успешного поиска и подъема сокровищ. И даже представил американца самому королю Чарльзу III. Его величество также «вошел в долю» и назначил Фиппса главой экспедиции к Багамским островам, отдав под его начало фрегат.

Однако поиски закончились плачевно. Галеон так и не был найден, команда взбунтовалась и едва не примкнула к пиратам, король Чарльз, покровитель экспедиции за сокровищами, умер, Фиппс вернулся в Англию с пустыми руками. Впрочем, не совсем с пустыми: вместо золота и серебра американец привез с Багамских островов местного жителя, который клялся и божился, что своими собственными глазами видел среди кораллов погивший галеон и даже смог различить блеск драгоценного металла в его трюмах. Герцог снова поверил плотнику, новый король Англии Джеймс II дал милостивое разрешение на поиски, а «Компания джентльменов-искателей приключений» финансировала экспедицию. Фиппс вернулся на Багамы, и на сей раз его поиски увенчались блистательным успехом. Со дна Атлантики было поднято 30 тонн серебряных слитков и многочисленные ящики, набитые золотыми и серебряными монетами. Если оценивать находку Фиппса в масштабе современных цен, она составит более миллиона фунтов стерлингов. Плотник был возведен в рыцарское звание и стал «сэром», назначен на пост губернатора Массачусетса (в те времена — еще британской колонии, а не американского штата) и получил около $\frac{1}{10}$ найденных сокровищ (остальные $\frac{9}{10}$ забрали покровители Фиппса).

СЧАСТЛИВЦЫ И НЕУДАЧНИКИ

Успех Фиппса положил начало «подводной золотой лихорадке», которая, по существу, не прекращается и по сей день. В 1949 году американец Маккей вблизи рифов Кип-Ларго (побережье Флориды) обнаружил затонувшее судно. Акваланг позволил ему обследовать останки корабля. Оказалось, что здесь находится не один, а несколько галеонов, по всей вероятности входивших в состав «Золотого флота», который был почти целиком потоплен страшным ураганом 1715 года. Среди камней, кораллов и пушек на дне Атлантики Маккей нашел три увесистых слитка серебра с клеймами испанского рудника в Панаме. Слитки эти были оценены в 2200 долларов; один из них приобрел для экспозиции исторический музей.

Но слитки, найденные Маккеем, представляли лишь ничтожную часть груза «Золотого флота». Поэтому искатели кладов в течение многих лет вели упорную разведку в том месте, где пошли на дно 14 испанских галеонов, нагруженных сокровищами. Особенно настойчив был американец Кип Вагнер, сменивший профессию инженера-строителя на сомнительную «профессию» искателя сокровищ в трюмах затонувших кораблей.

И настойчивость эта была вознаграждена — Вагнеру удалось, по определению Национального географического общества США, сделать «самую богатую находку затонувших испанских сокровищ в двадцатом веке». Впрочем, сам Вагнер считает, что главным «виновником» его успеха явился все-таки «его величество случай». Он пишет: «Я затратил 18 лет на исторические исследования. Я набрал команду очень трудолюбивых водолазов и снарядил три катера всем необходимым оборудованием. И, самое главное, мне феноменально повезло».

Действительно, совершенно случайно, и не на дне морском, а на песчаном берегу Флориды Кип Вагнер нашел несколько старинных серебряных монет и довольно крупный алмаз. Он догадался, что все это было выброшено на берег со дна недавно пронесшимся над Флоридой ураганом, подобным тому, что около 250 лет назад погубил «Золотой флот». Вагнер нанял самолет и исследовал с него прибрежные воды. И вновь ему повезло: он заметил на дне несколько темных предметов, имевших очертания пушек. Тогда предприимчивый американец нанял водолазов, вооружился магнитометром и другими приборами, с помощью которых можно было вести поиски металлов в воде, приобрел водомет и прочее необходимое оборудование. В итоге ему удалось поднять на поверхность более тысячи золотых дублонов (они покрывали дно, словно сказочный ковер!), слитки, китайский фарфор, украшения, массу серебряных монет — всего на сумму более полутора миллионов долларов. Среди подводных находок выделялась золотая цепь, состоящая из 2176 звеньев и имеющая в длину 3,5 метра.

Но и эти сокровища, по мнению специалистов, далеко не исчерпывают богатств, увнесенных на дно судами «Золотого флота». Действительно, летом 1965 года у Флоридского побережья, на глубине от 5 до 9 метров, неподалеку от берега были найдены под слоем песка слитки серебра, серебряные монеты и посуда, а также слиток золота. И опять-таки, это далеко еще не все богатства «Золотого флота», погибшего в 1715 году, — ведь общий груз его оценивается в 14 000 000 долларов!

Другой «Золотой флот» — 16 галеонов — был погублен в 1643 году ураганом возле мелей Силвер-Бэнкс (что значит «Серебряные мели»). Груз этих затонувших судов оценивается в 65 000 000 долларов (по современному курсу). Вот уже два десятка лет воды Силвер-Бэнкс «прочесываются» водолазами и аквалангистами. Счастливицам удалось поднять золота на 2 500 000 долларов. Остальные 63 500 000 долларов покоятся на дне.

В 1964 году три молодых американских аквалангиста на краю одного из рифов Багамского архипелага, в полутора километрах от берега — но всего лишь на глубине трех с половиной метров — обнаружили галеон, один из тех, что входил в состав «Серебряного флота» и был потоплен в 1628 году голландским пиратом Питом Хейном, разгромившим флотилию испанцев. Амери-

канцы Симмонс, Слек и Типделл подняли со дна старинные пушки, якоря, мушкеты, шпоры, медные гвозди, книжал в поясах, украшенный драгоценными камнями, и главное, 13 000 серебряных монет. На одной из пушек также были монеты — они украшали ее «пояском». Эта уникальная пушка представляет собой огромную ценность.

Американец Гарри Ризберг совмещает профессии писателя, археолога, водолаза и кладонскателя (если только поиски затонувших сокровищ можно считать профессией). Еще в 1948 году ему удалось найти у побережья одного из Багамских островов обломки испанского галеона «Эль Капитан», а в них — сундук, окованный железом. В сундуке оказалось пятьдесят золотых слитков, одиннадцать статуэток из золота, старинной работы, и сотни пиастров. Затем Ризберг занялся поисками у берегов острова Пинос, что возле Кубы. Остров этот называют «Пиратским сейфом Карибского моря» и «Островом сокровищ», ибо в омывающих его водах покоятся груз ценностью в 15 000 000 долларов.

Ризбергу удалось обнаружить здесь испанский галеон «Санта Паула», погибший в августе 1679 года, и поднять несколько увесистых слитков серебра. Другие кладонскатели нашли в водах Пиноса останки галеона «Дон Карлос III» и подняли якоря, бронзовые пушки и большое число золотых монет.

Не только испанские галеоны влекут к себе искателей сокровищ. И фрегаты XVIII века, и пароходы прошлого века, и современные суда, погибшие в Атлантике и ее морях, зачастую хранят в своих трюмах и сейфах немалые ценности. Например, в 1780 году неподалеку от Нью-Йорка затонул английский военный транспорт «Гуссар», который вез золото для выплаты английской армии, сражавшейся против «мятежной колонии», ставшей затем Соединенными Штатами Америки. В 1840 году в Атлантике погиб колесный пароход «Лексингтон», на борту которого находился сундук, набитый золотом, оцененным в 1 500 000 долларов. В 1911 году, столкнувшись в густом тумане с английским пароходом, пошел ко дну американский пароход «Мерида», а вместе с ним на дне морском оказались 5 000 000 долларов.

Подобных случаев из истории судоходства последних трех веков можно привести множество. И некоторым искателям кладов под водой удается поднять со дна золото, серебро и другие ценности. Молодые канадские водолазы после трех лет поисков сумели найти «Ле Шамбо», судно XVIII века, которое затонуло в 15 милях от берега на глубине чуть более 20 метров, и подняли со дна множество золотых и серебряных монет общей стоимостью в четверть миллиона фунтов стерлингов.

Во время первой мировой войны у берегов Ирландии подорвалось на mine английское судно «Лорентик», на борту которого находилось 3211 слитков золота на сумму в 5 000 000 фунтов стерлингов. Капитан Даман, организовав водолазные работы, сумел, несмотря на большие трудности, не только отыскать паро-

ход и добраться до его «кладовой», но и поднять 3186 слитков, то есть более 99% всего затонувшего золота. Работы заняли 7 лет и потребовали 5000 водолазных погружений. Все они завершились благополучно, и подъем золотых слитков с «Лорентика» считается самой успешной операцией в истории подводных поисков сокровищ.

Далеко не все из этих операций имеют столь счастливый конец. Часто они заканчиваются гибелью кладоискателей, а еще чаще — их разорением или, в лучшем случае, полным разочарованием. Пока что мы говорили об успешных поисках.

Но «счастливчиков» несравненно меньше, чем «неудачников», которым не помогают ни акваланг, ни «самые точные в мире» карты, указывающие местонахождение сокровищ, ни даже специальные подводные лодки и новейшая электронная аппаратура, телевизионные камеры и т. п. Большинство погибших кораблей нашло конец в пучинах океана, куда человек пока что проникнуть не в состоянии. Суда, затонувшие у берегов, погребены под толстым слоем наносов, и найти их также практически невозможно. К тому же «самые точные» карты сокровищ на самом деле не так уж и точны, они указывают лишь приблизительное местонахождение. Очертания побережий Атлантики меняются из года в год. Пусть незначительно, но ведь со дня гибели кораблей прошло несколько столетий! Наконец, очень часто сведения о сокровищах на борту судна оказываются ложными.

О поисках золота на борту британского корабля «Принц» (обычно именуемого «Черный Принц»), затонувшего в Балаклавской бухте, писали Куприн и Тарле, Сергеев-Ценский и Михаил Зощенко — нет нужды повторять их рассказы. Ни французы, ни немцы, ни японцы, ни норвежцы, ни итальянцы, ни наши эспроновцы, для которых поиски «Черного Принца» стали настоящей школой водолазного дела, так и не отыскали драгоценного груза. И, что самое знаменательное, одни лишь англичане, бывшие его «владельцы», ни разу не пробовали поднять корабль со дна Балаклавской бухты. По всей вероятности, по той простой причине, что на борту «Принца» никакого золота не было вообще.

Вот уже скоро три с половиною века ищут останки корабля, затонувшего у берегов Шотландии, — одного из судов «Непобедимой Армады». Легенда гласит, что на борту его находилась казна испанского флота и корона, усыпанная бриллиантами (его должен был венчаться Филипп II в Англии, где намеревался высадиться испанский десант). Факты, однако, говорят обратное: каждое судно «Непобедимой Армады» имело свою собственную казну; к тому же неизвестно подлинное название судна, погибшего у негостеприимных шотландских берегов. А ведь в течение 15 поколений два шотландских клана оспаривали друг перед другом свои права на призрачные сокровища. Более полусотни экспедиций пытались добраться до «испанской казны». Однако последняя из них, оснащенная современной техникой, подняла со дна лишь несколько листов обшивки да чугунное ядро.

Весной 1942 года у восточного побережья Северной Атлантики фашистская подлодка торпедировала советский пароход «Апихабад». Судно это числится в «Атласе сокровищ», указаны координаты его гибели. Однако, как свидетельствует капитан «Ашхабада» А. П. Яскевич, координаты эти неверны (и даже дата гибели судна перевернута!). Никаких ценностей на борту судна не было. К сожалению, подавляющая часть капитанов других «кораблей сокровищ», добраться до которых мечтают кладопоскатели, давно умерли — вне всякого сомнения, они также могли бы развеять многие мифы, волнующие воображение любителей легкой наживы.

КОРАБЛИ, ГРУЖЕННЫЕ ШЕДЕВРАМИ

Не одни кладопоскатели хотят добраться до сокровищ на дне Атлантики. Ими интересуются люди науки: историки, археологи, искусствоведы. Но не слитками золота и серебра в корабельных трюмах. Испанцы захватили города и сокровищницы майя, инков, чибча и других народов доколумбовой Америки. Народы эти превзошли европейцев в ювелирном мастерстве, индейские мастера изготавливали изумительные шедевры из золота и серебра, которые по праву стоят в одном ряду с лучшими произведениями мирового искусства. До нашего времени дошло очень мало образцов ювелирного искусства доколумбовой Америки: бесценные изделия из золота превращались в «золотой лом» после того, как они достигали Испании. Такая судьба постигла почти все золотые шедевры, изготовленные искусными руками индейских мастеров Центральной Америки. Достаточно сказать, что из несметного количества золотых изделий, захваченных испанцами в Мексике, в Западной Европе сохранилось лишь... три вещи: золотое украшение, хранящееся в Турине; так называемый «убор Монтезумы» — украшенный золотыми бляшками головной убор из перьев (хранится в Вене) и маленькая нефритовая фигурка с золотыми серьгами (во Флоренции). А ведь инвентарные описи грузов, пересылавшихся в XVI веке из Мексики в Испанию, называют многие сотни изделий из золота. У одних только индейцев-астеков (написание «астек» более правильно, чем укоренившееся в популярной литературе «ацтек») было захвачено золотых вещей на 876 000 золотых песо, т. е. около трех с половиной тонн золота!

Между тем все современники завоевания Мексики, которым посчастливилось видеть изделия индейских ювелиров, единодушно восхищаются их мастерством. «Я не удивляюсь золоту и драгоценным камням, но мне поистине изумительно было видеть мастерство, превосходящее материал, — писал, например, один из первых историков Нового Света Петер Мартин. — Я никогда еще не видел какой-либо вещи, красота которой могла бы так прельщать глаза людей». С ним солидарны и другие очевидцы, будь это борец за свободу индейцев Бартоломе Лас-Касас или

участник грабительских походов Кортеса солдат Берналь Диас. Когда великому немецкому художнику Альбрехту Дюреру показали привезенные в Испанию золотые изделия индейских ювелиров, он пришел в восторг и в своем дневнике отвел им запись, полную самого искреннего восхищения и преклонения перед искусством безымянных мастеров.

Золотые изделия, привезенные в Испанию, погибли безвозвратно. Однако многие галеоны, везшие драгоценный груз из Нового Света, шли на дно — и вместе с ними оказывались под водой ювелирные шедевры индейцев. Вот почему поиски на трассах «Золотого» и «Серебряного» флотов могут, в случае удачи, обогатить историков новыми знаниями о культуре индейских народов, варварски уничтоженной конкистадорами, а людям всей планеты дать возможность насладиться шедеврами искусства исчезнувших цивилизаций доколумбовой Америки.

Шедевры искусства, как известно, не обязательно должны быть изготовлены из золота. Материалом для них служат и глина, и мрамор, и камень, и медь. Ровно 170 лет назад со дна моря были подняты статуи и фрагменты фриза, украшавшие Парфенон, гениальное создание Фидия (1802 год считается датой рождения подводной археологии). На дно фриз попал так. Лорд Элджин, английский посол в Османской империи, решил взять на себя благородную миссию: спасти фриз Парфенона, по праву считающегося одним из величайших произведений мирового искусства. В Греции, в то время находившейся под гнетом турков, назревало восстание. Дабы уберечь сокровища от последствий войны, Элджин отдал приказ своим агентам в Афинах выломать наиболее сохранившиеся части фриза (не беда, что остальные при этом погибли!) и... отправить их морем в Англию.

Приказание лорда было исполнено. Фрагменты фриза запаковали в огромные ящики и погрузили на корабль «Ментор», взявший курс к берегам туманного Альбиона. По дороге, у берегов острова Антикифера судно наскочило на скалы и большая часть корабля ушла под воду, вместе с бесценным грузом. Попытки снять судно, крепко засевшее в расщелине, к успеху не привели. Лишь осенью того же 1802 года опытные греческие ныряльщики, ловцы губок, начали поднимать драгоценные ящики с глубины около 10 метров. Операция затянулась до весны следующего года, пока наконец весь груз не был поднят и передан лорду Элджину. Последний же продал греческие шедевры Британскому музею, где они хранятся и по сей день.

В 1900 году около острова Антикифера ловцы губок обнаружили на дне статуи и прочие произведения античного искусства. На дне они оказались по той же причине, что и сокровища Парфенона. Только грабил землю Эллады не британский лорд, а кто-то из римлян, торопившихся вывезти из оккупированной римскими легионами страны памятники великого греческого искусства. Корабль пошел ко дну вместе со своим грузом: мрамор,

морскими статуями, серебряными чашами и бронзовыми изваяниями. До того времени античные статуи из бронзы можно было буквально перечесать по пальцам — в средние века их превращали в металл, ибо «языческие идолы» считались у христиан «богопротивными», а бронза была в большой цене. Со дна греческие ныряльщики — ловцы губок — поднимали замечательные образцы античного искусства. Одна из статуй, изображающая юного бога, по праву считается гордостью Национального музея в Афинах.

«Добытчиками» статуй были не только ловцы губок; произведения искусства времен античности не раз извлекали на поверхность рыбаки. Например, еще в 1830 году у побережья Тосканы рыбаки подняли из воды несколько античных статуй. Одна из них, так называемый «Аполлон из Пьямбино», обрела свое место в хранилищах знаменитого Лувра. Еще раньше, в XVIII веке, в Лигурийском заливе рыбаки «выловили» бронзовый торс и несколько голов статуй эпохи античности. Вне всякого сомнения, это были остатки груза корабля, перевозившего статуи. Однако серьезных исследований никто не вел. Первый древний корабль, груженный произведениями античного искусства, был обнаружен в 1907 году в водах Средиземного моря, неподалеку от порта Махдия (Тунис). Ученые сразу же принялись за него. Их напряженный труд продолжался вплоть до 1914 года, когда работы прервала начавшаяся мировая война. Со дна были подняты керамика и другие изделия, колонны и плиты из мрамора и главное — скульптуры.

Стиль, в котором были исполнены эти статуи, позволял предполагать, что они изготовлены в Афинах. Вскоре «афинский адрес», указанный искусствоведами, подтвердили данные другой науки — эпиграфики. Со дна вместе со статуями удалось поднять две мраморные плиты, покрытые надписями. На одной плите упоминалось святилище Аммона в Пирее, а Пирей, как известно, был и остается афинской гаванью. Вторая плита говорила о команде афинской триремы (корабля с тремя рядами гребцов по каждому из бортов).

Больше того: ученые сумели определить даже дату гибели судна, после того как в его обломках был найден светильник с неприкрученным обгорелым фитилем, — очевидно, он продолжал гореть до тех пор, пока судно не пошло ко дну. Светильниками такой формы в Греции пользовались только в конце II — начале I веков до н. э. А характер груза затонувшего корабля (создавалось впечатление, будто в трюмы погружен целый храм в разобранном виде!) позволял указать единственно возможную дату гибели корабля с таким грузом на борту — 86 год до н. э. Именно в этом году римский диктатор Сулла взял штурмом Афины и отдал город на разграбление. И только тогда на римский корабль могло попасть столь большое число произведений греческого искусства, а также плит, колонн, цоколей, капителей и даже дверей и оконных рам.

Добыча римской военщины должна бы, по логике вещей, следовать из Греции к берегам Италии. Почему же судно найдено далеко от этой трассы, у ливийских берегов? И хотя его спустя много лет после первых археологов-подводников исследовали ученые, вооруженные современными аквалаунгами, на этот вопрос у нас нет точного ответа. Возможно, корабль попал в сильный шторм, когда проходил Мессинским проливом, отделяющим Сицилию от Италии, и был унесен к берегам Африки. Быть может, судно принадлежало не жителю Рима и его курс лежал не к «вечному городу»... Словом, версий можно высказать множество, но ни одна из них не выглядит убедительной. Недаром же, сопоставляя эти версии, один из пионеров подводной археологии Филипп Диоле остроумно заметил: «Иногда, когда история хранит молчание, археология склонна проявлять чрезмерную болтливость».

В двадцатые годы в водах, омывающих берега Эллады, со дна вновь были подняты произведения античного искусства, причем многие из них могут быть причислены к его шедеврам. Например, бронзовая статуя Гермеса (в бухте у Марафона), фигура мальчика, скачущего на коне, и двухметровая статуя бородатого Зевса (у мыса Артемисия, неподалеку от острова Эвбея).

Последнюю скульптуру, впрочем, пришлось отнимать не только у моря, но и у грабителей. Ученые, узнав, что под водой у мыса Артемисия лежит затонувший корабль, решили обследовать его. А тем временем сюда нагрянула частная компания. В обломках судна была найдена статуя Зевса. Грабители продолжали бы свои действия и дальше, если бы прибывшая в 1928 году археологическая экспедиция не застала их на месте преступления. Бронзовый Зевс был конфискован и отправлен в Национальный музей Афин (где стал одним из самых ценных экспонатов). Археологи обнаружили на дне еще несколько статуй.

Примерно в то же время, ведя работы в Пирейском порту, рабочие нашли в пле рельеф из мрамора; он изображал сцены «амазономехии», борьбы с амазонками, мотив, очень популярный в античном искусстве. В 1941 году на дне Пирейской бухты был обнаружен корабль, битком набитый скульптурами, барельефами и другими произведениями искусства Эллады. Причем среди них находились и скульптуры с главного фриза Парфенона.

К произведениям античного искусства специалисты относят и керамику. Ведь античные вазы и амфоры выполнены с великолепным мастерством, а порой их украшают замечательные изображения богов, людей и целые сценки из жизни античного общества. Счет скульптур, поднятых из трюмов затонувших кораблей, идет на десятки. Счет керамических изделий, в особенности амфор, — на тысячи. Ибо амфоры являлись самой распространенной «тарой» у жителей Средиземноморья. Тысячи этих сосудов емкостью в 26 литров грузились на сотни кораблей, больших и малых, бороздивших воды Средиземного моря. Далеко не все суда благополучно приходили в пункт назначения, значи-

тельная их часть тонула. И сейчас из трюмов и обломков погибших кораблей извлекают на свет божий драгоценные сосуды, в которых зачастую сохранилось их содержимое, после двух тысяч лет пребывания на дне морском.

В 1925 году итальянскому рыбаку возле маленького городка Альбенга на побережье Лигурийского моря посчастливилось поймать в сети не рыбу, а две античные амфоры. Четверть века спустя юный ученик лицея по имени Родольфо, ныряя в море, обнаружил на дне великое множество амфор. Об этом открытии стало известно молодому энергичному ученому Нино Ламболия. Ламболия резонно предположил, что амфоры на дне — это груз корабля, затонувшего в море.

Организовать научную экспедицию для проведения раскопок под водой было не так-то просто. Итальянское правительство считало, что средства, которые оно отпускает на археологические исследования (надо сказать, весьма скудные), могут быть с большим эффектом истрачены на «сухопутные» раскопки. Обращение Ламболии к водолазам-любителям не увенчалось на первых порах успехом, ибо они мечтали найти золотые слитки и другие сокровища, а не какие-то амфоры. Но наконец такой водолаз нашелся. Это был Джованни Кавалья, имя которого хорошо известно всем энтузиастам подводного дела: Кавалья руководил подъемом золота с судна «Иджипт» («Египет»), лежавшего на глубине свыше 100 метров.

В феврале 1950 года начались раскопки. К счастью, старые рыбаки довольно точно указали место своего неожиданного «амфорного» улова. Водолаз, опустившийся на дно для разведки, сообщил, что на глубине 45 метров он видел остатки корабля и груды амфор, целых и разбитых. Вслед за разведчиком на дно отправились и другие водолазы. Методы их работы были предельно просты: они собирали сосуды и, связав их веревкою за шейки, отправляли добычу наверх. Затем на помощь пришла техника — механический ковш. За один день работы драга подняла со дна около сотни амфор. А всего было поднято 728 сосудов, причем около тысячи или двух тысяч амфор осталось лежать на дне.

С появлением акваланга перед учеными-археологами открылись широкие перспективы: теперь они сами, не прибегая к помощи водолазов, могли исследовать затонувшие суда. И уже на заре «эры акваланга» были открыты корабли, груженные амфорами. Ари Брюссар, президент Каннского альпийского подводного клуба — первой в мире спортивной организации аквалангистов — у мыса Антеор на «Лазурном берегу» Средиземного моря нашел амфору, наполовину зарывшуюся в песок. Посетив место находки в компании других членов клуба, Брюссар и его коллеги обнаружили целую грудку амфор, причем некоторые были запечатаны пробками с надписями. Сосуды относились к I веку до н. э. Позднее выяснилось, что это — груз корабля, погибшего в самом начале пути от берегов античной Галлии.

К сожалению, о находке узнали аквалангисты-любители. Их не остановили ни удаленность обломков судна от берега (40 метров), ни глубина (около 20 метров). Охраны, разумеется, не было, да и не могло быть под водой. Толпы любителей сувениров ринулись к затонувшему кораблю и груде амфор, и каждый стремился взять с собой хоть что-нибудь на память о своем визите. В результате весь район вокруг места гибели судна оказался заваленным обломками амфор. А ведь ученых аптичные амфоры интересуют не только как произведения искусства. Амфоры, как и любые другие, самые обыденные предметы, найденные под водой, являются бесценными археологическими документами, позволяющими воскрешать прошлое. Это убедительнейшим образом показали раскопки, проведенные на дне Марсельской бухты.

КОРАБЛИ И АРХЕОЛОГИ

Затонувший корабль обнаружили в 1952 году прославленные пионеры освоения «внутреннего космоса» Жак-Ив Кусто и Фредерик Дюма. В распоряжении исследователей находилось не менее прославленное судно «Калипсо», оборудованное телекамерами и другими техническими новинками того времени. И, что самое главное, ходом работ руководил Франсуа Бенуа, один из крупнейших археологов мира. Благодаря ему раскопки корабля были проведены по всем правилам археологической науки. В результате удалось определить дату гибели судна, пункт отправки, пункт назначения корабля и даже имя его владельца!

Большая глубина — около 48 метров — надежно защитила затонувшее судно от разрушительного действия времени и не менее разрушительного действия волн. Длина корабля, сделанного из ливанского кедра, сосны и дуба, обшитого свинцом и скрепленного бронзовыми гвоздями, превышала 30 метров. Грузом судна были амфоры. Уже к исходу первого сезона раскопок исследователи подняли более 3000 амфор! Причем среди них четко выделялись два типа: стройные, вытянутые, и округлые, с толстыми стенками. Первые занимали верхнюю палубу судна. Археологи без труда установили их итальянское происхождение. Вторые — а их греческое происхождение столь же легко было установить — занимали трюм. Такая погрузка позволила ученым сделать предположение о том, куда и откуда следовало судно.

«Он начал свой путь с одного из греческих островов в Эгейском море, где в трюм были погружены амфоры с греческим вином. Обогнув Пелопоннесский полуостров, корабль пересек Ионическое море, миновал Сицилийский (Мессинский — А. К.) пролив, где-то в районе между Неаполем и Римом взял амфоры с итальянским вином, которые были помещены на верхней палубе, — пишут советские археологи В. Д. Блаватский и Г. А. Кошеленко в книге «Открытие затонувшего мира», посвященной под-

водной археологии.— Продолжив путь далее на запад, корабль почти достиг пункта назначения — города Марселя, или, как он назывался в древности, Массилии. И здесь, в самом конце долгого пути, внезапный шквал бросил корабль на скалу, у основания которой он и оказался погребенным».

Выше мы упомянули о «легкости», с которой специалисты отличили итальянские амфоры от греческих, и о том, что стиль сосудов позволил археологам отпести дату гибели корабля к 250—200 годам до н. э. Дело в том, что в разных местностях Средиземноморья внешний вид амфор был различен и, что еще более важно, он менялся в зависимости от времени: в тот или иной век сосуды приобретали ту или иную форму. Ученые-античники составили каталог этих форм и типов (всего их оказалось около полусотни). С помощью этого каталога нетрудно определить, в каком месте и в каком веке изготовлен сосуд.

Изготовление амфор — дело сложное. В античную эпоху существовало множество мастерских, специализировавшихся на производстве этой «тары». И, подобно современным фирмам и предприятиям, древние мастерские ставили своего рода «знак качества», выдавливая на ручке амфоры особое клеймо. Специалисты сделали опись этих клейм (более 300 видов), что позволяет устанавливать не только место и время изготовления сосуда, но и «адрес» мастерской.

Клеймо изготовителя ставилось на ручке амфоры, на необожженной глине. Когда же в сосуд помещали вино или другую жидкость, т. е. когда его нужно было тщательно закупорить, поставщик его обычно делал оттиск на пробке. Подобные оттиски многое рассказали ученым о «торговых фирмах» античности, об их обороте, местах сбыта товаров и т. п. Но, разумеется, после того как товар был получен, амфора распечатывалась и вместе с пробкой исчезал и оттиск на ней. Поэтому закупоренные амфоры, которые поднимают с затонувших кораблей, являются особо ценной добычей для археологов: на суше такой «приз» крайне редок.

Раскопки под водой существенным образом дополняют исследования на суше. Рыбаки и ныряльщики давно знали, что неподалеку от средиземноморского порта Сан-Тропез, в 100 метрах от берега, на глубине 5—6 метров, лежат огромные белые глыбы, похожие на мельничные жернова. Летом 1951 года ими заинтересовались аквалангисты Каннского альпийского подводного клуба. Исследователи обнаружили, что это — монументальные части колонн, тесанных из прославленного каррарского мрамора. Поднять груз аквалангисты, разумеется, не могли. И только с помощью плавучего подъемного крана, снятого со строительства Тулонского порта, удалось достать со дна тринадцать огромных блоков, общим весом около 200 тонн. Такова была грузоподъемность древнего судна! (К сожалению, затонуло оно неподалеку от берега и методичный мощный прибор целиком и полностью разрушил остов корабля-гиганта.)

«Характер находок столь показателен, что определение времени и места, куда направлялся корабль, не вызывает никаких сомнений,— считают археологи-подводники Блаватский и Кошеленко.— Ясно, что корабль вез из Италии мрамор для постройки знаменитого храма Августа в городе Нарбонне. Этот храм описан римским писателем IV в. н. э. Авзонием. Раскопки прошлого века дали нам полное представление об этом грандиозном храме. Он построен вскоре после 149 г. н. э. одним из богатейших нарбоннских судовладельцев, бывшим рабом Секстием Музой. Таким образом, подводная археология добавила еще один факт к истории прославленного храма, ставшего памятником богатства галльского купца. Корабль, на котором везли мрамор, явно принадлежал ему же».

Подводные исследования не только продолжают и дополняют раскопки археологов на суше. Изучение затонувших кораблей дает уникальный материал, позволяющий воскрешать историю судостроения и мореплавания на протяжении нескольких тысяч лет.

ФРЕГАТЫ, ГАЛЕОНЫ, ЛАДЬИ, ТРИРЕМЫ...

Жизнь кораблей подобна человеческой: они рождаются, трудятся, старятся и умирают. Умирают, к сожалению, бесследно. Только сравнительно недавно люди, спохватившись, начали организовывать «суда-музеи» — памятники славным временам ладей, плотов, стругов, парусников и первых колесных пароходов. Об истории освоения морей и океанов, покрывающих третью часть нашей планеты, мы судим в основном лишь по письменным источникам. Вещественных памятников почти не сохранилось. Старые суда пошли на слом, ржавчина съела металл, дерево превратилось в труху. В наши дни сложилась парадоксальная ситуация: лучшими свидетелями истории кораблей являются те суда, которые современники считали безвозвратно погибшими. Поднимая останки этих затонувших кораблей — а порой даже целые корабли! — мы, словно на «машине времени», переносимся в эпохи, отделенные от XX века промежутком порой в двести, порою в тысячу, а иногда и три тысячи лет.

Советские археологи ведут исследования турецкого корабля XVIII века, потопленного в Керченском проливе. Неподалеку от него изучаются на дне моря остатки корабельных грузов и самих кораблей времен античности. Ведь в Причерноморье в течение многих веков совершали частые рейсы греческие, а затем и римские купцы и колонисты. В середине тридцатых годов команда эпроновцев подняла в устье Буга хорошо сохранившийся челн возрастом около двух с половиною тысячелетий. «Судно выделано из цельного дерева, однодревковое: борта его сохранили первоначальную округлость ствола,— писал о находке профессор Р. А. Орбели.— На правом борту во всю его длину древ-

ные зарубины и засечки — следы ударов тупым орудием вкось. Создается впечатление, что судно не только ударялось о пороги или о берег, но и подвергалось нападениям». Сейчас этот челн выставлен в Ленинградском Военно-морском музее.

Американский аквалангист Такер, в течение полутора десятков лет исследуя рифы, окружающие Бермудские острова, обнаружил остатки почти 300 кораблей! Особенно интересной находкой было пиратское судно XVI века. Чего только не было на его борту! Пушки и сосуды для уксуса, золотое распятие, украшенное драгоценными камнями, и глиняная посуда, мушкеты и капитанский циркуль, золотой слиток с гравированной надписью «Пинто» (рудник на одноименной реке в Колумбии) и бронзовая ступка, ритуальное индейское копье и гранаты, наполненные дымным порохом, гирьки для взвешивания лекарств и пудреницы...

24 апреля 1961 года, после четырех лет подводных работ, со дна Стокгольмской бухты был поднят фрегат «Васа», флагманский корабль королевского флота Швеции. Корабль этот был торжественно спущен на воду в 1628 году. Но не успев пройти и полумили, на глазах у многочисленной толпы, провожавшей флагман в путь, фрегат, по словам очевидца, «с поднятыми парусами, флагами на мачтах и всем, что находилось на борту, затонул в течение нескольких минут».

В середине XVII века удалось поднять бронзовые пушки, установленные на двух палубах «Васы», но затем работы прекратились. И лишь спустя три столетия шведские водолазы и историки сумели не только отыскать забытое судно, но и поднять его на поверхность. Фрегат был реставрирован и превращен в музей. Число экспонатов в нем достигает двадцати тысяч.

Один из самых интересных экспонатов «Васы» — двухтонная скульптура из дуба, изображающая льва с разинутой пастью, готовящегося к прыжку. Она украшала нос фрегата. Стиль скульптуры находит аналогию в искусстве викингов — очевидно, традиции отважных норманнских мореходов, первых покорителей Северной Атлантики, остались верны спустя много веков их потомки — шведские, норвежские, датские моряки. Конструкцию норманнских судов напоминает и носовая часть корабля, погибшего в конце XIV — начале XV века, который найден в заливе Зюйдер-Зее. Конечно, эти интересные сопоставления не могли быть сделаны, не найди археологи суда самих викингов. К счастью, море сохранило и «коней валов», «медведей прибою», как именovali свои корабли поэты-викинги (владеть техникой стихосложения для них считалось столь же обязательным, как и умение владеть мечом!)

«Корабль — жилище скандинава», — образно сказал какой-то средневековый автор. Действительно, корабль почитался древнейшими жителями Скандинавии, подаром он был самым излюбленным сюжетом их рисунков на скалах и служил верой и правдой их потомкам, викингам, которые также почитали корабли и

даже хоронили в них знатных князей и великих воинов. Благодаря этому обряду археологам удалось раскопать несколько ладей викингов. А затем пришла пора открытий на дне моря.

Среди жителей Роскилле (Дания) упрямно жила легенда о корабле, затопленном тысячу лет назад, чтобы блокировать врагу вход во фьорд, в вершине которого стоит Роскилле. Легендой заинтересовались археологи. Их исследования показали, что на дне Роскилле-фьорда находится не один, а по крайней мере полдюжины кораблей. И они, действительно, были затоплены, чтобы пренятствовать входу во фьорд. После того как с борта судов были убраны камни, «мы добрались и до самих кораблей,— рассказывает руководитель раскопок Олаф Ольсен.— Дубовое дерево, из которого они были сделаны, хорошо сохранилось. Но так как деревянные гвозди уже ослабли, нам приходилось все время следить, чтобы течение не унесло мелкие обломки после удаления камней. Поэтому мы ограничивались обнажением лишь небольших участков».

Легенда местных жителей приписывала затонувший корабль королеве Маргарите. Однако Ольсен утверждает, что «их следует отнести к более раннему периоду, примерно к 950 году. Находка представляет особую ценность, потому что теперь мы впервые сможем с большой вероятностью реконструировать торговые суда времен викингов». Прежде ученые имели дело лишь с боевыми судами викингов, которые находили в захоронениях. Торговые корабли существенным образом от них отличались. Например, весла на них находились лишь на носу и на корме, в то время как боевые суда имели сплошной ряд весел и т. д.

Находка на дне Роскилле-фьорда позволила полнее проследить историю судоходства и мореплавания жителей Западной Европы на протяжении тысячелетия: от ладей викингов до современных трансатлантических гигантов. Если искатели сокровищ изучали останки затонувших кораблей в поисках золота и драгоценностей, то ученые не менее тщательно исследовали сами эти останки, поднимали со дна, казалось, самые незначительные предметы. В результате их кропотливой работы мы очень многое узнали об оснастке, грузоподъемности, судоходных качествах фрегатов, галеонов и других судов XVI—XVIII веков, а находки на дне Зюйдер-Зее и Роскилле-фьорда помогли проследить «традицию викингов» от IX века до «Васы». Не менее интересные данные были получены об античном мореплавании, история которого, до раскопок под водой, была туманной, ибо ученые не видели своими глазами ни один корабль античного времени.

Например, возле «амфорного поля», которое исследовал Нино Ламболья, был найден плавильный котел, сделанный из камня. Значит, подводная часть древнего судна, везшего амфоры, была обшита свинцом — плавильный котел взяли на борт на случай ремонта свинцовой обшивки. Подобная обшивка (предохраняющая дерево от моллюсков, которыми неизбежно обрастают днище корабля) в Европе начала применяться лишь в XVI веке,

в разгар эпохи Великих географических открытий. Подводная археология показала, что это было «открытием велосипеда»: древние римляне догадались обшивать днища судов свинцом чуть ли не за тысячу лет до того, но в средние века это изобретение забыли — как и многие другие.

Ламболья обнаружил и иные интересные предметы, позволяющие восстановить облик античных кораблей. Со дна был поднят свинцовый рог — по всей видимости, он украшал нос судна. Другая находка — колесо из свинца. Очевидно, это часть лебедки, поднимавшей парус или якорь. Но самая любопытная находка Нино Ламбольи — это медный гвоздь, покрытый слоем свинца. Быть может, римляне кое-что знали об электричестве? Ведь если два различных металла поместить в соленую воду, возникает электрический ток. Или прав археолог Мирабелло, коллега Нино Ламболья, считающий, что древние судостроители просто «эмпирическим путем обнаружили, что с одним из двух металлов происходит что-то пеладное: либо медь, либо свинец разъедается. Чтобы предотвратить это, они тщательно покрывали гвозди свинцом»? Какая из гипотез права, мы не знаем. Обе они интересны — и обе могли возникнуть лишь после того, как изучение остатков затонувшего корабля помогло нам узнать эту любопытную особенность судостроительной техники римлян.

КЛАДБИЩА КОРАБЛЕЙ

Статистика говорит: ежегодно в море гибнет более 2000 судов и почти каждый день ко дну идет большой корабль водоизмещением в сто и более брутто-регистрационных тонн. Каждый год! История мореплавания насчитывает несколько тысячелетий. Пусть кораблей в прежние времена было меньше. Но ведь и техника тогда была самой примитивной, не было ни буксиров, ни раций, ни дизелей. Стало быть, и погибало не каждое сотое судно, как ныне, а вероятно, каждое десятое. Дно морей и океанов — это настоящее кладбище кораблей. И Атлантика с ее морями занимает первое место по числу погибших судов: на дне ее лежат сотни тысяч кораблей разнообразнейших конструкций, разных народов и различных эпох. Многие из затонувших судов «засечены» исследователями. Им известно, например, что в прибрежных водах Франции лежит три тысячи кораблей — от античных до современных. И все-таки они составляют ничтожную часть от общего числа судов, покоящихся на дне Атлантического океана, Средиземного, Карибского и других атлантических морей.

Но на этом «кладбище кораблей» есть отдельные участки, где погибшие суда буквально лежат друг на друге, где античные триремы придавлены сверху ладьями викингов, те, в свою очередь, — средневековыми каравеллами, над которыми покоятся останки корветов и фрегатов Нового времени, а над последними — стальные корпуса судов прошлого и нынешнего веков. Нагромождения «трупов» кораблей образуются на тех участках

оживленных морских трасс, где мореходов предательски подстерегают рифы, блуждающие пески, подводные скалы. Однако мудрая пословица права: «нет худа без добра» — именно здесь, в этих коварных местах, археологи собирают самый богатый «урожай», проводя подводные раскопки.

У юго-восточного побережья Англии, неподалеку от порта Дувр, находится печально знаменитые «мели Гудвина». Это обширная группа банок, которые под воздействием прилива меняют очертания, «переползают» с места на место. Уже много веков моряки зовут мели Гудвина «Великий пожиратель кораблей». За последние двести лет здесь погибло огромное число кораблей, общая стоимость которых оценивается в 560 000 000 долларов. И, что самое страшное, вместе с ними в объятиях блуждающих песков Гудвина бесследно пропало 50 000 человек. В 1959 году геологи, пройдя буром сквозь 15-метровый слой песка, взяли образцы грунта. И в грунтовых колонках, кроме песка, непременно находились полусгнившие куски корабельного дерева и ржавое железо обшивки судов — казалось, «Великий пожиратель кораблей» насквозь пропитался проглоченными судами — можно представить, какие археологические сокровища таятся в недрах Гудвинских песков!

Не менее печальную известность заслужил у моряков остров Сейбл, расположенный в Атлантике, в 240 километрах на восток от Канады, на подходах к заливу Святого Лаврентия. У берегов острова сталкиваются два главных течения Атлантического океана — теплый Гольфстрим и Лабрадорское течение, несущее ледяные воды Арктики. Итог их встречи — густые туманы, которые в течение недель и даже месяцев густой пеленой обволакивают остров. Прибавьте сюда и частые штормы. Мало того, остров Сейбл, подобно мелям Гудвина, еще и «бродячий» — за последние 400 лет Сейбл переместился с запада на восток на добрые 20 километров! Остров был открыт португальцами в начале XVI века, получив название «Санта-Крус» (остров Святого Креста). Полвека спустя ему дали более подходящее имя — «Сейбл», т. е. «Траурный». А еще позже он стал известен морякам всего мира под названием «кладбище Атлантики». Ибо здесь нашли свою гибель многие сотни кораблей: португальских, английских, французских и просто пиратских (пираты долгое время были полными хозяевами острова). Археологи-подводники, вне всякого сомнения, отыщут много интересного для себя, когда начнут раскопки этого «кладбища Атлантики».

Мыс Гаттерас находится в «золотоносном» районе Атлантики, где пролегали пути «Золотого» и «Серебряного» флотов Испании. Возле этого мыса погиб не один десяток галеонов, груженных золотом и серебром. Позже тут находили могилу парусные суда XVII, XVIII веков и даже пароходы XIX века. Например, в 1857 году у мыса Гаттерас пошел ко дну парусно-колесный пароход «Сентрал Америка», следовавший из Гаваны в Нью-Йорк, вместе с грузом золота на несколько миллионов и с 423 пассажи-

рами, находившимися на борту. В окрестностях этого мыса уже давно рыщут искатели сокровищ. Но если их привлекает сюда блеск драгоценного металла, то археологов интересуют любые вещи, позволяющие воскрешать события минувшего. Они предпочитают вести работу там, где им не мешают кладопскатели. Одно из таких мест — морское дно в окрестностях сицилийского города Сиракузы.

Историки времен античности говорят о Сиракузском порте, одном из самых крупных в Средиземноморье. От тех же историков мы знаем, что возле Сиракуз произошло четыре крупные морские баталии и в ходе их потоплено огромное множество судов. Например, в начале V века до н. э. тут пошел ко дну весь флот Афин, более 120 кораблей. Итальянские археологи-подводники тщательнейшим образом «прочесывают» дно в окрестностях Сиракуз, пытаясь отыскать остатки афинского флота. Правда, поиски его пока не увенчались успехом. Однако уже сейчас в Сиракузской бухте найдены обломки многих античных кораблей, причем некоторые из них построены много раньше, чем суда афинян. А это вселяет надежду на то, что должны сохраниться и потопленные корабли афинского флота. Находка их будет одной из самых крупных археологических сенсаций нашего времени.

Голландский залив Зюйдер-Зее — едва ли не самое большое кладбище кораблей в Европе. Уже сейчас здесь обнаружены останки более двухсот судов, относящихся к различным эпохам. Мы уже упоминали о корабле конца XIV — начала XV веков, «потомке» ладей викингов. Археологи нашли и более древний корабль — XIII века, — оснащенный одной мачтой с квадратным парусом (до сего времени историки знали суда такого типа лишь по изображениям). Многие десятки кораблей, чьи обломки обнаружены в заливе Зюйдер-Зее, относятся к эпохе позднего средневековья и началу Нового времени. Кроме останков судов, ученые находят и остатки грузов, которые суда перевозили: гонимые изделия, гречиху, кирпичи, валуны для строительства замков и укрепления и многое, многое другое.

Но, пожалуй, не менее «урожайное» кладбище кораблей было открыто совсем недавно у южного побережья Турции, у рифов возле острова Яссыджа. В древности здесь проходила одна из самых оживленных морских трасс, связывавшая Грецию и Рим со странами Ближнего Востока, и коварные скалы погубили не одно судно эпохи античности. Правда, они не щадил и другие, более поздние корабли. Кроме обломков судов Древнего мира, археологи обнаружили здесь и византийский грузовой корабль, и турецкий фрегат XVIII века, и даже подводную лодку, погибшую во время второй мировой войны!

Уникальное «кладбище кораблей» обнаружили случайно. Летом 1953 года рыбаки вытащили из моря бронзовую статую, изображавшую женщину. Когда она была передана экспертам, то датировали изваяние IV веком до н. э. — «золотым веком» грече-

ского искусства. Узнав о замечательном открытии, американец Питер Трокмортон, энтузиаст подводной археологии, приехал в Турцию: он был уверен, что статуя — лишь часть драгоценного груза скульптур, который должен находиться на борту затонувшего судна. Тщательное обследование в районе необычного «улова» показало, что здесь находится не одно, а множество судов времен античности. А кроме них — еще и корабли более поздних эпох. Археологи обнаружили в этом районе останки 39 кораблей!

Многие суда сохранились хорошо. От других почти ничего не осталось, кроме груза: сохранность затопивших кораблей зависит не только и не столько от времени, сколько от близости к берегу и глубины, на которой они покоятся. Чем меньше глубина, тем больше разрушаются корпус и оснастка судна под влиянием приливов и отливов, а главное, под воздействием зимних штормов. Один из кораблей «кладбища», затонувший на небольшой — всего 7,5 метра — глубине, был почти целиком разрушен. И все же именно он стал самой знаменитой находкой — ибо груз принадлежал кораблю, затонувшему 32, а возможно, и все 35 столетий назад!

В ту отдаленную эпоху в Средиземноморье царил бронзовый век. Неудивительно, что археологи-подводники обнаружили большое число предметов, изготовленных из бронзы: чаши, топоры, наконечники для копий и дротиков, разнообразные инструменты — ножи, лопаты, мотыги, лемехи. Со дна было поднято более десятка бронзовых слитков, по форме напоминавших шкуру быка или барана. Именно такими оригинальными «деньгами» пользовались жители острова Крит — лучшие мореходы древности, предшественники и учителя греков и финикийян. О критском происхождении говорили и орудия из бронзы, а также обломки глиняной посуды. Некоторые из предметов, извлеченных после нескольких тысяч лет пребывания в воде, оказались покрытыми надписями. И хотя прочесть их до сих пор не удалось, ясно, что они выполнены письмом, которым пользовались жители Крита и Кипра задолго до того, как у греков появилась их алфавитная письменность.

Но, может быть, весь этот драгоценный для археологов груз был попросту сброшен с корабля в море, а само судно спаслось от гибели? Ведь останки корабля мореходов Крита (или Кипра, культура которого испытывала сильное влияние великой цивилизации Крита) не найдено. Однако, тщательно обследовав место находки, археологи обнаружили почти не поврежденную распорку судна. И кроме того, — круглый плоский камень с отверстием посередине. Таков был якорь бронзового века — самый древний из известных нам. Значит, судно погибло у коварного рифа вместе со своим грузом.

«Кладбище кораблей» у рифа Ясыджа и по сей день привлекает внимание археологов-подводников всего мира. Ведь исследована лишь незначительная часть археологических сокровищ,

лежащих на дне. Судно бронзового века погребло на небольшой глубине, найти и поднять на поверхность его груз было не очень сложно, хотя и здесь пришлось порядком потрудиться, чтобы извлечь со дна тяжелые слитки и металлические предметы, прочно сросшиеся с каменной породой за три с лишним тысячелетия. Останки других кораблей покоятся на глубинах, где работать с аквалангом очень трудно. Недавно в распоряжении археологов появилось специальное подводное судно, сконструированное французскими инженерами. — «Археонавт». Его вес — 3 тонны, длина — 5 метров. Погружаться оно может до 300 метров — глубина, недоступная аквалангистам.

«СМЕРТНЫЙ ЧАС» КОРАБЛЕЙ

О гибели современных судов и ее причинах нам становится известно благодаря сигналам бедствия, посылаемым в эфир. И все-таки в 15 процентах случаев мы не знаем, чем была вызвана катастрофа. Понятно, что в «дотелеграфную» эпоху этот процент был еще выше. Вот почему изучение кораблей, лежащих на дне морей и океанов, является мощным «лучом света», направленным во тьму времени, оно позволяет восстанавливать события давностью в 10, 50, 100, 1000 и 2000 лет, о которых, казалось бы, знают одни лишь безмолвные воды.

В заливе Таранто, на юго-восточном побережье Италии, находится еще одно «кладбище кораблей». Археологам удалось изучить останки 16 судов, и это — лишь незначительная часть всех погребших здесь кораблей. Особое внимание ученых привлек корабль, на борту которого находился весьма странный груз — наполовину законченные саркофаги из тамариска, которые хранились вместе с плитами мрамора, добывавшегося в Турции. Загадочное судно исследовал уже знакомый нам Питер Трокмортон. Тщательный осмотр затонувшего судна, заплат на его борту, находка монет времен императора Коммода (правившего в 180—192 гг. н. э.), радиоуглеродный анализ деревянных частей корабля, изучение керамики — все это позволило не только датировать время кораблекрушения (от времени постройки судна его отделяло доброе столетие!) и наметить маршрут корабля, но и восстановить трагедию, произошедшую у берегов Италии около 2000 лет назад.

Взяв груз тамарисковых саркофагов и мраморных плит на турецком берегу (вероятней всего — в городе Милете, крупном античном порту), корабль направился на запад. Сделав остановку у берегов Эллады и добавив к грузу мрамор, взятый в греческих портах, судно обогнуло полуостров Пелопоннес и двинулось вдоль северного побережья Греции, стремясь, подобно всем мореходам древности, не терять берег из виду. Затем корабль пересек Ионическое море. Возле Мессины на него обрушился неистовый ветер. Капитан отдал приказ отнять якоря. Но ветер

усиливался с каждой минутой, первый якорь оборвался и корабль стало неумолимо относить к берегу...

Впрочем, предоставим слово руководителю раскопок Питеру Трокмортону — ведь его первой профессией была журналистика и он, как никто другой, может рассказать о происшедших далее событиях.

«Потом порвались крепкие канаты и сначала один, а потом другой якорь были утеряны. В сгущающейся тьме корабль упорно стремился к линии в морских саженей, где была граница залива и открытого моря. А ветер бушевал все сильнее. Ничего не оставалось делать, как бросить все оставшиеся якоря. И еще, наподобие апостола Павла, молиться, чтобы дожить до рассвета. На рассвете был бы шанс, хотя и ничтожный, привести корабль к берегу и ценой утраты корабля и груза спасти жизни находящихся на борту людей. Это была последняя ставка капитана — она была бита. В ту ночь в 500 ярдах от берега корабль пошел ко дну. Старая посудина не выдержала. Так всегда бывает со старыми кораблями, если их слишком нещадно эксплуатируют, особенно же если владельцы при ремонте вместо сверкающей бронзы употребляют черное железо».

Жадность судовладельца, не сделавшего основательного ремонта корабля, чей возраст насчитывал столетие, привела к гибели судна и его экипажа. И та же жажда наживы, тот же дух стяжательства погубил другой корабль, совсем недавно обнаруженный у берегов Кипра. Судно погибло, казалось бы, «на ровном месте» — его нашли в почти неповрежденном виде там, где не было ни скал, ни рифов, ни крупных отмелей. Лишь спустя 2300 лет удалось археологам установить причину катастрофы. Когда со дна была поднята носовая часть судна, оказалось, что ее пронизывали мельчайшие каналы — работа червей-древоточцев. Конечно, первый же натиск волн отправил корабль ко дну. Владелец судна, вместо того, чтобы сделать серьезный ремонт, предпочел нагрузить его мельничными жерновами на острове Самос, к которым добавил груз амфор на Родосе (они-то и позволили датировать время катастрофы — IV век до н. э.). В результате погиб и корабль, и его экипаж. Археологи сумели не только поднять судно, но и восстановить его облик таким, каким он был в тот день, когда судно вышло в свой последний рейс. Сейчас этот уникальный корабль, современник Александра Македонского, выставлен Кипрским университетом для всеобщего обозрения.

Ученые узнают причины морских катастроф не только античных времен. Так, им удалось установить причину гибели королевского фрегата «Васа» в Стокгольмской бухте. Оказалось, что виновником ее был... его величество король Густав II Адольф. Он сам руководил проектированием фрегата и распорядился сделать корпус корабля очень узким. Это должно было придать кораблю быстрходность, но — увы — сделало его неустойчивым. В итоге фрегат длиной 48 и шириной всего 12 метров, оснащен-

ный 64 пушками, весившими 80 тонн, пошел ко дну почти сразу же после спуска на воду. Внезапный шквал резко накренил его на левый борт, корабль потерял остойчивость, в открытые для стрельбы орудийные порты фрегата (открытые, так как за минуту до катастрофы он производил салют) и все бортовые отверстия хлынула вода, и гордость шведского флота исчезла в пучине.

Не так давно исследования под водой помогли поднять завесу тайны над гибелью трех кораблей Ост-Индской компании: два из них бесследно исчезли в 1664 году, а третий, называвшийся «Лифд», — в 1711 году, вместе с 299 пассажирами и бочками, хранившими более полумиллиона серебряных гульденов. Англичане братья Бэннон обнаружили останки этих судов у островов Аут-Скеррис, что входят в Шетландский архипелаг. Они подняли со дна осколки фарфора, более 5000 серебряных гульденов, два десятка золотых монет, пушку с ядрами, обломки кувшинов, гвозди, кусок парусины, покрытый толстым слоем смолы, и многое другое. Корабли шли в Голландию не через Ла-Манш, так как опасались встречи с военными судами французов и испанцев и главное, с английскими корсарами, а кружным путем, через Северную Атлантику. Буря настигла их у скалистых берегов Шетландских островов. Здесь-то, в маленьких бухтах Аут-Скеррис, куда суда зашли в поисках убежища, штормовые волны и разбили их в щепы (подводным исследователям так и не удалось обнаружить остовы голландских судов — они, вероятно, были полностью уничтожены). Та же судьба, очевидно, постигла и «Лифд».

Будущие исследования под водой позволят восстановить не одну трагедию, произошедшую в Атлантике, ее морях, заливах и проливах. Например, им предстоит решить вопрос о причинах гибели «Лузитании», самого быстроходного трансатлантического лайнера начала нашего века. «Лузитания» была потоплена 7 мая 1915 года немецкой подводкой. Ее гибель вызвала взрыв негодования во всем мире: вместе с торпедированным судном ушло на дно 1198 человек, причем около трехсот из них были женщины и около ста — дети. Немцы поспешили заявить, что гибель лайнера — трагическая случайность. Капитан подводной лодки принял ее за военный корабль и только после того, как торпеда была послана в цель, увидел, что это пароход «Лузитания».

Но оставшиеся в живых пассажиры лайнера утверждают, что взрывов было два. А это означает, что «Лузитания» погибла по злому умыслу, никакой «ошибки» тут не было — немцы выпустили две торпеды, а не одну, причем именно вторая и послала судно ко дну. Немцы объясняют второй взрыв детонацией взрывчатых веществ, находившихся в трюме лайнера... Вопрос этот не решен и по сей день. Вероятно, лишь обследование под водой останков знаменитого корабля даст на него ответ и заполнит еще одну страницу в истории первой мировой войны.

КОРАБЛЬ... ИЛИ ГОРОД?

Археологам-подводникам предстоит непочатый край работы. Суда, до сих пор изученные ими, — ничтожная часть процента от всех погибших в Атлантике кораблей. Каждый год приносит новые открытия затонувших судов, причем некоторые из них относятся к числу самых знаменитых кораблей мира. Кто не знает о каравеллах Колумба, на которых он пересек Атлантику и открыл Новый Свет? Из истории открытия Америки известно, что в конце 1492 года одна из колумбовых каравелл, флагманский корабль «Санта-Мария», села на мель у восточного побережья острова Эспаньола (нынешний Гаити). На берег удалось переправить грузы, припасы и пушки, а судно постепенно поглотил песок. Колумбу пришлось оставить часть людей на Эспаньоле, снабдить их припасами и пушками с «Санта-Марии» и, таким образом, основать первый европейский поселок в Новом Свете, получивший название Навидад — «Рождество», ибо трагедия произошла в канун католического рождества.

Имя погибшей «Санта-Марии» вписано золотыми буквами в историю географических открытий и вообще историю человечества. Но вот совсем недавно появились статьи, в которых не только упоминалось имя судна, но и говорилось о его останках. У восточного побережья Гаити американский археолог Фред Диксон и олимпийский чемпион по плаванию Адольф Кеффер обнаружили и подняли на поверхность несколько обломков псаанской каравеллы, относящейся ко временам Колумба. Является ли затонувшее судно «Санта-Марией»? На этот вопрос мы можем ответить лишь после того, как удастся очистить от толстого слоя песка и ила останки затонувшего судна. И если на них будет обнаружена надпись «Санта-Мария», семидесятые годы нашего столетия ознаменуются одним из самых сенсационных археологических открытий века.

Открытий же этих на дне Атлантики будет сделано немало. По водам ее морей, а может быть, и в открытом океане, плавали суда критян и финикийян и их наследников — греков и карфагенян. Уже 5000 лет назад воды Эгейского моря бороздили суда жителей Кикладских островов, протянувшихся цепочкой от материковой Греции к берегам Малой Азии. По Средиземному морю плавали корабли загадочных жителей Малой Азии, карийцев, и не менее загадочных обитателей Италии — этрусков. На южной оконечности Малой Азии более 2000 лет назад процветало пиратское государство Киликия, а на побережье Адриатики — Иллирия. Какими были суда иллирийцев, киликийцев, этрусков, критян, кикладцев, финикийян, карфагенян? Судить о некоторых из них мы можем лишь по изображениям. Корабли этих народов покоятся на дне Средиземного моря, их предстоит еще там отыскать. Если все останки древних кораблей будут обнаружены в Атлантике, ученым придется пересматривать заново историю

открытия Нового Света, неразрывно связанную с историей мореплавания.

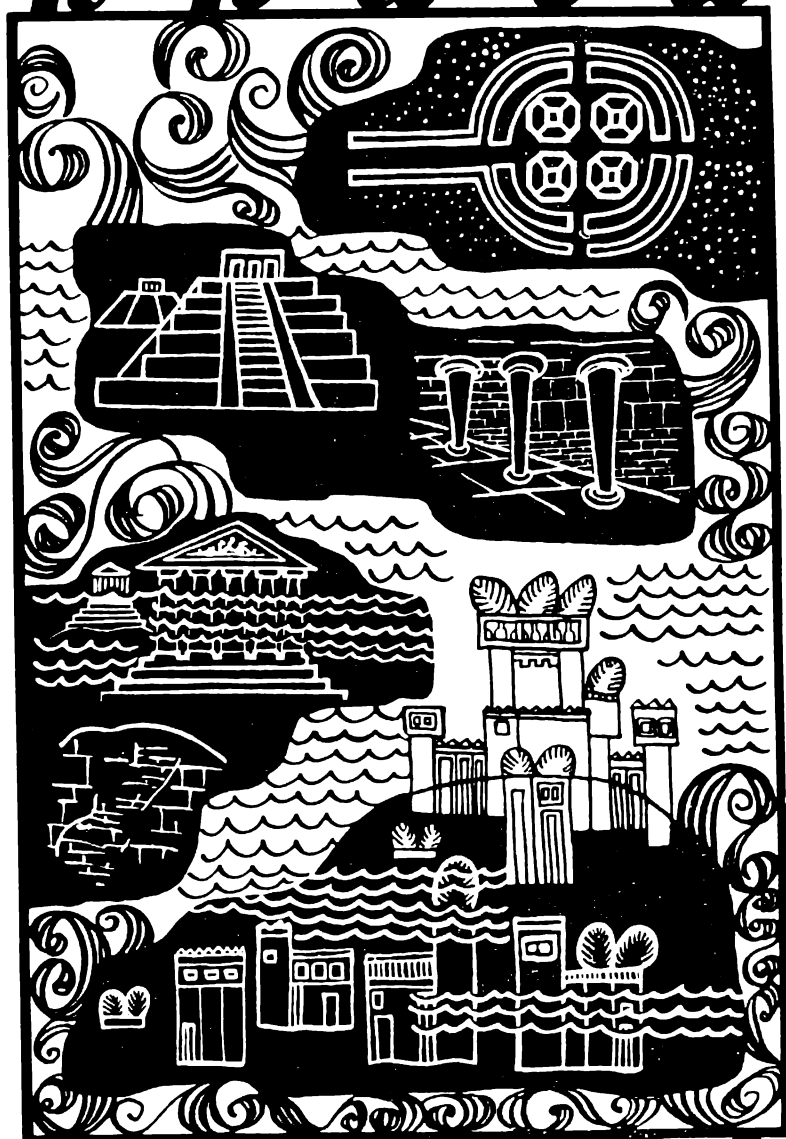
Античные авторы сообщают о гигантских судах, которые строились в IV—III веках до н. э. Это были галеры с четырьмя, пятью и более рядами весел, которые двигали усилия многих сотен гребцов. Птолемей IV построил галеру длиной 120 и шириной 20 метров, которую двигали 4000 гребцов (весла на этом огромном судне были более 20 метров длиной!). Однако историки древности сообщают и о более крупных кораблях — в двадцать и даже тридцать ярусов. Правдивы ли их сообщения, какого размаха достигла «гигантомания» судостроителей Древнего мира — покажут лишь будущие исследования под водой.

Суда античной эпохи, до сих пор известные археологам-подводникам, способны были нести груз весом до 200 и даже 350 тонн. Но при исследовании этих затонувших кораблей ученым зачастую приходилось решать вопрос: являются ли мраморные колонны, капители, плиты, найденные на дне морском, грузом огромного корабля — или же это остатки города, ушедшего на дно.

Например, в окрестностях Пор-де-Бу (Южная Франция) на глубине всего 13 метров аквалангисты, расчистив трехметровый слой ила, обнаружили рельеф из воспетого поэтами каррарского мрамора, изображающий алтарь, который поддерживают, припав к нему, две пантеры. Там же были найдены части мраморных колонн. Что это? Груз корабля или следы затонувшего поселения? Только свинцовый якорь, найденный поблизости, убедил археологов-подводников в том, что они имеют дело с грузом судна. Все остальные части корабля были уничтожены водой и временем. Подобные же проблемы приходилось решать и при исследовании других подводных находок.

Далеко не во всех случаях они оказывались грузом корабля. Нередко это были руины погибшего города. О затонувших городах Атлантики и расскажет следующая часть нашей книги — «Книга городов».

К Н И Т А

ГОРОД

И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона, и Мессины.

Александр Блок

ТОНУЩИЕ ГОРОДА

Города вздымаются вверх своими двадцати-, тридцати- стоэтажными зданиями. Однако подниматься к небу заставляет их не только воля людей. Незаметно для глаза, незаметно для жизни одного поколения в ряде мест нашей планеты идет неуклонное повышение суши, и вместе с нею все выше и выше над уровнем моря поднимаются города. Например, в Скандинавии. На берегу Ботнического залива находится город Торнео, а при нем — старинная гавань. В гавань эту не заходят суда, ни большие, ни малые — причалы стоят на мелководье, почти на суше. Обмелел Ботнический залив? Ничего подобного. С тех пор, как закончилось последнее оледенение, уровень Мирового океана неустанно повышается. Но... поднимается Скандинавский полуостров, с той самой поры, когда на полуостров перестала давить страшная тяжесть покрывавших его льдов и ледников.

Поднятие Скандинавии идет неравномерно: в средней части быстрее, на окраинах — медленней. В районе Торнео и вообще на берегу Ботнического залива оно достигает приличной скорости — 1 сантиметр за год, метр за столетие, 10 метров за тысячу лет! Мелями и сушей становятся древние гавани, острова становятся полуостровами. Впрочем, даже Скандинавия была когда-то огромным островом, отделенным от Европейского континента проливом в районе восточной Карелии.

Скандинавия — не исключение. И в других местах побережья Атлантического океана, его заливов и морей можно увидеть следы поднятия суши из моря. Причем иногда происходят крайне любопытные явления: тот или иной участок земной поверхности то становится дном моря, то суши, то вновь погружается на дно. Наиболее ярко это видно на примере храма Юпитера Сераписа на берегу Неаполитанского залива, вблизи маленького итальянского городка Поццуоли.

Храм был воздвигнут во II веке до н. э. Естественно, на суше, а не на дне морском. Затем он, вместе с берегом залива, начал медленно опускаться, и все выше и выше поднималась вода.

Сначала она залила пол, затем стала затоплять мраморные колонны. Уровень воды поднимался на метр, два, три, три с половиной метра, и уже в XIII веке на месте величественного храма торчали лишь верхушки его колонн. А потом началось поднятие храма. Из вод морских вышли части колонн, прежде покрытые водой. Моллюски-каметочцы, живущие на скалистом дне залива, успели обсохнуть в этих колоннах, подобно тому, как они делают это в скалах. Прошло время, и вот на поверхность вышел мраморный пол храма, также изъеденный моллюсками. Казалось, скоро «на свет божий» появится и древняя дорога, соединявшая храм с берегом, ныне покрытым водой, и обнажатся каменные глыбы причала. Но этого не произошло. Наоборот, храм снова начал опускаться — в 1828 году основание колонн ушло под воду на 30 сантиметров, к началу нашего столетия уровень воды поднялся почти на 2 метра, а в середине века — уже на 2,5 метра.

Опускания суши (вместе со строениями, находящимися на ней), так же как и поднятия ее, происходят в различных местах побережья Атлантики: во Франции, на побережье Северного моря, на атлантическом побережье США и Канады. А в низменной Голландии это настоящее бедствие. Жителям побережья приходится возводить грандиозные плотины, защищая свои земли от нашествия воды.

Земная кора может опускаться или подниматься. Мировой же океан вот уже несколько тысячелетий повышает свой уровень за счет тающих льдов, из года в год ведя наступление на земную твердь. Ученые подсчитали, что за 10 000—12 000 лет, истекших со времени окончания последнего ледникового периода, уровень Мирового океана поднялся на несколько десятков метров. Следовательно, значительная часть прибрежной полосы морей и океанов, обозначенной на картах бледно-голубым цветом (глубины от 0 до 200 метров, т. е. область шельфа), прежде могла быть сушей!

Море наступает на сушу. Города оказываются под водой, города тонут в море. Мировая общественность обеспокоена судьбой «жемчужины Адриатики» — Венеции. Этой прославленной столице Венецианской республики, увековеченной поэтами и пейзажистами, ее шедеврам архитектуры, ее историческим памятникам угрожает гибель в водах Адриатики. Город медленно, но неотвратно погружается на дно. Летописцы, хронисты, историки довели до нас описания подобной гибели городов, тонувших — и в конце концов затонувших — в море.

Данвич — так называется крохотная, в два десятка домов, деревушка на юго-западной оконечности Англии. Это все, что осталось от бывшего города. В межевых актах Вильгельма Завоевателя можно прочесть о том, что земли, числящиеся за этим городом, не могут быть обложены налогом — они стали морским дном. Затем море добралось и до самого города, поглотило монастырь, церкви, гавань, ратушу, тюрьму, несколько сотен домов.

К XVI веку три четверти города было поглощено водой, над лесом, паходившимся неподалеку от Данвича, уже давно гуляли морские волны, и наконец, в наши дни осталась лишь жалкая кучка домов.

После норманнского завоевания Англии на южном побережье острова был заложен город Гарвич, к западу от древнего города Оруэлла, который поглотило море. Однако оно добралось и до нового города — Гарвич находится под угрозой затопления. Английский город Брайтон правильное было бы именовать «Новый Брайтон», ибо средневековый город поглотило море: в 1665 году оно затопило несколько десятков аданий, а в начале XVIII века под воду ушли и остальные дома. Там, где еще во времена Елизаветы Английской стоял город, теперь тянется мол и волны ходят над древним Брайтоном.

Многие города, подобно Брайтону, «перекочевывали» на новое место. Другие, к примеру Данвич, хирели и превращались в захолустные деревушки, не в силах возродить бывшее величие, поглощенное морем. В третьих, наполовину затопленных морем, жизнь замирала, население уходило на новые места. Четвертые тонули целиком и полностью, и о том, что некогда там-то и там-то существовал такой-то и такой-то славный город, погибший в результате нашествия моря, мы знаем лишь из древних хроник. О пятых нам становится известно только после раскопок археологов под водой — ибо даже память человеческая не сохранила никаких сведений об этих погибших городах. О шестых, наоборот, повествуют легенды и предания, но следов легендарных городов найти пока что не удастся. Правдивы ли предания и легенды? Археологи пытаются ответить на этот вопрос, исследуя дно моря в тех местах, где, согласно преданиям, некогда стояли города и храмы. Словом, для ученых затопленные города открывают широкое поле деятельности. Вполне естественно, что прежде всего археология-подводники изучают те города, руины которых, исследованные на суше, находят свое продолжение под водой.

ГОРОДА «ПО ПОЯС В ВОДЕ»

В течение многих веков ведя наступление на побережье Южной Франции, Средиземное море отвоевало у суши обширные территории. Чтобы защититься от моря, жители городка Сан-Мари в начале XVIII века воздвигли плотину. Однако древние сооружения времен античности ушли на дно. Правда, не полностью. Археологи в течение нескольких лет, с 1946 по 1952, вели раскопки на суше. А затем начались исследования под водой, и работы эти существенным образом дополнили «сухопутные» раскопки. В ходе дальнейших исследований археологов-подводников были обнаружены и другие города, «по поясу» ушедшие в воду, — на суше, как правило, оставались их центральные районы, а порты и прилегающие к ним части города скрывались под водой.

Так было, например, с древним портовым городом Антиб и не менее древней Ольвийей, расположенными на средиземноморском побережье Франции.

На противоположном берегу Средиземного моря археологи обнаружили руины одного из крупнейших портов античного Средиземноморья — Аполлонии. Под водой находилась добрая половина строений города, и в том числе все портовые районы. Между тем именно они больше всего интересовали ученых: ведь Аполлония была морским портом одной из самых крупных и самых древних (основана в 635 году до н. э.) колоний эллинов, а затем, в эпоху римского владычества, именно отсюда вывозилось больше всего хлеба в «Вечный город» — Рим. Вот почему экспедиция Кембриджского университета под руководством опытного археолога Н. Флеминга провела в 1958 году исследования под водой — важно было узнать, насколько сохранились там портовые сооружения и, если время и вода пощадили их, то каким был этот крупнейший порт древности.

Предварительная разведка показала: строения под водой сохранились даже лучше, чем на суше. Тогда аквалангисты приступили к съемке плана затонувших районов Аполлонии. Составить его оказалось не так-то просто: здания, доки, башни, набережные, виллы, оборонительные стены образовали сложный и запутанный лабиринт. Распутать его удалось лишь после тщательных промеров. Оказалось, что гавань Аполлонии занимала большую овальную бухту, которую окаймляли мысы и островки (на одном из них была каменоломня). Только два узких прохода соединяли бухту с открытым морем. Очевидно, жители Аполлонии опасались нашествия вражеских судов: об этом наглядно свидетельствуют мощные оборонительные стены, опоясывающие город, и сторожевые башни.

На побережье Неаполитанского залива около 2000 лет назад находился самый прославленный курорт античности — Байи. Здесь отдыхали, лечились и, главное, развлекались римские патриции и толстосумы. Древний курорт уже давно стал объектом археологических раскопок, обнаруживших монументальные руины этой «Ниццы античности». Затем настал черед раскопок под водой. И здесь, вплоть до глубины 10 метров, археологи обнаружили характерные для римской архитектуры здания, сложенные из плоских, тщательно обожженных кирпичей, намертво схваченных известковым раствором.

Руины некоторых древних поселений на солнечном побережье Прованса находились на гораздо меньшей глубине — от одного до трех-четырех, иногда пяти метров. Города «по пояс в воде», которые частично ушли под воду, а частично остались на суше, найдены не только на юге Франции или средиземноморском побережье Ливии (кроме знаменитой Аполлонии археологи-подводники нашли здесь подводное продолжение древних портов — Птолемаиду и Тауфиру). Еще больше таких полузатопленных городов на побережье Греции. Молы древнего порта Ко-

ринф ушли под воду на глубину почти 3 метров. В районе другого античного порта, Пирея, найдены затопленные склепы и могилы. Ушли под воду могучие, двухметровой толщины, защитные стены древнего Гифиона, как и стены не менее древнего города Калидон на берегу Коринфского залива.

Сходная картина наблюдается и в районе Эгейского архипелага. Под водой оказались древние погребения на острове Милос, почти двухметровым слоем воды укрыты склепы, выбитые в скале на южной оконечности острова Крит. В 200 метрах от берега острова Эгина можно увидеть оборонительные стены, погребенные морем. Древние сооружения поглощены и водами Адриатического моря, омывающего берега Италии и югославской Далмации. Например, на глубине 2,5 метра погрузились причальные стенки Остии, древнеримского порта.

Все эти затонувшие части античных городов и портов изучаются археологами-подводниками. Работы под водой дополняют раскопки на суше и позволяют глубже проникнуть в историю Древнего мира. Подводная археология, однако, сумела дать много ценного не только историкам-античникам. Даже такая, казалось бы, всецело «сухопутная» область знания, как «библейская археология», ведущая исследования стран и городов, история которых связана с событиями, описанными в Библии, оказалась тесно связанной не только с раскопками на материке, но и с подводными археологическими исследованиями. Больше того: первое подлинно научное изучение затопленных поселений началось именно с подводных работ, проведенных в одном из самых известных «библейских» городов — прославленном финикийском порту Тире.

БИБЛЕЙСКИЕ ГОРОДА НА ДНЕ МОРЯ

Современный Тир — это маленький городок, где живут рыбаки, скорей даже не город, а большая деревня. Когда-то слава Тира разносилась по всем странам Древнего мира. Во всем Восточном Средиземноморье не было порта, который мог бы равняться с ним, — ни в Египте, ни в Малой Азии, ни на Кипре, ни в Сирии, ни в самой Финикии. Цедаром Александр Македонский, начав свой поход на Ближний Восток, во что бы то ни стало хотел захватить Тир, «морские ворота» этого района. Взять неприступный порт-крепость удалось лишь после того, как воины Александра засыпали пролив, отделяющий Тир от материка (прежде город находился на острове, а не на полуострове, как ныне) и был предпринят одновременный штурм с моря и суши.

Александр Македонский не простил жителям Тира их упорное сопротивление. Город был подвергнут разграблению и разрушению. Однако возродился снова. «Тир был взят Александром после осады, но преодолевал все подобные несчастья и снова возвышался благодаря мореплаванию, в котором финикийцы всегда превосходили другие народы», — свидетельствует античный гео-

граф Страбон. Тот же Страбон сообщает, что в порту Тира было две гавани — «одна замкнутая, а другая, называемая египетской, — открытая». В описании штурма Тира также идет речь о двух гаванях. Между тем археологи тщетно искали в районе современного Тира следы хотя бы одной из этих гаваней. Или время уничтожило древние портовые сооружения, или их поглотило море. Ответить, какая из гипотез правильна, могли лишь исследования под водой.

Анри Пуадebar, известный французский археолог, решил проникнуть в тайну морских вод... с воздуха. Еще в двадцатых годах нашего столетия, проводя раскопки в Сирийской пустыне, он с успехом применил для разведок самолет, с борта которого, как на ладони, были видны древние сооружения, теряющиеся в барханах, если искать их не с воздуха, а с земли. Летом 1934 года начались поиски подводных сооружений: самолет пролетал над морем, возле прибрежной полосы. Уже первые полеты и снимки, сделанные с высоты, показали, что неподалеку от берега находятся пятна, имеющие правильную геометрическую форму. Вряд ли такую форму могут иметь природные образования. Исследования переносятся с неба под воду.

Работы на дне моря дали ценные результаты. Сообщения античных авторов оказались правдивы, в Тире, действительно, существовало две гавани, северная и южная. На глубине от 3 до 5 метров археологи проследили древний мол, начинавшийся от сторожевой башни и уходивший далеко в море, почти на 200 метров. Мол был не только длинным, но и широким — ширина его достигала 8 метров. Ибо мол должен был защищать бухту и от вторжения морских волн, и от нападения врага. Финикийцы, обороняя свой город, могли расположить на столь широком mole не только войска, но и боевые машины. Вскоре исследования под водой показали, что на дне Средиземного моря находится и второй мол, еще более мощный, чем первый, — его длина равнялась 750 метрам, причем посередине мола был оставлен неширокий проход, «ворота» для кораблей. Если бы через эти ворота попытался проникнуть в гавань Тира вражеский корабль, он был бы встречен градом стрел и камней. Причем обстрел этот длился бы довольно долго: от прохода в mole тянулся стометровый «коридор», образованный двумя дамбами, на которых также могли находиться лучники и пращники. Укрепления имелись и в начале каждого мола — если бы враг захватил портовые сооружения, он встретил бы здесь еще одно серьезное препятствие.

Враг угрожал Тиру часто. Но не столь методично и неотвратимо, как постоянно наступающее море. Поэтому части мола, наиболее подверженные штормам и разрушительной работе волн, укреплялись особенно тщательно; ширина мола была доведена до 10 метров, а вдоль всего периметра обоих молон финикийцы соорудили специальные волноломы. Однако после того, как вся финикийская цивилизация, а с нею и Тир, пришли в упадок, море перешло в открытое, никем не сдерживаемое наступ-

ление и поглотило и молы, и гавань, и набережные, и портовые сооружения — и лишь спустя много столетий они были открыты археологами-подводниками.

Подводные работы в районе Тира Анри Пуадebar вел в 1934—1936 годах. После второй мировой войны ему удалось организовать новую экспедицию. На сей раз исследовались портовые сооружения другого финикийского города, соперника Тира, — Сидона. Часть порта ушла под воду, но отдельные сооружения еще выступали над водой, и это, конечно, облегчало задачу исследователям (на сей раз работы производила не Франция, а правительство недавно образованной республики Ливан, пригласившее Пуадебара руководить раскопками). Портовые сооружения Сидона относились примерно к тому же времени, что и постройки Тира, — I веку н. э. Однако конструкция их отличалась от конструкции тирского порта, что немало удивило археологов. Сидонцы искусно воспользовались природными условиями и сделали свой порт неприступной крепостью, в которую вело два прохода. Первый — узкое «ворота», образованные с одной стороны островом, а с другой — молом; второй — «ворота» между тем же островом и берегом, которые пересекала песчаная отмель, закрывавшая проход любому кораблю. Через эту отмель был прорыт специальный канал — только по нему судно могло попасть в гавань Сидона.

«Цезарей» — так, в честь римского императора, был назван город на побережье Палестины, ставший столицей царства Иудейского и резиденцией римского наместника. Цезарей была не только столичным городом, но и портом. Но если городские здания кое-где сохранились и по сей день, то портовые сооружения поглотило Средиземное море. В гавани Цезарей могло размещаться до сотни судов, ее порт соперничал даже с самим Пиреем, морскими воротами Эллады. Неудивительно, что археологи, проведя раскопки Цезарей на суше, обратили внимание и на части Цезарей, ушедшие на дно. В 1957 году здесь провела исследования американская экспедиция, оснащенная не только аквалангами, водолазным снаряжением и компрессорами, — в ее распоряжении находилась яхта «Си Дайвер» («Морской Нырлящик»), оборудованная для подводных археологических работ.

Американцы составили подробную карту затонувшего порта, обнаружили на дне моря каменные стены и колонны. Венцом их изысканий была находка колоссальной статуи — очевидно, когда-то она возвышалась у входа в гавань. И все-таки это открытие кажется незначительным по сравнению с тем, что четыре года спустя сделали итальянские археологи-подводники, работавшие вместе с учеными Израиля. Им удалось обнаружить руины древней библиотеки и, самое главное, постамент памятника, на котором можно было прочесть остаток надписи: «...tius Pilatus». Нетрудно догадаться, что это имя римского наместника в Иудее Понтия Пилата — ведь резиденция его находилась именно в городе Цезарей!

Библию когда-то считали непререкаемым авторитетом во всех областях знания. Затем просветители поторопились объявить ее «собранием сказок». Современные ученые относятся к показаниям Библии так же, как и к свидетельствам других «священных книг» древних народов: это замечательные исторические документы, нужно только уметь отделить мифическое от исторического, нужно делать поправки на ту особую «призму», сквозь которую преломлялись события, описываемые в них. Раскопки в Двуречье, Малой Азии, Палестине, Ливане, Сирии, Египте в сочетании со свидетельствами Библии позволили воскресить не одну страницу истории Древнего Востока. Теперь слово за археологами-подводниками: их исследования покажут, что же в священном писании является выдумкой, что — правдой, а что — правдой, дошедшей до нас в преломлении «призмы» мифологии и фантазии.

ГОРОДА ПОНТА ЭВКСИНСКОГО

«Понт» в переводе с древнегреческого означает «море». В глубочайшей древности плавали эллины к берегам Черного моря — отзвуком этих плаваний является миф об аргонавтах и золотом руне. Тогда Черное море именовалось греками «Аксейнос» («Негостеприимное»). Но вот на берегах его появляются колонии, плавание по его водам становится делом, доступным любому смертному, а не легендарным героям мифов. И море теперь называется «Эвксейнос» — «Гостеприимное». Первая древнегреческая колония на берегу Понта Эвксинского появляется в VII веке до н. э. Здесь, на юго-западном побережье, возникает город Аполлония. Проходит время, и Аполлония становится самостоятельным городом-государством, чеканит собственные монеты и даже имеет свои колонии. В честь бога-покровителя жители города воздвигают величественный храм с тридцатиметровой статуей Аполлона. Город, основанный почти 3000 лет назад, жив и сейчас — это нынешний болгарский Созопол, где все напоминает о древней и средневековой истории.

Археологи давно облюбовали окрестности Созополя и провели здесь много интересных раскопок. А когда в тридцатых годах нашего столетия драга проложила в морском дне широкую траншею, оказалось, что и тут пахотятся остатки древней Аполлонии. Об этом говорило неизмеримое количество керамики, относящейся к разным эпохам и разным стилям. Она никак не могла быть грузом затонувшего судна. Очевидно, часть Аполлонии поглотили воды Черного моря. Керамика, найденная на дне, позволила сделать и более важный вывод. Примитивные сосуды, сделанные вручную, без помощи гончарного круга, явно имели не греческое, а местное происхождение. А это значит, что Аполлония была заложена не на пустом месте — еще до появления на берегах Понта Эвксинского колонистов из Греции здесь существовало

какое-то поселение. Следы затонувших поселений и античных городов найдены болгарскими аквалангистами не только в окрестностях Аполлонии — Созопола, но и в других местах черноморского побережья Болгарии.

Аполлония была первой греческой колонией в Причерноморье. Но далеко не единственной. В конце VII века до н. э. древние греки, выходяцы из Милета, zaloжили на обрывистых берегах Буго-Днепровского лимана город, названный Ольвией — «Счастливая» (такое же имя-заклинание носит, как вы помните, и город на Лазурном берегу Франции, наполовину затопленный водой; в честь бога Аполлона назывался порт в Ливии и нынешний Созопол; городов-«тезок» во времена античности было великое множество, ибо имя должно было не только называть, но и ограждать от бедствий). Ольвию осаждал Зопирион, полководец Александра Македонского, но безуспешно. Ольвия отражала набеги кочевников-скифов, откупаясь от них данью. В середине I века до н. э. одному из варварских племен удалось захватить город, прежде неприступный, и он был дотла разрушен. Однако в скором времени греки и римляне вновь возродили Ольвию из пепла. В эпоху великого переселения народов здесь отбивал натиск кочевников римский гарнизон. Полчища гуннов нанесли городу смертельный удар. И лишь спустя полторы тысячи лет его открыли археологи.

Раскопки Ольвии начались в прошлом веке и продолжают по сей день. Более сорока лет ведет исследования древнего города советский археолог Александр Николаевич Карасев, открывший в его земле первый античный водопровод, сохранившийся в первозданном виде, и теменос — главный центр греческих городов, где росла священная роща и находились главные храмы. Сенсационные находки в Ольвии этим не исчерпываются, будущее сулит еще много открытий. Но уже сейчас ясно, что поиск следует вести не только на материке, но и под водой. Значительная часть древнего города — более половины всей его площади! — ушла на дно. Раскопки на суше должны идти рука об руку с подводными археологическими раскопками.

Исследования затонувших городов и строений были начаты в Черном море давно. Еще в 1909 году русский инженер Л. П. Колли опубликовал статью, посвященную раскопкам в районе Феодосийского порта. Остатки каких-то древних сооружений были обнаружены при постройке этого порта в 1894 году. По словам очевидца, археолога А. Л. Бертье-Делягарда, тогда «при землечерпальных работах в самом порту было добыто огромное количество концов свай, сидевших глубоко в илу, всего около 4 тыс. штук. Ряды этих свай шли по направлениям, образующим угол. По-видимому, это была не пристань, а какое-то защитное сооружение, вроде мола. К какому времени оно относится — нельзя решить. Возможно, что к генуэзским или турецким периодам, но возможно, что и к древнегреческому, так как сваи превосходно сохраняются в тех условиях, как были най-

дены, зарытыми глубоко в пле, до 4 сажен от поверхности моря и более 2 сажен от дна. Все эти сваи стояли на своих местах».

Колли, проведя тщательные исследования как под водой, так и на прилегающем побережье, сумел решить вопрос о возрасте сооружения: оно было не турецким и не генуэзским, а древнегреческим. Больше того: ему удалось доказать, что античный мол оказался на дне Феодосийской бухты потому, что в этом районе произошло опускание земной коры (а не вследствие неуклонного повышения уровня моря, как считали многие авторитетные геологи).

Если возле Феодосии удалось отыскать затопленный мол, то на дне Карантиной бухты, возле развалин древнего Херсонеса, археологи обнаружили целый квартал этого города, погребенный морем. Херсонес стоял неподалеку от того места, где ныне расположен Севастополь (Екатерина II, давая античные названия городам в Крыму, не очень-то считалась с историей и географией: Херсоном был назван город возле древней Ольвии, Севастополем — возле древнего Херсонеса, в то время как античный Севастополис был на месте нынешнего Сухуми!). «Затопленный квартал целиком находился за пределами стен города не только римского, но и раннесредневекового периода,— пишет руководитель подводных раскопок Херсонеса профессор В. Д. Блаватский.— Возможно, это был поселок какой-то группы ремесленников, которые должны были строиться за пределами городских стен, потому что их производство было вредным в санитарном или представляло опасность в пожарном отношении».

Грек Фанагор основал на берегу Таманского полуострова поселение, которое впоследствии превратилось в большой город, носящий имя основателя — Фанагория. Древние авторы называли ее столицей Азиатского Боспора (столица Европейского Боспора, Паптикаей, находилась в Крыму, у подножия горы Митридат, и считалась богатейшим городом в античном Причерноморье). Когда археологи начали раскопки Фанагории, они обнаружили, что стены ее уходят на дно Керченского пролива и большая часть древнего поселения находится под водой. При этом на суше большинство древних построек было разобрано местными жителями для своих собственных домов. Разведка под водой должна была установить истинные размеры Фанагории в период ее расцвета. Аквалангисты под руководством В. Д. Блаватского проследили мощные оборонительные стены города, уходившие далеко под воду, а на глубине более 3 метров обнаружили остатки булыжной мостовой. Оказалось, что Керченский пролив расширил свою территорию на добрых 17 гектаров за счет площади Фанагории. Когда ученые суммировали «сухопутную» и затопленную площади этого города, выяснилось, что Фанагория была вторым по величине городом не только в Боспорском царстве, но и вообще во всем античном Причерноморье!

К юго-западу от руин Фанагории находится развалины другого известного города античности, названного, по имени жены

его основателя, Гермопасса. В средние века он назывался по-иному: Тмутаракань. А сейчас это поселок Тамань, о котором столь неместно отзывался Лермонтов (и который благодаря ему же стал известен любому культурному человеку). Части античной Гермопассы и средневековой Тмутаракани находятся под водой. Только здесь море не затопило город, а скорей «размыло» его: волны постепенно подтачивали обрывистый берег и он обрушивался в воду вместе со строениями.

Примерно такая же судьба постигла античный город Тауроментум на побережье Южной Франции: значительная часть его обрушилась в море, и раскопки вести здесь крайне тяжело. К счастью, руины Гермопассы-Тмутаракани пострадали от стихии не так сильно, как Тауроментум. Археологи-подводники рассчитывают найти здесь много интересного. Особенно привлекает их исследование средневековой Тмутаракани. О том, где находился этот город (и даже был ли он вообще!), в течение добрых двух веков вели спор историки, археологи, палеографы (специалисты по письменам). Причиной этого спора послужила находка так называемого Тмутараканского камня (историю его находки, так же как и дискуссию о его подлинности, не завершленную и поныне, излагает брошюра А. Л. Монгайта «Следы на камне», к которой мы и отсылаем заинтересовавшегося читателя). Сейчас считается доказанным, что Тмутаракань, Гермопасса и Тамань — это один и тот же город, имевший в разные эпохи своего долгого существования различные наименования. Раскопки под водой смогут многое рассказать нам об этом легендарном городе, с которым связаны многие страницы истории первого русского государства — Киевского княжества.

На западном берегу Керченского пролива, напротив Гермопассы и Фанагории, находился когда-то самый большой и самый знаменитый город Понта Эвксинского — Пантикапей (нынешняя Керчь). Затопленный мол Керчи говорит о том, что и здесь предстоит работа не только «сухопутным» археологам, но и подводным исследователям. А в самом Керченском проливе, к югу от косы под названием Чушка, еще в прошлом веке были обнаружены шесть мраморных колонн — остатки древнего храма, поглощенного водой. Попытка поднять одну из колонн на поверхность, предпринятая около полутора столетий назад, к успеху не привела. Было забыто и точное местонахождение их. Археологам-подводникам предстоит интересный, но трудный поиск, так как вода в Керченском проливе мутная и видимость в ней очень ограничена.

ЗАТОНУВШИЕ ГОРОДА

До сих пор речь шла о городах, затопленных «по пояс», городах, часть которых находится на суше, а часть — под водой. Археологи начинают изучать сначала «сухопутные» районы, как более доступные для исследования, а затем переходят к раскоп-

кам или, чаще, простой съемке строений, затопленных водой. «Наземные» и подводные исследования дополняют друг друга. Однако многие города поглощены морем целиком, они ушли под воду «с головой». Изучить эти древние и средневековые поселения можно лишь с помощью подводных археологических раскопок: обычная археология здесь бессильна. И таких затопивших поселений современная наука знает немало: они обнаружены в самых различных морях Атлантического океана: Северном, Черном, Средиземном (и его морях — Эгейском, Ионическом, Тирренском), Азовском, Балтийском и, наконец, даже в водах самой Атлантики!

Венецию называют «тонущим городом». Город дождей возник неподалеку от города Метамауко, который поглотили воды Адриатики, точнее, Венецианского залива. Венеция явилась продолжательницей его традиций, его архитектуры, его торговых операций. Словом, Венеция — это «Новый Метамауко» (или, если угодно, Метамауко — это «Старая Венеция»). О Метамауко, возникшем еще в античную эпоху и вступившем в пору наивысшего расцвета после краха Римской империи, сообщают хроники раннего средневековья. В его стенах искал убежища епископ Падуанский, спасаясь со своей паствой от воинов «бича божьего», Атиллы. Городом, как впоследствии и Венецией, правили дожи. И, как в Венецианской республике, здесь возникали заговоры, интриги, распри, междоусобицы. Воспользовавшись этим, франкский король Пипин Короткий захватывает Метамауко и учиняет городу-республике разгром, от которого тот уже не оправился. Жители города переселяются на остров Риальто — так начинается жизнь Венеции и кончается жизнь Метамауко. Море, неуклонно наступающее на берега Адриатики, постепенно поглощает городские строения.

Еще в прошлом веке рыбаки в хорошую погоду могли видеть остатки затопивших зданий на дне Венецианского залива. А так как спрос на древние реликвии в Италии существует давно, затопивший город систематически грабили, — доставали со дна статуи, украшения и другие предметы, относящиеся ко временам античности, средневековья и того «темного периода», который разделяет эти две эпохи в истории Западной Европы. Сейчас разграблению Метамауко положен конец. Археологи намереваются предпринять изучение этого интереснейшего города.

На дне Венецианского залива, неподалеку от устья реки По, археологам посчастливилось найти руины еще двух городов, затопленных морем. Правда, от одного не осталось ничего, кроме остатков порта, — каменной стены, воздвигнутой в античную эпоху. Зато другим подводным городом оказался знаменитый город и порт Спина, построенный «учителями римлян» — этрусками. И если Метамауко по праву можно назвать «отцом Венеции», то город Спина — это ее «дед»: здесь также существовала республиканская форма правления, как и Венецию, Спину на-

звали «Королевой Адриатики» — и это за тысячу лет до рождения города дождей!

Этруски исчезли с лица земли. Во мраке веков исчез и город Спина. Страбон, живший около 2000 лет назад, писал о том, что Спина стала деревней, но когда-то это был знаменитый город и, по свидетельству греков, именно жители Спины «покорили море». Однако, несмотря на то что поиски древней «Королевы Адриатики» велись на протяжении нескольких веков, найти руины древнего порта никому не удавалось. Многие ученые стали сомневаться в том, существовала ли Спина в действительности. Может быть, Плиний и Страбон, писавшие об этом городе, просто-напросто придумали его? И только в 1956 году итальянскому археологу Нерео Альфиери удалось разгадать загадку Спины — оказалось, город поглощен водами и илом дельты По.

Найти древний город, засосанный болотом, помогло сочетание самых различных методов исследования. Альфиери привлек и средневековые летописи, и географические названия (например, южный рукав дельты По когда-то назывался «Спинетико»), и гидрологию, позволившую восстановить многократно менявшую очертания древнюю дельту По, и зондирование почвы с помощью металлического щупа, и, главное, аэрофотосъемку. Обычно затонувшие города находят ныряльщики, водолазы или аквалангисты. Спину, как видите, пришлось искать гораздо более сложным путем. Но даже грязная болотная жижа не смогла скрыть от науки погибший город. После открытия Спины начались раскопки, которые не прекращаются и по сей день: археологам приходится вести упорную борьбу с водой, которая просачивается в раскопы даже после осушения болот в долине реки По.

На дне Адриатического моря, в тот же год, когда Нерео Альфиери открыл Спину, был открыт еще один город античности — Конка. Он находился почти в километре от современного курортного городка Габичче. Под водой археологи обнаружили большую площадку, усеянную остатками зданий, триумфальной арки, и даже камешную колонну, увенчанную орлом — неизменным символом римского владычества. Через два года в водах Адриатики, в 8 километрах от итальянских курортов Градо и Каорле, сделано новое открытие: обнаружены фундаментальные стены вилл римской знати.

Как видите, на дне Адриатики скрывается чуть ли не десяток городов, полностью покрытых водой. А ведь ее воды затопили многие древние города лишь «по поясу». Например, стены античного Эпидавра погружены на глубину нескольких метров; вода залила большую часть этого города. Там, где Адриатику отделяет от Ионического моря «шпора» на «сапоге» Апеннинского полуострова, плещутся воды залива Таранто. На дне его, как мы рассказывали в «Книге кораблей», найдено множество затонувших судов. В 1962 году ученые провели аэрофотосъемку в ряде районов этого обширного залива. И, к глубочайшей сво-

ей радости, обнаружили геометрически правильные очертания каких-то объектов, находящихся под водой. Опытному археологу-подводнику они говорят о многом. И прежде всего — о том, что здесь находится затонувший город... Какой? Итальянские ученые надеются, что это — Сибарис, родина «сибаритов», прославившихся своей роскошью и богатством. По словам античных историков, Сибарис был самым богатым из городов, построенных греками, включая Афины. Сибариты одевались в шелка, украшали себя золотом и пили вино «как воду», пользуясь специальными «винопроводами», тянувшимися из виноделен прямо в дома. Чтобы не тревожить покоя обитателей, в Сибарисе были запрещены шумные ремесла. Запрещалось держать и петухов, во избежание шума. Именно здесь были изобретены... ночной горшок и система патентов на кулпнарные рецепты. Само слово «сбарит» ныне стало синонимом изнеженности и чрезмерной роскоши.

Легенды утверждают, что Сибарис, основанный греческими колонистами на юге Апеннинского полуострова, был затоплен водами реки, которую перекрыли противники сибаритов. Это хорошо соответствует «адресу» подводного города в заливе Таранто. Однако возможно, что на дне залива находится какое-то другое древнее поселение. Ибо совсем недавно на побережье залива Таранто после тщательных изысканий археологи нашли руины города, который, по их мнению, является легендарным Сибарисом. Находка его также не обошлась без участия специалиста в области наук о Земле Д. Р. Рейкса. Он установил, что около двух с половиной тысяч лет назад в этом районе произошло опускание почвы, береговая часть равнины опустилась на 3 метра. Остатки Сибариса были занесены песками и наносами и оказались ныне на 4—5 метров ниже уровня моря.

Обнаружить древний город удалось после того, как были пробурены сотни скважин и «прощупаны» многие гектары грунта с помощью цезиевого магнитометра, применяющегося для связи с искусственными спутниками Земли. Будущие раскопки позволят окончательно установить, какой из городов Сибарис — тот, что находится под водой, или тот, что запесен морским песком.

Мы рассказывали о Херсонесе, городе греческих колонистов неподалеку от современного Севастополя. Город этот в воде лишь «по колено» — ведь на дно Черного моря ушел всего один обособленный квартал. А вот его тезка, Херсонес на острове Крит (слово «Херсонес» означает «полуостров», «полуостровной»), ушел под воду «с головой». Его могут исследовать лишь археологи-подводники. На дне моря находится и город Диоскурия, который, согласно античным мифам, построили на берегу Понта Эвксинского близнецы-братья Кастор и Поллукс, спутники главы аргонавтов Ясона. О Диоскурии повествуют и другие античные источники, начиная с IV века до н. э. Это был крупный порт и город, располагавшийся в районе современного Сухуми. Однако все попытки отыскать его руины были тщетны.

И тогда поиски Диоскурии начались на дне Сухумской бухты. Ведь во время штормов море часто выбрасывало на берег золотые, серебряные, медные монеты, свинцовые и металлические вещи, а однажды волны припесли золотую тиару! Первую разведку под водой около ста лет назад провел Владимир Чернявский: он составил план нескольких античных сооружений, найденных на дне бухты. Однако серьезное изучение руин затонувшего города началось лишь в 1953 году; оно продолжается и поныне. Об исследовании Диоскурии хорошо рассказал один из руководителей подводных раскопок, Винапор Пачулиа, и мы не будем повторять содержание главы «Тайна затонувшего города» его книги «В краю золотого руна» (Москва, «Наука», 1968). Отметим лишь, что возле погибшей Диоскурии позднее возник римский город Севастополис, «порт, самый значительный на восточном берегу Черного моря», как писал о нем Флавий Арриан, посетивший город в 134 году н. э. В средние века его хозяевами стали византийцы, а потом, под местным названием Цхуми, он входит в состав Абхазского царства, с 1845 года, когда Абхазия была присоединена к России, и по 1935 год официально именуется Сухум, а с 1935 года и по сей день — Сухуми.

В 1958 году возле побережья Греции, неподалеку от города Катаколон, было сделано неожиданное открытие: дно моря покрывали обломки колонн, скульптур, керамики. Когда-то в этом районе находился античный город Фея, и, судя по остаткам зданий, море поглотило его сразу, после сильного землетрясения. В том же 1958 году у южного побережья Сицилии аквалангист, также совершенно случайно, открывает лежащие на дне куски мрамора и фрагменты колонн — еще одно затонувшее поселение, вернее, остатки античного храма, возле которого должны быть обнаружены и другие следы пребывания человека. В Коринфском заливе французские аквалангисты ведут поиски двух древнегреческих городов — Гелика и Бура, — поглощенных морем почти 2500 лет назад; в 1962 году их английские коллеги начинают отыскивать в прибрежных водах Кипра остатки порта Саломина, который, по свидетельству античных авторов, затонул в 234 году н. э.

Впрочем, о поисках городов на дне стоит рассказать подробней. В большинстве случаев сначала обнаруживаются руины древнего поселения, а затем ученые находят этим руинам «прописку» на карте античного или средневекового мира, определяют, какому же именно городу они принадлежат. Но бывает и обратное: название города хорошо известно, древние авторы оставили его описание, народные легенды и предания говорят о славе и богатстве исчезнувшей столицы или порта... Остается только найти его — найти на дне моря. Так было со Спиной и Диоскурией. Так было и со многими другими знаменитыми городами древности — с той только разницей, что многие из них не обнаружены и по сей день.

ЛЕГЕНДАРНЫЕ ГОРОДА

После того как Генрих Шлиман отыскал Трою, а сэр Артур Эванс раскопал дворец царя Миноса на Крите, ученые стали больше доверять легендам и мифам, содержащим рациональное зерно. Пусть народная фантазия и приукрашивает богатство и могущество легендарных городов — но все-таки они не вымысел, а действительность. Насколько же правдивы предания, могут показать лишь археологические раскопки. И если ученые прошлого века проверяли их, ведя раскопки «на суше», то в нашем веке им приходится вести проверку под водой.

В Библии неоднократно упоминается город Таршиш. Пророк Иона, решившись на побег, отправляется в порт Яффу, дабы сесть на корабль, отплывающий в далекий Таршиш. (Царь Соломон раз в три года посылал в Таршиш корабль, возвращавшийся с ценным грузом.) Пророк Иезикиил так говорит финикийскому Тиру: «Таршиш — торговец твой — из множества всякого богатства серебро, железо, олово и свинец дает тебе во владение твое». После того как в результате раскопок были найдены считавшиеся легендарными «библейские» города Ниневия и Вавилон и даже целое царство хеттов, известное прежде лишь из Библии, никто из исследователей не считает «выдумкой» и далекий город Таршиш. Тем более, что он известен под именем Тартесс у античных географов и историков. Античные авторы, например Страбон, говорят, что Тартесс, столица одноименного государства, находился в устье реки Бетис, на юге Пиренейского полуострова. Бетисом в ту эпоху назывался нынешний Гвадалквивир (а порой его именовали «река Тартесс»).

Археологи обнаружили много интересного, произведя раскопки на территории государства Тартесс, занимавшего всю Южную Испанию, от реки Гвадианы на западе до реки Сегуры на востоке. Тут были открыты богатейшие золотые, серебряные, бронзовые клады, разнообразные изделия, привезенные сюда из Британии, Африки, Финикии, даже далекой Балтики (янтарь). И все-таки столицу, сам город Тартесс, отыскать до сих пор не удалось, хотя его местонахождение указано довольно определенно. Раскопки в устье Бетиса-Гвадалквивира города не обнаружили. А это значит, что их надо перенести под воду. Геологи утверждают, что устье Гвадалквивира находится в тектонически подвижном районе и руины Тартесса могут лежать на дне Средиземного моря.

Другой «без вести пропавший» город — один из крупнейших портов средневековой Европы, город Юмна, созданный поморскими славянами (территория славянского Поморья охватывала нынешнюю Померанию и даже часть Ютландского полуострова). Попытки найти Юмну на суше к успеху не привели, и большинство специалистов склоняется к мысли о том, что искать славянский порт надо на дне Балтики, там, где море частично затопило остров Узедом и побережье в устье реки Одры. Про

«Урбе Венеторум», т. е. «город венетов», сообщает один из крупнейших хронистов раннего средневековья Адам Бременский в 1714 году. Этот добросовестный летописец говорит о Юмне как о крупнейшем городе Европы. На рейде порта стояли славянские, саксонские, скандинавские и даже византийские («греческие») корабли, а при входе в гавань, впервые на севере Европы, были установлены маяки, чтобы облегчать судоходство в ночное время.

Вероятно, именно этот славянский порт послужил прообразом Винеты, легендарного города, погибшего в морских волнах. Предания говорят, что Винету погубила внезапная катастрофа: сильные ветры с моря нагнали мощные волны, которые затопили город. Действительно, на Балтике подобные явления, именуемые «штормфлюте», или штормовой пагон, довольно-таки частое явление (достаточно вспомнить «петербургские» наводнения, связанные со «штормфлюте»). Так что история гибели Винеты, вернее, славянского порта Юмны, вполне достоверна с точки зрения океанологии. Однако долгое время историки полагали, что Винета — это не Юмна, а современный польский город Волин, в средние века известный под именем Юлин. И лишь новейшие исследования убедительно доказали, что Юлин не имеет никакого отношения к легендарной Винете. При раскопках этого города не было найдено ни следов древней гавани, ни каких-либо свидетельств торговли с заморскими странами, которой был славен город Юмна. Юмна погибла в конце XI или начале XII века. Между тем Юлин вплоть до 1188 года был резиденцией епископа Померании, да и ныне этот город жив под именем Волин!

Профессор Рихард Хенниг полагает, что Юмпу следует искать на Балтике, там, где ныне плещут волны, на участке бывшей суши, возле северо-западной оконечности острова Узедом.

Где-то поблизости и, вероятно, также под водой находятся руины Йомсборга, легендарной столицы викингов. Этот город был для норманнов тем же, чем для запорожских казаков — их славная Сечь: ни старики, ни женщины, ни дети в Йомсборге не допускались, добытые в походах ценности делились поровну и т. д. Скандинавские саги утверждают, что город-крепость находился в устье Одры и был разрушен в XI веке норвежским королем Магнусом Добрым. Разумеется, в земле должны были остаться развалины крепостных стен, порта и других городских сооружений. Но «сухопутные» поиски их не обнаружили — вероятно, норманнский Йомсборг, как и его славянский сосед Юмна, находится на дне Балтики, в юго-западной ее оконечности.

О том, что легендарные города викингов действительно существовали, и о том, что следы их, вероятнее всего, следует искать под водой, говорят раскопки Хедебю на полуострове Ютландия. Этот полуостров и прилегающие острова отделяют Балтийское море от Северного, и Хедебю тысячу лет назад выполнял ту роль, которая ныне возложена на Гильский канал,—

он был центром, где перекрещивались судоходные пути Балтики и Северного моря. В тридцатые годы нашего столетия археологи нашли развалины Хедебю поблизости от современного города Шлезвиг. Прошло три десятилетия, и раскопки продолжились под водой. На дне озера Везен-Пор обнаружили остатки порта, глиняные сосуды, монеты, наконечники копий и череп с пробитой глазницей. Жителям Хедебю не раз приходилось отражать нападения врагов, стремившихся захватить город. Раскопки главного торгового порта викингов продолжаются и на суше, и под водой. «Город Хедебю, который на протяжении почти трех столетий (с VIII до XI.— А. К.) был европейским Шанхаем и чуть ли не самой значительной торговой столицей Северной Европы, еще удивит своих исследователей»,— пишут немецкие журналисты Г. Линде и Э. Бретшнейдер в книге «Из глубины веков и вод» (к этой книге, изданной Гидрометеониздатом в 1969 году, мы и отсылаем читателя, заинтересовавшегося раскопками Хедебю,— им посвящена отдельная главка «Хедебю — город викингов»).

Еще один легендарный город-крепость носит название Бибион. Тут, согласно летописям, вождь гуннов Атилла оставил ценности, награбленные им почти во всех городах Центральной Европы, Галлии, Северной Италии. Позже, говорит предание, Бибион поглотили воды Адриатики. Итальянскому археологу Фонтани удалось доказать правдивость легенды. Сначала он проследил древнюю дорогу, по которой шли войска Атиллы вдоль восточного побережья Италии. Дорога упиралась в залив неподалеку от устья реки Тальяменто. А жилища рыбаков в этом районе были построены из блоков, взятых не в каменоломнях, а... вытасненных со дна лагуны. Причем иногда рыбакам случалось доставать и монеты. И монеты эти относились к V веку, ко временам походов Атиллы! Когда же аквалангисты провели разведку под водой, они обнаружили там затонувшую крепость: стены башен, лестницы, здания, погребальные урны, монеты, домашнюю утварь. И хотя клад «бича божьего» не был открыт, у археологов не существовало сомнения в том, что перед ними остатки легендарного Бибиона.

Кельтские предания говорят о столице короля Артура — Авалоне, который погрузился на дно морское. Другая легенда кельтов повествует о городе Лионесс, построенном на одноименном острове. Находился он на крайнем юго-западе Англии, между полуостровом Корнуэлл и островками Сибли. Город поглотили волны, и только одному человеку удалось спастись, добравшись до берега на лошади. С этой легендой перекликается предание бретонцев, парода, родственного кельтскому населению острова Великобритания (шотландцам, валлийцам, ирландцам), по живущего «напротив» — на полуострове Бретань. Предание говорит об острове Ис, где находилась столица короля по имени Граллои. Море угрожало городу и острову, и по приказу Граллона был воздвигнут высокий вал и сооружены шлюзы.

В одну несчастливую ночь, когда бушевал страшный шторм, ворота шлюза были по ошибке открыты, город пошел ко дну, и спастись удалось лишь праведному королю Граллону, сумевшему выбраться на материк на лошади.

По всей вероятности, легенды об Исе и Лионессе, а возможно, и об Авалоне короля Артура, отразили одно и то же событие: катастрофическую гибель города в волнах моря. Но возможно ли столь быстрое опускание суши, вместе с людьми, ее населяющими? Пусть Мировой океан наступает на берега, пусть происходит опускание земной поверхности — но ведь происходит это в течение многих столетий, счет идет на какие-то сантиметры и миллиметры в год. Не является ли гибель Винеты и других городов, происходящая внезапно, в очень короткий срок, плодом воображения? И наука о Земле, и наука об океане, и науки о человеке отвечают: нет!

ГОРОДА, ПОГЛОЩЕННЫЕ БЕЗДНОЙ

В течение нескольких тысяч лет ведет Северное море наступление на берега Нидерландов: уровень океана повышается, а земная кора испытывает здесь постепенное опускание. Уже в глубокой древности люди начали сражение с водой, возводя плотины, дамбы, молы, шлюзы. Отвоєванные у моря земли постоянно находятся под угрозой затопления: стоит только пробить брешь в плотине, и хлынувшая вода покроет поля, деревни и города. Такие катастрофы не раз случались в истории Голландии. Особенно пострадала страна в XIII—XIV веках, когда море отторгло от ее территории большой участок суши, превратившийся в дно залива Зюйдер-Зее, и сделало островами части материка. При этом на дно ушли тысячи деревень и город Рунгольт, один из крупнейших портов Северного моря. Рунгольт погиб в один день — 13 января 1362 года. Еще раньше, в 865 году, затонул не менее известный порт средневековья, находившийся в устье Рейна, — Дорестад, вместе с окружавшими его деревнями и поселками. Виновником гибели был страшный шторм, обрушивший гигантские волны на неизменность, где стоял Дорестад. В середине XIII века, прорвав плотину, воды Северного моря погребли города Налеге, Энс и ряд других. В XVI веке наводнение затопило большую часть Голландии, в том числе Амстердам и Роттердам. Подводными городами они, как известно, не стали, но широкая полоса суши превратилась в морское дно. Катастрофа обошлась Голландии в миллионы гульденов; погибло 400 000 человек. Уже на нашей памяти, в ночь на 1 февраля 1953 года, шторм разрушил плотины и дамбы, и девятиметровая стена воды обрушилась на страну, проникнув в глубь суши на 60 километров. Вновь были сметены сотни деревень, затоплен Роттердам и ряд других городов.

Голландия, отвоєвываемая у моря трудом человека страна, — явление, конечно, уникальное. Но море может внезапно втор-

гаться не только на территории, лежащие ниже его уровня, «потоп» угрожает городам не только в результате наводнения, но и в результате другого, еще более страшного бедствия — землетрясения.

1 ноября 1755 года столица Португалии — Лиссабон — праздновала день Всех Святых. Внезапно жители города ощутили колебания почвы; их сместили толчки, сначала частые, потом более редкие, но гораздо более мощные. Почва заколебалась, и стали рушиться, поднимая клубы пыли, церкви, дворцы, многоэтажные жилые дома. В Лиссабоне не осталось ни одного целого здания из двадцати тысяч, даже городские площади были покрыты обломками обрушившихся домов. Уцелевшие лиссабонцы устремились к причалу на набережной — построенный не так давно, он выдержал землетрясение и казался надежным убежищем.

Через двадцать минут после первого натиска начался второй. На этот раз массивный причал не устоял — стал оседать и ушел под воду. Люди, находившиеся на нем, бесследно исчезли, спастись не удалось никому. Вслед за этим бурлящая стена воды высотой в несколько метров обрушилась на то, что осталось от города, сметая все на своем пути. Со старым Лиссабоном было покончено — на его руинах вырос новый город. Лиссабонское землетрясение, проглотив причал, подняло со дна моря скалу, изменились очертания всего португальского побережья. Гигантские волны, поднятые сотрясением Земли, к полудню 1 ноября достигли берегов Англии, а к вечеру того же страшного дня пересекли Атлантику и обрушились на Вест-Индские острова.

Впрочем, впоследствии жителей Вест-Индии постигла катастрофа, не менее ужасная, чем Лиссабонское землетрясение. И если в Лиссабоне вода поглотила лишь причал, то здесь в бедню погрузился целый город — столица Ямайки Порт-Ройял.

Этот центр английской торговли в Новом Свете и прибежище авантюристов и пиратов всех мастей располагался на узкой песчаной косе неподалеку от города Кингстон, столицы современной Ямайки. Генри Морган, капитан Кидд и другие «маститые» пираты были тесно связаны с Порт-Ройялом. Морган даже был назначен английскими властями губернатором Ямайки. Нездаром во всем мире Порт-Ройял пользовался печальной славой самого безнравственного и жестокого города, «пиратского Вавилона».

Губернатор-пират Генри Морган умер в 1688 году. А через четыре года после его смерти, 7 июня 1692 года, на столицу Ямайки обрушилась неожиданная катастрофа. Город затрясли подземные толчки. С моря надвигалась огромная волна. Зияющие трещины разверзались под ногами людей и поглощали их. Всего лишь несколько минут — и «пиратский Вавилон» исчез в волпах.

Погружение Порт-Ройяла в пучину происходило быстро, по плавно. В тихую погоду можно различить сквозь неглубокую

воду развалины зданий, а порой и почти нетронутые строения. Вот почему Национальное Географическое общество США решило в 1959 году организовать подводные раскопки в затонувшем городе. С помощью мощного землесоса на поверхность был поднят обильный улов — оловянные ложки, медные ковши и миски, черепица кровель, бутылки, монеты. Затем настал черед водолазов. Одному из них посчастливилось сделать находку, которая позволила определить время катастрофы, погубившей Порт-Ройял, с точностью до минуты. Это были старинные часы, стрелки которых, как показала экспертиза, остановились на 11 часах 43 минутах.

Экспедиция 1959 года длилась лишь два с половиной месяца и была фактически предварительной разведкой. В 1965 году Ямайский институт поручил своему сотруднику Р. Марксу провести археологические раскопки в большом масштабе. Кроме пырлящиков, работающих «вручную», ученым помогает землесос. Наконец, вокруг порта намывается земляная дамба — она позволит поднять остатки Порт-Ройяла, почти три века пролежавшие на дне.

ЗАГАДКА БЕЗЫМЯННЫХ ГОРОДОВ

Порт-Ройял — первый город на территории Нового Света, раскопки которого ведутся под водой. До сих пор удавалось исследовать лишь города на дне морей и заливов, омывающих берега Старого Света. Изучение «пиратского Вавилона», конечно, многое даст историкам Нового времени. И все-таки конец XVII века отделен от нас сравнительно небольшим промежуточком времени, об этой эпохе мы осведомлены достаточно хорошо. Вот если бы удалось пайти под водой руины какого-нибудь индейского поселения или города, построенного еще до того, как Америку открыл Колумб. Это было бы одним из крупнейших археологических открытий нашего времени... И такое открытие быть может, сделано несколько лет назад!

Когда аквалангисты сообщили о находке в водах Атлантики, неподалеку от Багамских островов, остатки каких-то древних сооружений, ученые отнеслись к этому сообщению скептически, посчитав его очередной дутой сенсацией, на которые так падки «открыватели Атлантиды». Ведь именно район Багам лучше всего изучен исследователями-подводниками и легионом кладоискателей, отыскивающих здесь сокровища затонувших испанских галеонов. Но на этот раз ученые ошиблись. Археологи провели разведку подводных сооружений с воздуха, как это не раз уже делалось при поиске затонувших городов Старого Света: если аэрофотосъемка обнаружит какие-либо геометрически правильные фигуры, значит, под водой скрыты сооружения, сделанные рукой человека.

Съемка с воздуха, произведенная у северного побережья острова Андрос, входящего в состав Багамского архипелага, пока-

зала очертания темного прямоугольника длиной около 200 метров. Подобного же рода сооружения были обнаружены и поблизости от островков Северный и Южный Бимини, расположенных между Андросом и флоридским курортом Майами. Американские археологи-подводники, в тесном сотрудничестве со своими французскими коллегами, имеющими большой опыт в изучении затопивших городов, начали исследование загадочных построек, находящихся у Северного Бимини.

Оказалось, что это — массивная стена, сложенная плитами из песчаника, имеющими 1,5 метра в ширину и 5 метров в длину. Над стеной находится слой воды в 6 метров, а сама стена поднимается над ровным песчаным дном всего лишь на 30 сантиметров. Но это — лишь незначительная часть сооружения: его глубоко засосал песок и узнать подлинную высоту стены пока что не удалось. Неизвестна и дата сооружения постройки возле Бимини. Ясно, что воздвигнута она была на суше, а не под водой. Когда? Косвенный ответ дают вычисления, основанные на данных о поднятии уровня Мирового океана. Сейчас над стеной шестиметровый слой воды. Должно было пройти не менее 6000 лет, чтобы строения, воздвигнутые на суше, оказались на такой глубине. Отсюда следует вывод: возраст построек также должен быть не меньше шести тысячелетий. И это — как минимум, ведь стены не сразу после завершения строительства начали опускаться на дно, они могли простоять на суше и пятьсот, и тысячу, и даже несколько тысяч лет и только потом начать покрываться водою.

Вполне возможно, что постройки на дне Атлантики у Багамских островов окажутся самыми древними сооружениями, найденными под водой не только в Новом, но и в Старом Свете. Да и на Американском континенте до сих пор не находили следов строений, имеющих такой большой возраст. Правда, датировка «багамских стен» пока что спорна. Только будущие исследования смогут определить, к какому времени они относятся, с какой из древнейших культур индейцев доколумбовой Америки можно связать происхождение загадочных сооружений.

Не менее таинственные постройки под водой обнаружены в Средиземном море, в прибрежных водах Линоса, крохотного островка на половине пути между Африканским материком и островом Мальта. Здесь находится монументальная каменная стена, которая, начинаясь на глубине 30 метров, тянется до глубины 60 метров. На одном из ее зубцов установлена примитивная статуя из камня, изображающая человеческую фигуру. «Сухопутные» раскопки на Мальте, Линосе и находящемся неподалеку от них островке Пантеллерия показали, что 5000—6000 лет назад тут существовала самобытная культура.

К югу от Линоса, в прибрежных водах острова Джерба (Тунис) найдены руины еще одного древнего города, архитектура которого отличается от античной. По всей вероятности, здесь была колония мореходов острова Крит, чья цивилизация на не-

сколько тысяч лет старше древнегреческой. Безымянными остаются и два этрусских порта, чьи развалины обнаружены под водой в 60 километрах от устья реки Тибр. Не знаем мы, как назывался город, найденный в 1959 году итальянскими аквалангистами в Тирренском море. — здесь обнаружены остатки мощной дороги и руины зданий. Наконец, мы не знаем имени поселения, которое изучают советские археологи-подводники в районе современного Таганрога.

В устье Дона находился античный город и порт Танаис, воздвигнутый в III веке до н. э. Раскопки, начатые здесь в прошлом веке, с успехом ведутся и по сей день. Однако находки, сделанные под водой, говорят о том, что отважные греческие мореплаватели проникали сюда, в самый дальний «северо-восточный угол» Атлантики, еще в VI и даже в VII веке до н. э. Исследование затопленного поселения показало, что греческие колонисты обосновались на побережье Азовского моря, неподалеку от нынешнего Таганрога, уже в конце VII века до н. э., в VI веке до н. э. древнее поселение вступило в пору расцвета и просуществовало вплоть до эпохи средневековья, пока его не поглотило море.

Это открытие имеет первостепенную важность — оно расширило рамки подвластного изучению времени и пространства. Теперь историкам придется во многом пересмотреть заново, казалось бы, навсегда решенные вопросы о границах и времени греческой колонизации берегов Северного Причерноморья и Приазовья.

ГОРОДА И ОСТРОВА

Островок Фарос, расположенный в Средиземном море, напротив дельты Нила, впервые был описан в четвертой песне гомеровской «Одиссеи»:

На море шумно-широком находится остров, лежащий
Против Египта; его именуют там жители Фарос;
Он от берегов на таком расстоянии, какое удобно
В день с благовеющим ветром попутным корабль пробегает.
Пристань находится верная там, из которой большие
В море выходят суда, запасенные темной водою...

Могучие воды Нила, неся с собой ил, из года в год увеличивали дельту реки. И уже во времена Страбона, в начале нашей эры, Фарос от берегов Египта отделял не день пути, а всего лишь несколько часов. Но знаменит остров не этим. Когда Александр Македонский построил в дельте Нила свою столицу Александрию, которая стала центром эллинистического мира, один из преемников великого полководца решил соорудить на Фаросе маяк. Да такой, чтобы о нем с изумлением заговорил весь мир.

Маяк на Фаросе был построен — гигантская башня 120 мет-

ров высотой, с фонарем, запиравшим целый этаж, со сложной системой зеркал, с бронзовой статуей Посейдона, венчавшей сооружение. Ни в одной гавани Древнего мира не было подобного маяка. Восхищенные греки и римляне причислили маяк на острове Фарос к «семи чудесам света», наряду с египетскими пирамидами, садами Семирамиды и т. д. Маяк, построенный в 285 году до н. э., простоял более полутора тысяч лет. Лишь в 1375 году его разрушило землетрясение.

Казалось, от седьмого чуда света не осталось ничего, кроме имени: название острова Фарос превратилось в нарицательное «фарос», означавшее «маяк» (отсюда и наше «фара», «фары»). Но вот в 1961 году аквалангисты начинают исследовать прибрежные воды Фароса (который за истекшие столетия настолько «приблизился» к египетскому берегу, что стал не островом, а полуостровом) и находят на дне шкатулки из мрамора, статуи, саркофаги. На следующий год на глубине 7 метров им удается найти колонну и статую Посейдона. О статуе этого поведителя вод упоминали все античные авторы, описывавшие седьмое чудо света, — значит, остатки маяка найдены!

Море затопило лишь незначительную часть Фароса — острова и города. Зато есть такие острова, которые буквально тают из года в год. Таков, например, остров Гельголанд в Северном море. Он медленно погружается на дно. И когда им заинтересовались археологи, оказалось, что раскопки надо проводить не на острове, а в омывающих его водах — именно там находятся руины какого-то очень древнего города.

На наших глазах исчезает остров, расположенный в северо-западной части Черного моря, напротив Днепровско-Бугского лимана. Каждый год море отнимает от 20 до 50 сантиметров суши, а вместе с ней под воду уходят следы одного из самых древних поселений греческих колонистов на Черном море — древнего города, возникшего в VII веке до н. э. Греки называли остров Алсос. Тогда он был раза в три длиннее и раз в семь шире, чем ныне. В IV веке н. э., направляясь из Иерусалима в Крым, в древний Херсонес, епископ Еферий был вынужден высадиться на острове, так как его корабль занесли сюда неблагоприятные ветры. Тут Еферий заболел и умер. Епископ был причислен к лику святых, а Алсос стал именоваться островом Еферия. К нему приставали суда русичей, преодолев опасные днепровские пороги на пути «из варяг в греки».

В XVIII веке турки воздвигают на острове оборонительные сооружения, именуя его «Бирюк Юзень-аде», т. е. «Остров у впадения реки Волчьей». Когда же Причерноморье входит в состав Российской империи, название «Бирюк Юзень-аде» приобретает русский «акцент» и превращается в «Березань». В 1906 году на этом острове были расстреляны лейтенант П. П. Шмидт и три других участника восстания Черноморского флота. И в советское время вместо «остров Березань» на карте появилось новое название — «остров Шмидта».

Пройдет не так уж много времени, и от древнего поселения на острове не останется и следа — его поглотит Черное море. Но представим себе, что процесс исчезновения острова шел бы чуть-чуть быстрее и вода залила бы его, допустим, в XVIII веке. Тогда современным ученым пришлось бы ломать голову над тем, где же был «остров Алсос», находящийся в Черном море, и «остров Еферия», лежащий на пути «из варяг в греки», — ведь на современной карте острова в этом районе не было бы!

Не такова ли судьба и многих других островов, о которых упоминают античные авторы и средневековые географы? На современной карте Атлантики их не найти — может быть, потому, что они находятся ныне на дне океана и его морей?

Тема эта настолько интересна, что мы посвятим ей особый раздел.

К Н И Ж А

О С Т Р О В О В

Где океан, век за веком стучась о граниты,
Тайны свои разглашает в задумчивом гуле,
Высятся остров, давно моряками забытый,—

Валерий Брюсов

ОСТРОВ СЕМИ ГОРОДОВ И ДРУГИЕ

«**В**еличайшая ошибка, которая привела к величайшему открытию»,— так говорят историки географических открытий о намерении Колумба достичь Индии, плывя не на восток, а на запад. «Удлинив» протяженность Азиатского материка с запада на восток почти вдвое, Колумб при этом «сократил» протяженность океана, который, по его мнению, разделял Европу и Азию на западе. По расчетам его современника и соотечественника Тосканелли, от Лиссабона до Чипангу (Японии) надо было проплыть не менее 10 000 километров (на самом деле расстояние это чуть ли не втрое больше, если двигаться западным путем, через Атлантику и Тихий океан, о существовании которого в те времена в Европе еще не знали). Колумб укоротил и это расстояние. По его выкладкам, от Канарских островов Чипангу отделяло всего лишь 4500—5000 километров.

Однако и это водное пространство было огромным для судов того времени. Ведь мореходы той эпохи не отваживались выходить в открытый океан. Вряд ли бы рискнул великий Колумб пересечь неведомую Атлантику, если бы не рассчитывал на пути встретить острова, которые могли послужить ему промежуточными пунктами в плавании к берегам Азии. Этими пунктами должны были стать Канарские острова или Азорский архипелаг и, далее на запад, на полпути между Европой и Азией, земли, которые мы тщетно пытались бы отыскать на современных картах Атлантики,— остров Семи Городов, остров Антилия, остров Святого Брандана, остров Бразил и многие другие.

Остров Антилия обозначен почти на всех средневековых картах. Порой он имеет очертания ромба, который «изрезан» множеством бухт; порой его изображают в виде боба, а иногда берегам Антилии придается произвольная, не поддающаяся сравнениям форма. Многие средневековые картографы помещали Антилию поблизости от другого острова Атлантики, носившего название остров Семп Городов. А некоторые вообще считали эти острова одной и той же землей. Например, Тосканелли в своем письме Колумбу пишет: «От острова Антилии, именуемого у вас «Семью Городами», известного также нам, до слав-

ного острова Чипангу окажется десять долготных расстояний, равных 2500 милям».

Мартин Бехайм, создавший в год открытия Нового Света свой известный глобус, который был наиболее полной сводкой географических сведений той эпохи, сделал возле острова, лежащего в Атлантике, к западу от Канарского архипелага, следующую надпись: «В 734 году, после того как всю Испанию уже завоевали африканские язычники, был заселен... остров Антилия, названный Сети-Сидади (т. е. «Семь Городов»), архиепископом из Порту, в Португалии, с шестью епископами и другими христианами — мужчинами и женщинами, которые бежали из Испании на корабле со скотом, имуществом и скарбом. Примерно в 1414 году побывал там последний корабль из Испании».

Еще одним «промежуточным пунктом» в Атлантике Колумб считал остров Святого Брандана. Брандан — это личность легендарная, подобная арабскому Синдбаду-мореходу или греческому Улиссу, о нем повествуют древние ирландские саги. После долгих странствий в Атлантическом океане епископ Брандан открыл в его водах чудесный остров, о котором стало известно после возвращения епископа и его учеников, совершавших с ним плавание по океану, на родину. Уже в XII веке Гонорий Аусбургский в сочинении, посвященном описанию Земли, пишет о том, что «в океане лежит остров, который называют Потерянным. Прелестью и плодородием он намного превосходит все прочие страны земли; но людям остается неизвестным. Случайно он появляется то здесь, то там, но когда его хотят отыскать, это оказывается не под силу, и потому зовется тот остров Потерянным. Говорят, что Брандан достиг этого острова». И действительно, средневековые картографы помещают остров Святого Брандана «то там, то здесь». На Каталонской карте мира 1375 года он показан к западу от Ирландии, другие карты помещают его на несколько сот километров к западу от Канарских островов, а на глобусе Мартина Бехайма он помещен в центре Атлантики, чуть северней экватора!

Таким же «блуждающим» был на старинных картах и остров Бразил — он помещался на разных широтах и долготах, причем порой менялось и его название — одни картографы писали «Бразил», другие — «Берзел», третьи — «О'Бразил» (последнее, вероятно, самое древнее: в переводе с ирландского оно означает «Счастливы остров»). Если Колумб, отправляясь в плавание, ориентировался на Антилию и остров Святого Брандана, то другой пионер открытия Нового Света, Джон Кабот, рассчитывая, плывя к берегам Китая западным путем, открыть острова Бразил и Семи Городов (из своего первого плаванья к берегам Америки Кабот вернулся с твердым убеждением, что ему удалось обнаружить остров Семи Городов!).

Остров Семи Городов и Антилия, часто смешиваемые друг с другом, остров Святого Брандана и остров Бразил (которые

многие картографы также считали одной и той же землей) — это, так сказать, самые «популярные» острова Атлантики. Кроме них, в океане на средневековых картах можно найти большое количество мелких островов, чьи названия и координаты на современной карте Атлантики отсутствуют. Это остров Ман (писавшийся и как Ман, и как Майда, и как Асмайда, и как Майдас, и как Мандж), остров Зеленый, помещаемый к западу от Ирландии; «остров Чертовок» на карте великого арабского географа Идриси; остров Сатапы, остров Иисуса Христа или Христовой Горы — «Монте-Кристо», остров Дев, острова Кроличий, Голубиный, Козий, Волчий и т. д. и т. д.

ОСТРОВА МИГРИРУЮТ НА ЗАПАД

Когда вслед за Колумбом и другие мореплаватели стали пересекать Атлантику, когда ее просторы перестали пугать и превратились в проторенную дорогу из Старого Света в Новый, стало ясно, что никаких островов, кроме Азорских, на полпути из Европы в Америку нет. Постепенно легендарные земли Атлантики передвигались все дальше и дальше на запад. Одни из них бесследно исчезли. А другие дали названия вновь открытым землям Нового Света.

Остров Антилия на самых ранних картах помещается неподалеку от берегов Португалии или Северной Африки. Затем он переносится в район Мадейры. Проходят еще годы, и следует новая миграция — Антилия обозначается на картах к западу от Азорских островов. Колумб, открыв Новый Свет, упорно держится мнения, что это — земли Азии. И потому один из больших Вест-Индских островов (Пуэрто-Рико или Гапти) называет Антилей. Позднее Антильскими называются острова, лежащие в Карибском море, и сейчас на карте мира обозначены Большие Антильские и Малые Антильские острова.

Еще интереснее судьба названия «остров Семи Городов». Один из крупнейших авторитетов в области древней географии профессор Рихард Хенниг объясняет его происхождение так. Горы, возвышающиеся за испанским городом Сеута, именуются «Семь Братьев». Сеута расположен на полуострове, далеко выступающем в море, а во многих языках, например в арабском, «остров» и «полуостров» обозначаются одним и тем же словом. Полуостров с горами Семи Братьев стал «островом Семи Братьев». Затем это название, как писал Хенниг в работе «Сказочные острова Атлантики и открытие Америки», «соответственно мировоззрению той благочестивой эпохи, было превращено в «Семь Монахов». Позднее склонные к преувеличениям фантазеры превратили «монахов» в «епископов», и, наконец, из рассказа о «городе на острове Семи Братьев» возникла легенда об острове, на котором каждый из семи епископов основал по городу. Так появился «остров Семи Городов».

Средневековые картографы помещают остров Семи Городов к западу или к югу от Азорского архипелага: Тосканелли — в центр Атлантики, на середине пути от Европы к берегам «Восточной Азии». На карте турецкого адмирала Пири Рейса, знакомого с открытиями Колумба, остров Семи Городов оказывается вблизи экватора. Великий картограф Меркатор помещает его возле Бермудских островов. Наконец, поиски «Семи Городов» (уже не острова, а только городов!) переносятся на материк Америки. Испанские конкистадоры ищут эти города к северу от Мексиканского залива и, в тщетной погоне за миражем, доходят до Скалистых гор на западе США, открывают по пути великие реки Миссисипи, Рио-Гранде, Колорадо. В отличие от Антилии, давшей свое имя двум архипелагам, «вклад» острова Семи Городов в сокровищницу географических названий нашей планеты невелик. На острове Сан-Мигел (Азорский архипелаг) есть поселок под названием Семь Городов и одна из гор именуется Кратер Семи Городов.

Еще меньше повезло острову Святого Брандана. «Кочуя» по карте Атлантики, он бесследно исчез. Последний раз его название появилось на карте 1755 года, в пяти градусах западней острова Ферро (Канарские острова), а затем и сам остров, и его имя стали достоянием истории географических открытий. Зато именем острова Бразил названа целая страна, одна из самых больших в мире, — Соединенные Штаты Бразилии. Правда, перед тем как «встать на прикол», остров довольно много попутешествовал по карте Атлантического океана. Одни картографы помещали его на запад от Ирландии, вторые — к юго-западу от этого острова, третьи — на широте испанского порта Кадис, четвертые смешивали его с Канарскими островами, в древности именуемыми «островами Блаженных» (или «Счастливыми островами»). Пятые паходили выход из сложившейся ситуации в том, что «утраивали» остров Бразил и помещали один остров с таким названием к западу от Ирландии, второй — к юго-западу, а третий — к северу от Канарских островов!

Кельтское название острова — О'Бразил (Счастливый остров) — созвучно слову «бразиле», которое для испанцев, португальцев и других народов, говорящих на языках — потомках народной латыни, означает «огнецветный». Не слишком знакомые с кельтскими наречиями, картографы средневековой Европы решили, что название «Бразил» происходит от «огнецветного», т. е. красного, красителя, который, стало быть, в изобилии имеется на этом острове. Когда были открыты Азорские острова, на одном из них, Терсейре, в изобилии рос красящий лишайник. Терсейра стал именоваться «Илья ди Бразил» — «остров Бразил», но название это не удержалось. Ибо после того как за океаном были открыты новые земли, где росли деревья с красной древесиной, европейцы решили, что наконец-то найден «настоящий» остров Бразил. Материк Южной Америки именуется на картах начала XVI века «Америка, или

остров Бразильцев», а один из географов той эпохи помещает на своем глобусе еще и «Нижнюю Бразилию», обозначив этим словом мифический «Южный материк». За всей Южной Америкой название «Бразилия» не укрепилось, но порядочный кусок ее территории и поныне носит это название.

В Новый Свет переключался и «остров Дев», который впервые появляется на средневековой карте 1339 года как остров «Первозданный, или Дев» (по всей вероятности, название его восходит, как и название острова Бразил, к ирландским преданиям, где он именуется «остров Женщин» или «остров Дев»; возможно, «О'Бразил» — лишь другой вариант наименования этого легендарного острова Атлантики). Колумб, открыв группу островов в Новом Свете, называет их «острова Одиннадцать Тысяч Дев» (ведь девы-то языческие, а 11 000 дев — христианки). Позднее они превращаются просто в «острова Дев», или «острова Девственников», — Виргинские острова, которые легко найти на современной карте Вест-Индии.

Любопытна история названия «Изабелла», присвоенного Колумбом одному из первых крупных островов, открытых им в Новом Свете. Итальянцы, первыми из средневековых мореплавателей достигшие Канарского архипелага, одному из островов дали название Грасьоса, т. е. «Прекрасный». По-испански «прекрасный» звучит как «белла». Название Грасьоса, оставшись за одним из Канарских островов, начинает «странствия» по Атлантическому океану, а вместе с ним — и название «Белла». Этими именами называются различные мифические острова на средневековых картах и, наконец, словом «Грасьоса» именуется еще один реальный остров, на сей раз в Азорском архипелаге (таким образом, и среди Канарских, и среди Азорских островов есть остров, носящий название Грасьоса). Но и здесь картографы не успокоились — они помещают в океане, к западу от Канар и Азор, еще одни острова Грасьоса и Белла. Колумб, приняв написание «Изола белла» (т. е. «Прекрасный остров») за имя «Изабелла», называет так землю на крайнем западе Атлантики, один из Вест-Индских островов!

Совсем парадоксально происхождение названий островов Азорского архипелага — они появились еще до того, как были открыты сами Азоры. Сначала на картах Атлантики существовали лишь наименования легендарных островов, а после того, как был обнаружен Азорский архипелаг, эти названия стали обозначать не мифические, а реальные острова. Например, на картах XIV века существовал загадочный остров Сан-Хорхе, или Сан-Джорджи, помещаемый где-то возле легендарного острова Бразил. Это имя (в форме Сан-Жоржи) было присвоено одному из Азорских островов. Фигурировал на средневековых картах и не менее загадочный остров Корби-Марини, или Делос-Куэзвос-Маринос («Остров Морских Воронов»). В 1480 году это название — в виде «Корву» (т. е. остров Ворона) — получил уже не мифический, а реальный остров Азорского архипелага.

ОСТРОВА-ОШИБКИ, ОСТРОВА-ПРИЗРАКИ, ОСТРОВА-МИФЫ

Таким образом, многие острова, обозначенные на старинных картах Атлантики, претерпели удивительное превращение: сначала их названия были даны несуществующим объектам, а затем, когда в океане начали обнаруживать реальные земли, к этим землям стали приклепываться готовые ярлыки-наименования. «Миграция островов» на запад доставила немало хлопот историкам географических открытий. Ведь на первый взгляд все кажется просто: на картах XIV века есть, например, названия островов Сан-Джорджи и Корби-Марини, они сохранились и в наименованиях двух островков Азорского архипелага. Значит, и сам архипелаг был открыт в XIV веке, а не в следующем, как написано в учебниках. Следуя этой логике, надо признать, что и Америку открыл не Колумб, а задолго до него какие-то средневековые мореплаватели: название «Бразилия» есть на карте первой половины XIV века, остров Антилия в Атлантике также известен задолго до первого путешествия Колумба и т. д. Лишь после тщательного анализа старинных карт и рукописей ученым удалось разобраться в сложной и запутанной картине, созданной «мигрирующими названиями», проследить их путь от берегов Европы через Атлантику к берегам Нового Света, где они и «осели» окончательно в виде наименований Виргинские острова, Бразилия, Большие и Малые Антильские острова.

Но это — лишь незначительная часть всех наименований, которыми пестрели воды Атлантического океана на картах XIV, XV и даже XVI веков. (Бразил побил рекорд долголетия среди всех легендарных островов Атлантики: он обозначен почти на тридцати картах 1325—1571 годов, причем порой как три острова; его тщетно пытались найти в океане в течение XVI—XVIII веков, он обозначен, правда, под вопросом, на карте 1776 года, и, наконец, в виде высокого утеса его показывает карта 1853 года!) Почему на старинных картах островов в Атлантике во много раз больше, чем на современных картах?

Когда историки географических открытий провели «расшифровку» названий легендарных островов, они обнаружили, что значительное число их — плод недоразумений и ошибок, сделанных составителями карт и авторами географических трактатов. Например, один картограф показал в Атлантике остров «Вентура, или де Колумбис» (Голубиный), второй картограф, не заметив «или», сделал из него два острова: «Вентура» и «Голубиный» (Колумбус). На средневековых европейских картах есть остров «Санта-Мария Галанта». Турецкий адмирал Пири Рейс принимает это длинное название за обозначение двух островов и дает на своей карте остров Санта-Мария и, отдельно от него, остров Галанта. Неправильно прочтенное наименование острова Святого Брандана на картах средневековых географов превращается еще в один остров — «Сан-Борондон» или «Борондон».

Остров Фуэртевентура в Капарском архипелаге даже не «удвоился», а «унытерился». Когда мореплаватели средневековья открыли Канарские острова, двум первым из них они дали названия Лансароте и Фуэртевентура. Из трудов римского ученого Плиния они знали, что в этом районе находятся острова Капария и Капрария («Собачий» и «Козий»). Античные острова поместили на карте рядом с вновь открытыми (хотя на самом деле они были идентичны!), причем в искаженном виде: Капрация и Каприция. Затем появился еще один остров Каприя (искаженное Капрария), а таинственный остров «Де Лас Кабрас» (Козий) «откочевал» от Канарского архипелага и стал появляться в различных местах Атлантики. После открытия Азор его стали отождествлять с нынешним островом Сан-Мигел в этом архипелаге. Кроме того, Фуэртевентура «породил» еще один остров — Колумбария (Голубинный), и, наконец, появился на некоторых картах Атлантики остров Вентура — самостоятельный остров, хотя на самом деле это было сокращенное написание Фуэртевентура!

К северу от Фуэртевентуры находится маленький островок, именуемый ныне Лобос. Впервые открыли его итальянцы, и, так как здесь встречались морские тюлени, островок был назван «Веччи Марини», что буквально означает «Морские Старцы» — таково итальянское простонародное название морских тюленей. По-испански морские тюлени называются «лобос-маринос», в буквальном переводе — «морские волки». А так как испанцы и итальянцы плохо знали языки друг друга, то в результате в Атлантике появились три самостоятельных острова: «Лобос» (Волчий), «Вехимар» и «Ведзимарин» (искаженное «веччи марини»). Таким образом, из двух небольших островов Атлантики — Фуэртевентура и Лобос — средневековые картографы «выкроили» целых восемь островов (причем Лобос писался и как Лобо, и как Лоуо, и как Лово, и как Ловос, и как Лоно, и как Лана и т. д.).

На одной из таких карт неподалеку от Исландии показан остров под латинским наименованием «Инсула Гляциалис». Но ведь это и есть Исландия — то и другое наименования переводятся как «Страна льда», «Ледяной остров». На другой карте в Атлантике показан «Зеленый остров», где-то поблизости дано изображение контуров Гренландии. Та же самая картина, ибо «Гренландия» переводится как «Зеленая Земля», т. е. «Зеленый Остров»! Исследователи старинных карт долго ломали голову над тем, откуда в Атлантике появилось название острова Монтон. Выяснилось, что это искаженное французское «мутон», т. е. «баран, овца». А ведь название Фарерские острова в буквальном переводе означает «Овечьи острова». Старинные карты изображают остров Туле, о котором упоминали еще античные авторы как о крае обитаемой земли. «Эсто Туле» («Это — Туле») — гласила латинская надпись на карте. Нашелся автор, который не только принял «Эсто Туле» за название и придумал остров «Эстотиттланда», но и описал различные события, разыгравшиеся на нем! Зловещий «остров Сатаны», или «остров Руки Сата-

ны», также помещаемый в Атлантике, получил искаженное название «Сан-Атанаджу» — «Святой Афанасий»... Примеров подобной путаницы можно было бы привести множество. Но уже из приведенных выше ясно, что один и тот же остров мог порождать несколько названий — причем остров мог быть и реальным, и вымышленным.

«Островов-ошибок» на карте Атлантики было много. Однако отсюда еще не следует вывод, будто все легендарные земли в океане — лишь плод воображения средневековых картографов, сидевших в своих кабинетах и никогда не выходивших в атлантические воды. О многих островах рассказывали мореходы, рискнувшие выйти в открытый океан, они видели их собственными глазами, но когда пробовали приблизиться к земле, она, точно призрак, исчезала. Когда европейцы колонизовали Канарские и Азорские острова, некоторым поселенцам являлось зрелище острова, лежащего в океане, где-то на западе. Об этом мы можем прочитать в дневнике первого путешествия Колумба, ставшего началом новой эры в открытии нашей планеты.

По словам Колумба, многие испанцы, живущие на Канарских островах, люди почтенные и заслуживающие полного доверия, клятвенно утверждали, что из года в год они видели к западу от Канар землю. «Адмирал припоминает, что в 1484 году, в то время, когда он находился в Португалии, к королю явился некто с острова Мадейры и просил короля дать ему каравеллу, чтобы отправиться к этой земле. Он клятвенно заверял, что эту землю замечают из года в год и вид ее остается всякий раз одним и тем же,— читаем мы в конспекте дневника Колумба, составленном крупнейшим испанским историком-летописцем Бартоломе Лас Касасом (оригинал дневника до нас не дошел).— Адмирал также вспоминает, что то же самое говорят на Азорских островах, причем все одинаковым образом отмечают направление, в котором лежит земля, ее местоположение и размеры».

Ни Колумбу, ни кому-либо из последующих мореплавателей так и не удалось обнаружить земли в указанном районе океана: ближайше острова лежали в тысячах километрах к западу. Однако даже в наши дни старые рыбаки с Канарских островов продолжают верить в реальность острова, лежащего к западу от архипелага. Остров этот, именуемый ими «Землей Святого Брандана», то поднимается из пучины океана, то вновь погружается на дно. Ясно, что легенда о зачарованном острове порождена миражем.

Миражами порождена легенда о «Бегущем острове», которая бытует среди жителей побережья штата Массачусетс, так же как и легенда о зачарованном острове Сан-Морондон, которую можно услышать от жителей Испании и Португалии, да и в фольклоре других народов мира нетрудно отыскать мотив «исчезающего», «зачарованного», «призрачного» острова. И чем чаще возникают миражи в том или ином районе Земли, тем разнообразнее, красочнее и детальнее рассказы о волшебных островах, бытующие

среди жителей этих районов. Например, у западного побережья Ирландии, в особенности в ясные и теплые дни осени, после захода солнца в океане очень часто возникают призрачные земли. Когда же к ним приближаются рыбаки, острова бесследно исчезают. Неудивительно, что в мифологии древних ирландцев сказочные острова занимают так много места. На одном из них, именуемом «остров Духов», находится рай — только не христианский, а языческий, населенный прекрасными девами. Простым смертным иногда удастся увидеть его — но затем остров исчезает. Лишь счастливцев, которому удастся забросить на этот остров кусок железа или запустить туда стрелу, может взойти на берег волшебной земли и поселиться в раю. Нетрудно догадаться, откуда на средневековых картах появились остров Бразил (О'Бразил — «Счастливей») и «остров Дев», — это отголоски древних ирландских мифов о блаженном рае, населенном прекрасными женщинами.

«ЕСТЬ ТРИЖДЫ ПЯТЬДЕСЯТ ОСТРОВОВ...»

Итак, ошибки, миражи, мифы явились причиной того, что на карте Атлантического океана запестрели десятки названий, которые, по ходу Великих географических открытий, бесследно исчезли или, в лучшем случае, «мигрировали» на запад, дав названия реальным островам и землям. И все-таки нельзя считать все острова старинных карт плодом ошибок и миражей или относить их к области мифологии. Представление о средних веках, как о «темной эпохе», когда люди только и занимались тем, что уничтожали памятники античности да преследовали еретиков, не соответствует действительности. Эпоха средневековья и у нас, на Руси, и в Византии, и в Западной Европе знала гениальные взлеты творческой мысли, имела своих великих мыслителей, художников, поэтов, музыкантов. Совершались в те времена и далекие путешествия, и плавания в открытом океане — достаточно вспомнить походы викингов. Когда же историки всерьез занялись открытиями норманнов, то оказалось, что многие острова в Атлантике были обнаружены задолго до плаваний викингов. Первыми европейцами, рискнувшими осваивать просторы Северной Атлантики, были народы, говорящие на языках кельтской группы, причем ведущую роль среди них играли жители Ирландии.

«Тот же дух, который в начале IV века властно влек некоторых людей в одиночку или с единомышленниками в египетскую пустыню, а в V веке привел к основанию монастырей в Италии и Франции, с особой силой царил в древнейшей ирландской церковной общине, — пишет исследователь средневековой культуры Циммер. — Море для ирландцев было тем же, что для египтян и сирийцев пустыня. Вот почему уже в V и VI веках анахореты и монастыри появились на островах и водах, омывающих Ирландию».

Первоначально отшельники достигли близлежащих Гебридских и Оркнейских островов. Вскоре их заселили и миряне, выходцы из Ирландии. Тогда отшельники на своих утлых суденышках пустились в безграничные просторы океана в поисках необитаемых островов, где никто бы не мешал им окончить жизнь в праведных размышлениях и полном уединении. Плыли они, конечно, без компаса, без карт, наобум, уповая лишь на волю Божию, — и сколько отшельников погибло в суровых водах Северной Атлантики, знает, наверное, лишь бог да океан.

Однажды сильный северо-западный ветер снес суденышко «в крайний океан» и «вынес на поток, вкусом подобный теплему молоку», — в этом поэтическом описании легко угадать Гольфстрим. Могучее течение позволило отшельникам достичь Фарерских островов. Произошло это, по предположению ученых, приблизительно в 670 году (точную дату трудно установить, опираясь на поэтические, разукрашенные фантазией сказания о плаваниях отшельников по океану, подобные приведенному выше описанию Гольфстрима).

В одиночку и небольшими группами в течение полутора веков заселяли анахореты Фарерский архипелаг, состоящий из 21 крупного и многочисленных мелких скалистых островков. Казалось, достигнута земля обетованная, свободная от мирской суеты (кстати, некоторые из небольших островков Фарерского архипелага необитаемы и по сей день). Но судьба еще раз заставила отшельников уйти в «водную пустыню». И на сей раз причиной бегства были не земляки-ирландцы, отвлекавшие монахов от благочестивых размышлений, а воинственные викинги.

«В северной части Британии находится еще много островов, которых при неизменно попутном ветре можно достичь с Британских островов, плывя на всех парусах в течение двух дней и ночей, — писал в 825 году ирландский ученый монах Дикиул. — В большинстве своем острова эти мелкие; почти все отделены друг от друга проливами, а отшельники, приплывшие из нашей Ирландии, жили там приблизительно в течение ста лет. Но равно как с сотворения мира эти острова всегда были пустынными, так и ныне на них нет клириков из-за норманнских разбойников».

Начались новые странствия в океане на парусных суденышках (а порой, как свидетельствует Дикиул, — лишь «в маленькой, с двумя скамьями лодке»). И те, кто отплыл на северо-запад от берегов Фарер, достигли Исландии. «Вероятно, совсем безлюдная Исландия с ее все же сравнительно умеренным климатом была идеальной обителью для пажоных мужей, решивших навсегда порвать с греховным миром и вести спокойную жизнь, предаваясь благочестивым размышлениям», — пишет профессор Рихард Хенниг.

Но, прогна судьбы! Через несколько десятилетий их и здесь настигают норманны. Отшельникам вновь приходится бежать, причем в крайней спешке — викинги тех времен были язычниками и святых мужей, как правило, убивали на месте. Ари Тор-

гильссон Фроде, летописец «истории норманнов в Исландии», живший в начале XII века, говорит, что «в те времена Исландия с гор до берега была покрыта лесами и жили там христиане, которых норвежцы называли папарами (слово это того же происхождения, что и русское «поп».— А. К.). Но позднее эти люди, не желая общаться с язычниками, ушли оттуда, оставив после себя ирландские книги, колокольчики и посохи; из этого видно, что они были ирландцы».

До каких новых земель на севере и западе удалось добраться мореходам-клирикам? Открыли ли они Гренландию и Северную Америку? Споры ученых об этом не прекращаются и поныне. Но если об открытии Фарерских островов и Исландии нам сообщает такой надежный источник, как Дикуил, то о дальнейших плаваниях ирландцев в Атлантике мы можем судить лишь по древним сказаниям и сагам, а они, конечно, разукрашены вымыслом и преувеличениями.

Есть трижды пятьдесят островов
Средь океана от нас на запад.
Больше Ирландии вдвое
Каждый из них или втрое,

— говорится в одном из ирландских сказаний. И мы можем лишь гадать, были ли эти 150 островов, превосходящих Ирландию вдвое или втрое, чистой выдумкой или же они говорят о том, что ирландские мореходы знали о существовании Гренландии, Ньюфаундленда и Северной Америки.

Открытия в океане приписываются легендами святому Брандану. Личность эта историческая (священник по имени Брандан, как установили ученые, родился в 484 году и умер в 577 году). Вполне вероятно, что реальный Брандан никогда не плывал в Атлантике и был превращен в «ирландского Одиссея» (или «ирландского Синдбада-морехода») лишь потому, что в одной из древних саг о мореплавателе Майль-Дуйне упоминается имя «Брендан». Монахи охотно перелицовывали языческие саги на «христианский лад». Странствия по океану древних героев Майль-Дуйна, Кормака и других были приписаны благочестивому «океанскому паломнику» Брандану (подобным образом герцог Эрнст Швабский, живший в начале XI века и никогда в жизни не видавший моря, был превращен немецким народным эпосом в отважного авантюриста-морехода, «покорителя вод»!).

Средневековые картографы, нанося на свои карты «остров Брандан» и другие земли, открытия которых приписывалось святому отцу, разумеется, не знали о сокровищнице исландских саг. Современные ученые внимательно изучили эти саги, в особенности те, что повествуют о странствиях героев по океану. «Этим весьма древним повествованиям недостает точности, и они перегружены обилием поэтических и романтических элементов. Нельзя, однако, сомневаться, что они основаны на фактах,— при-

шет прландский исследователь саг О'Карри.— Эти факты, вероятно, имели бы огромную ценность, будь они переданы нам в своем подлинном виде. Но эти истории, пройдя через уста сказителей, одаренных богатым воображением, с течением времени утратили большей частью свою первоначальную простоту и стали все более и более фантастичными и гиперболическими».

Земли в океане, вроде «Виноградного острова», «Большой Ирландии», «Страны Белых людей», «Островов Птиц» и «Птичьих яиц», остаются загадкой для историков географических открытий: слишком уж исказила фантазия скальдов реальный облик островов и стран на западе Атлантики. Впрочем, от фольклора и нельзя требовать точного научного описания плаваний и земель, открытых в результате этих плаваний, действительность преломляется в фольклорных произведениях сквозь свою особую призму... Однако до нас дошли и образцы научных трудов античных авторов. И все эти авторы с удивительным реализмом описывают острова в Атлантике, которых ныне на карте не найти. Причем их нельзя и отождествить с реальными землями, островами и побережьем Западной Европы!

ОСТРОВ ЯНТАРНЫЙ, ОСТРОВ ТУЛЕ, ОЛОВЯННЫЕ ОСТРОВА...

Изделия из янтаря высоко ценились в древних странах Средиземноморья. Ведь привозился он издалека, с берегов далеких северных стран, лежащих где-то на краю земли. Сейчас мы знаем, что на самом деле страны эти были не такими уж и северными: «поставщиком» янтаря было, как и ныне, побережье Балтики и южный берег Северного моря. Но вот местонахождение главного «Эльдорадо янтаря» до сих пор неизвестно. Ясно, что оно находилось на Балтике или в Северном море, другого адреса быть не может. Однако адрес этот очень приблизительный: от устья Эльбы до устья Невы далеко, а ведь любой пункт между этими реками может оказаться таким «Эльдорадо».

Впрочем, не любой — античные авторы говорят об «острове Янтаря», который находится в одном дне пути от устья легендарной реки Эридан. Что это за река? «Эриданом» называли реки Рейн, Эльбу, Вислу, Певу; с Янтарным островом сопоставляли остров Гельголанд, остров Борнхольм, эстонский остров Саарема, а также многие другие острова Балтийского и Северного морей. Но все эти гипотезы так и остались лишь гипотезами. Либо на островах — кандидатах в «Эльдорадо», вроде Гельго-ланды или Борнхольма,— никогда не было янтаря, либо же они находились не в устье большой реки, а где-то в другом месте.

О том же, что река Эридан велика и полноводна, в один голос говорят античные авторы. Педаром поэт Овидий именует ее «максимус» — «величайшая». Древнегреческие легенды объясня-

ли происхождение драгоценного янтаря так: бог Гелпос доверил управление солнечной колесницей своему сыну Фазтону, юноша не сумел совладать с конями, на земле произошла страшная засуха, леса загорелись, реки стали пересыхать, и тогда Зевс-громовержец поразил Фазтона молнией. Воспламенившись, Фазтон упал в реку Эридан. Сестры юноши, гелиады (дочери Гелиоса), оплакивая брата, превратились в тополя, а слезы их, затвердев, стали янтарем. Этот миф перешел и к римлянам: об Эридане, Фазтоне и гелиадах писал Овидий; Луциан Самосатский в сочинении «О янтаре, или лебедях» говорит следующее: «Тополя на реке Эридане, оплакивая Фазтона, проливали слезы о нем (ведь эти тополя были сестрами Фазтону) — чистый янтарь!».

Древние тексты называют «янтарную реку» одним именем — Эридан (хотя одни географы античности считают, что она течет в мифической стране гиперборцев на самом дальнем севере, другие полагают, что это — Рона, третьи — По и т. д.). Янтарный остров имеет несколько имен: Абалус, Абальция, Базилия, Баунония, Глесария. Последнее можно перевести как «один из янтарных островов», это не имя собственное, а эпитет (древние германцы называли янтарь словом «глес»). «Баунония» означает «бобовый остров», «Базилия» — «царский». Очевидно, что это тоже эпитеты — один характеризует «бобовидную» форму берегов, а другой — форму правления на острове («царский» — т. е. независимый, управляемый своим собственным царем). Слово «Абалус» (и производное от него «Абальция») имеет, по мнению лингвистов, кельтское происхождение. Возможно, что с этим корнем связано и наименование легендарного Авалона или Авалуна, где жил король Артур и его рыцари Круглого стола. Кельты когда-то занимали большие пространства Европы, но на берегах Балтики они не были, значит, скорее всего, Абалус — Янтарный остров — находился на берегу Северного моря. «Янтарной рекой», по мнению большинства историков, следует считать Эльбу. В ее нижнем течении имеются богатые месторождения янтаря, правда, смешанные с бурым углем (после второй мировой войны одна из немецких фабрик даже топила свои котлы смесью бурого угля с янтарем!). Однако в одном дне плаванья от Эльбы не найти другого острова, кроме Гельгоlanda, а там янтаря никогда не было и, как утверждают геологи, не может быть!

Янтарный остров посетил в IV веке до н. э. уроженец Массилии (Марселя) по имени Пифей. «Открытия Пифея не сразу получили признание среди ученых древности, — пишет советский историк А. В. Дитмар в книге «В страны олова и янтаря», посвященной знаменитому Пифею из Массилии. — Было время, когда его считали лжецом и обманщиком, — настолько велики и необычны для той эпохи были его исследования». В настоящее время Пифея считают одним из величайших географов и путешественников античности. К сожалению, до нас дошли лишь цитаты из его трудов или ссылки на них — утрату подлинников

профессор Хенниг справедливо полагает самой тяжелой потерей, понесенной историей географических открытий.

Кроме Янтарного острова, Пифей посетил еще «самую далекую из всех известных земель» — остров Туле, до которого пришлось плыть пять суток от Оркнейских островов, и Касситериды — «Оловянные острова», до которых от берегов Кельтики (Франции) надо было плыть трие суток. В средние века остров Туле превратился в «Ультима Туле» — «Крайнее Туле», самый северный предел обитаемой земли, где всякая жизнь невозможна из-за холодов, «застывшего океана» и т. п. Однако Пифей описывает этот остров как страну с довольно-таки мягким климатом; на ее плодородной почве могут произрастать плоды; жители Туле держат домашний скот и занимаются пчеловодством.

Уже в начале IX века упоминавшийся нами Дикуил попытался отождествить остров Туле с известными землями. По его мнению, Туле — это и есть Исландия, открытая его соотечественниками и коллегами, ирландскими монахами. Однако Пифей говорит о жителях Туле, а Исландия была заселена лишь спустя тысячу с лишним лет после путешествия великого уроженца Массилии. Фритьоф Нансен полагал, что Туле — это один из районов его родины, Норвегии. Другие исследователи отождествляли остров, посещенный Пифеем, с Шетландскими островами и т. д. Но ни один из адресов, указанных учеными, не соответствует тому Туле, который описывает Пифей.

Еще больше споров вызвал «адрес» Оловянных островов, Касситерид. Кроме Пифея, о них упоминают Страбон, Плиний, Птолемей, Авицен, Посидоний — словом, едва ли не все античные авторы, писавшие о странах обитаемой земли. Лициний Публий Красс, римский наместник в Испании, побывав на этих островах в начале I века до н. э., «увидел, что металлы добываются на небольшой глубине и люди там мирные», и передал эти сведения «всем, кто желал вести с ними торговлю за морем, хотя это море шире того моря, которое отделяет Британию от материка». Страбон, используя рассказ Публия Красса, дает обстоятельное и реалистическое описание Касситерид и обитателей «островов Олова». Нет сомнения в том, что речь идет не о мифических, а о вполне реальных островах в Атлантике, лежащих где-то к юго-западу от Британии и к северо-западу от Испании... Но ведь на картах, которыми мы пользуемся сейчас, в этом районе нет никаких островов, кроме крохотных клочков суши, и они находятся не в открытом океане, а возле самых берегов Испании, Франции, Англии.

Некоторые ученые полагают, что Красс плавал именно на эти островки — только одни называют остров Уэссан возле полуострова Бретань, другие — островки Силли у юго-западной оконечности Англии, а третьи — столь же крохотные участки суши поблизости от берегов Испании. Есть и другие «адреса» — например, Азорские острова, материковая Испания и островная

Англия. Но, как справедливо замечает профессор Томсон, ни одна из действительно существующих групп островов не соответствует описаниям Касситерид, даваемым античными авторами (и уж тем более нельзя считать их Испанией или Англией: ведь, описывая местоположение Оловянных островов, древние географы «отсчитывают» расстояние именно от этих земель).

Быть может, Касситериды — легенда, подобная легендам о сказочном острове Святого Брандана, острове Семи Городов и прочих? Однако здесь, как и в случае с Янтарным островом и Туле, мы имеем дело не с плодами народной фантазии (или фантазии картографов), а с трудами авторов, заслуживающих доверия, причем некоторые из них, такие как Пифей, лично побывали на островах, о которых они повествуют. Считать, что Оловянные острова, Туле и Янтарный остров — лишь выдумка, было бы нелогично. Ведь единственная причина, по которой можно сомневаться в их реальности, заключается в том, что этих островов не найти на современной карте Атлантики. Но, может быть, когда-то они были? И там, где ныне свободно гуляют океанские волны, в эпоху античности существовали острова, причем даже населенные?

Это предположение вполне заслуживает внимания, если мы вспомним историю Атлантики — причем не «геологическую», масштабы которой измеряются отрезками времени в миллионы и десятки миллионов лет, а лишь те события, которые происходили на глазах «человека разумного» и даже «человека цивилизованного», живущего в эпоху XIX—XX веков, наконец, даже буквально на наших глазах!

ОСТРОВА РОЖДАЮТСЯ, ОСТРОВА УМИРАЮТ...

На Азорских островах живут китобои, которые и по сей день ходят в океан на парусных судах и охотятся на китов «вручную», без пушек — последние могикане китобойного промысла прошлых веков. С вышек наблюдатели осматривают океан в надежде увидеть фонтан, выбрасываемый китом. 27 сентября 1957 года с такой вышки, установленной на острове Фаял, было замечено, что в двух километрах от берега на поверхности моря происходит странное волнение. Затем к небу поднялся гигантский столб пара, океан забурился, а остров Фаял начал весь содрогаться от частых толчков. В воде появилось мутное вещество — пемза, выброшенная подводным вулканом. На утро следующего дня из океанских вод появился новый островок — холм высотой более ста метров и шириною около километра. А так как вулкан на дне Атлантики продолжал свою работу, то через пять недель остров присоединился к Фаялу, превратившись в полуостров. Огонь и вода действовали бесшумно, лишь изредка тишину нарушали глухие раскаты подземных (вернее, подводных) толчков. Вулкан выбрасывал из своих недр камни, пепел, газ, пыль и вулканические «бомбы» на высоту нескольких километ-

ров. Густую пелену дыма прорезал блеск молний. Более года продолжалось извержение подводного вулкана Канельюнш. Его итогом было рождение новой земли — сотен гектаров суши, покрытых толстым слоем пепла.

В ноябре 1963 года у южного побережья Исландии подводный вулкан создал новый остров. Его назвали Суртсей — «остров Сурта», огненного великана, о котором повествуют «Эдда» и другие исландские мифы и сказания. Спустя два года неподалеку от Суртсея возник еще один островок, получивший шутовское название Суртлингур («Суртёнок») или Суртла («Сурташка»). В декабре 1967 года в водах Южной Атлантики, в районе острова Десепшен, английское судно «Джон Биско» наблюдало рождение еще одного острова, опять-таки образовавшегося в результате деятельности подводного вулкана. В прошлом веке воле Сицилии появился еще один новый остров. Первыми его открыли англичане, а потому на островке был поднят британский флаг и он был провозглашен владением Британской империи. Однако на новую землю предъявило свои претензии Неаполитанское королевство (дело происходило до объединения Италии в одно государство). Островок имел не только двух хозяев, но и два имени — «Фернапдес» и «Джулия». Споры между англичанами и неаполитанцами прекратились лишь после того, как островок... исчез, погрузившись на дно моря.

Исчезают не только подобные острова-однодневки, образованные деятельностью подводных вулканов. Мы уже рассказывали о медленной гибели острова Березань. Вероятно, воды поглотили и древний Гадес, остров и город на нем. Страбон пишет о том, что Гадес находился к западу от Столпов Геракла, а перед самими Столпами находилось два небольших острова; один из них был посвящен богине Гере. Мы знаем, что Столпами Геракла в эпоху Страбона считались Абилик (скала на африканском побережье Гибралтарского пролива) и Кальна (скала на берегу Испании). Но сейчас против них нет островов — видимо, они исчезли, так же как и Гадес. Затонул и островок, находившийся рядом с Гадесом, о котором также упоминает Страбон.

Северное море ведет многовековое наступление на берега Англии, Франции, Голландии. Поглощает оно и острова. Когда-то рядом с нынешним островом Нордштрاند («Северный ветер») находился остров Зюдштранд («Южный ветер»). В эпоху средневековья он опустился на дно моря, а у Нордштранда море отняло город Рунгольт и большой кусок суши. Предания говорят, что на месте страшных мелей Гудвина у берегов Англии находился цветущий остров Ломеа. Правил им граф Гудвин, который вызвал гнев бога, и он наслал потоп, поглотивший и графа, и его замок, и весь остров. Есть и другая, более правдоподобная версия гибели острова Ломеа. Острову давно угрожала гибель от морских вод, неустанно подмывающих его берега. Однако вместо дамбы, на строительство которой прихожане собирали большую сумму денег, была построена колокольня в городе Гастингс, ко-

тому принадлежал остров. Колокольню эту можно и ныне увидеть в старинном английском городе. Остров же, без защитной дамбы, был постепенно поглощен морем, и на его месте образовались мели Гудвина.

Известный английский геолог Чарлз Лайел привел доказательства в пользу того, что вторая версия гибели острова Ломеа правдива. Лайел даже установил дату его гибели — 1099 год.

Таким образом, на протяжении всего исторического времени, а порой и буквально на наших глазах, происходило и происходит рождение островов и гибель их в водах Атлантики и ее морей. В 1932 году вблизи острова Святого Павла, лежащего в центре Атлантики, возле экватора, появилось еще два островка, рожденных извержением подводного вулкана. Затем они были поглощены водами Атлантики. Это произошло на глазах людей. А несколько тысяч лет назад в этом районе, как предполагают некоторые ученые, упал под воду большой участок суши (площадь острова Святого Павла, являющегося частью Срединно-Атлантического хребта, ничтожна — всего 300 квадратных метров!). Вот что пишет океанограф Х. Петтерссон: «Большой остров, покрытый растительностью, с довольно широким шельфом, увенчивал Срединно-Атлантический хребет к северо-северо-западу от скал Св. Павла и был поглощен во время катастрофы сейсмико-вулканического характера несколько тысячелетий тому назад».

ОСТРОВА, ХРЕБЕТ И ОКЕАН

Подводные извержения, рождающие острова в океане, как правило, случаются в районе Срединно-Атлантического хребта: у скал Святого Павла, у острова Фаял (рождение новых островов наблюдалось здесь не только в 1957 году, но и дважды в прошлом веке), возле Исландии (кроме Суртсея здесь рождались и исчезали острова в 1783, 1422 и 1240 годах). Со Срединно-Атлантическим хребтом связывают некоторые исследователи и легендарные острова на старинных картах, а также загадочные земли в океане, о которых сообщают античные авторы. Острова эти могли быть участками хребта, выходившими некогда на поверхность океана, а затем погружившимися под воду.

Единственным крупным участком Срединно-Атлантического хребта, поднимающимся ныне над уровнем океана, является остров Исландия. Его зияющие трещины, вулканы, горные кряжи, возникшие из застывшей лавы, являют собой картину, по словам профессора О. К. Леонтьева, близкую к той, «которая открылась бы перед наблюдателем, если бы была возможность непосредственно осмотреть рифтовую долину Срединно-Атлантического хребта». Вполне вероятно, что когда-то из океана поднимались и другие части хребта, ныне покрытые водой. Об этом убедительно свидетельствуют гайоты — подводные горы с плоскими вершинами. Когда-то горы эти были надводными, и волны прибоя постепенно «срезали» их; затем, по мере погружения

всего района под воду, горы с плоскими вершинами оказались на глубине: некоторые из них погружены порой на километр и более. Особенно много гайотов в Тихом океане. Но такие же плосковершинные горы есть и в Атлантике, они входят в великую горную систему Срединно-Атлантического хребта. Значит, и в этих районах когда-то была суша. О том же говорят и коралловые рифы — ведь кораллы могут жить лишь на небольшой глубине.

Руф Фест Авпен, живший в IV веке до н. э., сообщает об острове в Атлантике, который «богат травами и посвящен Сатурну. Столь неистовы его природы силы, что если кто, плывя мимо него, к нему приблизится, то море взволнуется у острова, сам он сотрясается, все открытое море вздымается, глубоко содрогаюсь, в то время как остальная часть моря остается спокойной, как пруд». Историки географических открытий полагают, что здесь дано описание острова Тенерифе (Канарский архипелаг), на котором находится действующий вулкан. Однако никакого «вздымания моря» тут не происходит. Зато описание Авпена вполне приложимо к извержению подводного вулкана. Вполне возможно, что «остров Сатурна» — это один из тех участков Срединно-Атлантического хребта, которые позже исчезли под водой. Советский исследователь Н. Ф. Жиров полагает, что Авпен рассказывает об особенно активной в сейсмическом отношении зоне хребта в районе экватора и скал Святого Павла (занимает она около 700 000 квадратных километров, и тут было зарегистрировано около сотни сильных землетрясений плюс рождение и гибель нового острова, о котором мы рассказывали выше). Возможно, что «остров Сатурна» находился гораздо ближе к берегам Европы, в районе Азорских островов. Ведь именно там наблюдалось несколько случаев рождения новых земель в океане в результате деятельности подводных вулканов.

Большинство легендарных островов старинные карты помещают в том районе Атлантики, где ныне находятся горы подводного архипелага Подковы и хребта, тянувшегося от Гибралтара к Азорским островам (где он, как вы помните, пересекается со Срединно-Атлантическим хребтом). Горы эти находятся на незначительной глубине, в этом районе океана имеется множество мелей и банок. Еще в 1925 году американский ученый У. Х. Бэбкок в книге «Легендарные острова Атлантики» писал: «...кажется не невозможным, что некоторые из этих банок могли быть видными и даже обитаемыми в то время, когда человек уже достиг умеренной степени цивилизации». Сейчас, после того как океанографы нанесли на карту очертания подводной страны, лежащей к западу от Гибралтара, можно привести в пользу этой гипотезы много веских доказательств.

Некоторые банки погружены всего-навсего на 40—50 метров. Вне всякого сомнения, несколько тысяч лет назад, когда уровень Мирового океана был ниже, чем ныне, вместо банок здесь были острова. И если предположить, что области, погруженные ныне

на глубины до 200 метров, прежде были сушей, то тогда между Гибралтаром и западным побережьем Северной Африки должен был существовать целый архипелаг, острова которого занимали площадь около 350 квадратных километров!

«Если...» До недавнего времени считалось, что уровень Мирового океана никогда не опускался ниже чем на 130 метров нынешнего уровня (во всяком случае, за последние 35 тысяч лет). Однако новейшие открытия заставляют пересмотреть величины колебания уровня Мирового океана. Оказывается, что 13 000—17 000 лет назад он был ниже современного более чем на 150 метров. А ведь район подводного архипелага Подковы сейсмически активен, здесь могло происходить не только наступление океанских вод, но и опускание суши в результате землетрясений и т. п. Вполне вероятно, что в сравнительно недалеком (по масштабам геологии) время архипелаг Подковы был надводным, а не подводным и отдельные острова его погибли уже на памяти человечества. То же самое можно сказать и о другом затонувшем архипелаге — «Южно-Азорском».

К югу от Азорских островов, на сравнительно небольшой глубине, находится большое число плосковершинных гор, гайотов. Над некоторыми гайотами глубина меньше 500 метров: например, над подводной горой, названной в честь океанографического судна «Атлантис», всего лишь 267-метровый слой воды, над горой Крейсера — 294 метра и т. д. Гайоты эти были когда-то островами. Под водой они оказались не только из-за повышения уровня Мирового океана, но и в силу опускания земной коры. Ведь находящиеся к северу от этого района Азорские острова и по сей день медленно опускаются на дно океана. Около 400 лет назад часть острова Сан-Мигел стала дном нового залива, а весь архипелаг погружается в наши дни со скоростью 5 миллиметров в год. Вполне возможно, что прежде скорость погружения была еще более высокой. И если сложить величину погружения с величиной повышения уровня Мирового океана в последние тысячелетия (более 150 метров), станет ясно, что вершины подводных гор к югу от Азор когда-то поднимались над водами Атлантики. Если мы примем эту суммарную величину за 500 метров, тогда неизбежен вывод о том, что помимо Азорского существовал еще Южно-Азорский архипелаг — и некоторые из его островов, возможно, попали на старинные карты. Да и самих Азорских островов могло быть несколько тысяч лет назад больше, чем ныне.

Число Фарерских островов также когда-то было больше нынешнего. Под водой Атлантического океана находится Фарерская возвышенность, отдельные вершины которой покрыты сравнительно тонким слоем воды. По мнению профессора Н. Ф. Жирова, «где-то в районе Фарерской возвышенности и находился остров Туле, потом погрузившийся в океан». Особенности климата Туле, поразившие Пифея (остров находился далеко на севере, но тут сеяли злаки, разводили пчел, росли плодовые деревья),

объясняются, по мнению Жирова, тем, что «этот остров находился в главной струе мощного морского течения, несколько более теплого, чем Гольфстрим».

Не исключена возможность, что и многие острова, о которых повествуют ирландские саги и мифы, также ушли на дно Атлантики — поэтому их и не удастся отождествить с известными ныне землями. Ими могли быть затонувшие острова в районе современного Роколла, крохотного островка на большой подводной возвышенности с ее плато, хребтами и банками, а также подводные части хребта Рейкьянес и возвышенности Поркьюпайн, которые затем погрузились в воду.

Чарлз Лайел доказал правдивость версии гибели острова Ломеа и рождения мелей Гудвиша. Может быть, другим геологам и океанологам удастся доказать, что и кельтские сказания об островах Авалон, Ис, Лионесс, поглощенных морем, также не просто плод фантазии, а имеют под собой реальную основу — затопление водами Атлантики каких-то островов неподалеку от Англии (или одного острова, который носил три разных имени — Авалон, Ис, Лионесс). Ведь даже берега самой Англии медленно опускаются на дно и во многих местах побережья этого острова находят остатки затопленных лесов и даже поселений. Кремневые орудия и руины древних сооружений были обнаружены в водах, омывающих островки Сплли у юго-западной оконечности Британии. А в открытом море, в 250 километрах к западу от Ирландии, рыболовным тралом был поднят со дна горшок с латинской надписью. Быть может, здесь когда-то находился один из легендарных островов кельтских сказаний и старинных карт.

Оловянные острова, или Касситериды, как вы помните, искали в самых разных районах Европы и даже отождествляли с Азорскими островами. Многие исследователи полагают, что загадка Касситерид будет решена лишь тогда, когда мы начнем искать их на дне Атлантики. Правда, и здесь среди ученых нет единодушия: одни полагают, что они находились в районе современной Галисийской башки, у северо-западной оконечности Испании, другие помещают их к югу от Ирландии, в районе банок Большая и Малая Соль, над которыми лежит незначительный слой воды: Большая Соль погружена на 65 метров, Малая Соль — лишь на 20 метров.

Профессор Рихард Хеннинг полагает, что Янтарный остров — Абалус — затонул в водах Северного моря. Причем он не согласен с теми учеными, которые считают античный Абалус и часто упоминаемый в древних источниках, а ныне исчезнувший остров Зюдштранд одной и той же землей. «Согласно так называемой «Вальдемарской книге земли», — пишет Хеннинг в первом томе своей замечательной монографии «Неизвестные земли», — остров Зюдштранд еще в 1231 г. находился в непосредственной близости от материка, а не на расстоянии одного дня плаванья от него, а за 1500 лет до того (т. е. во времена Пифея. — А. К.) наверняка сам еще был частью континента». Хеннинг располагает затонув-

ний Абалус в Северном море, где-то между исчезающим Гельголандом и исчезнувшим не столь давно Зюдштрандом.

Возможно, древние мореплаватели не только открывали острова, ныне ушедшие на дно, но и становились свидетелями их гибели. Например, на карте адмирала Пири Рейса есть надпись, гласящая, что между Исландией и Гренландией в 1456 году «сгорел остров». До нас дошел отрывок из описания плавания карфагенянина Ганнона вдоль африканского берега, длившегося несколько месяцев. Ганнону удалось достичь Гвинейского залива и проплыть вдоль его берегов, возможно, даже пересечь экватор. Причем Ганнон сообщает о том, что он и его спутники «прошли мимо знойной страны, полной благовоний. Из нее огромные огненные потоки выливались в море. Страна недоступна вследствие жары. Поспешно мы отплыли оттуда в страхе. Носились мы четыре дня и ночью увидели землю, полную пламени. В середине был весьма высокий огонь, больше, чем другие. Казалось, что он касался звезд. Днем это оказалось величайшей горой, называемой Феон-Охема, Колесница богов. Через три дня, проплыв пламенные потоки, мы прибыли в залив, называемый Южным Рогом» (до этого Ганнон плыл по большому заливу Западный Рог, где «оказались большие острова»).

О том, какого же пункта Африки достиг отважный карфагенинец, ученые ведут споры и по сей день. «Южный Рог», а также «Колесницу богов» помещают в самых различных участках африканского побережья, от Марокко до бухты Кориско в Конго! Некоторые исследователи считают «Колесницей богов» вулкан Тенерифе в Канарском архипелаге, другие — мыс Зеленый, а большинство современных ученых полагают, что это — гора Камерун (даже в нашем веке произошли три сильных извержения этого вулкана). Однако Ганнон сообщает о «пламенных потоках», изливавшихся в океан, когда корабли проплывали «страну, полную благовоний». — на берегах Африки такой «огненной страны» нет. Да и описание «Колесницы богов», окруженной землей, «полной пламени», также не очень соответствует Камеруну, который хотя и велик, но не может превратить целую страну в «огненную»: область лав, излитых Камеруном, изучена и она не слишком велика. Быть может, Ганнон стал свидетелем гибели какого-то участка Средне-Атлантического хребта, вызванной подводной вулканической деятельностью.

Такую гипотезу высказал Н. Ф. Жиров в книге «Атлантида (Основные проблемы атлантологии)», вышедшей в 1964 году. Еще раньше его идея была изложена в художественной форме профессором А. И. Немировским в повести «За Столбами Мелькарта». Жиров считает, что, «может быть, карфагенинец Ганнон был свидетелем гибели южных остатков Атлантиды, ибо в перипле («периплом Ганнона» называют греческую рукопись X века, копию с недошедшего до нас оригинала. — А. К.) не указано, с какой стороны по ходу корабля Ганнон видел горевшую землю. Мы предполагаем, что это было место южные острова

Зеленого Мыса (в районе бывшего Экваториального архипелага Атлантиды)».

Наша книга пазвана «Атлантика без Атлантиды», и мы не будем рассматривать вопросы, связанные с этим легендарным континентом, какими бы интересными они ни казались (отошлем читателя к монографии Жирова, а также к книге автора этих строк «Тайны трех океанов», приложение к которой, посвященное Атлантиде, написано Жировым и является последней работой этого исследователя, скончавшегося в декабре 1970 года). Отметим лишь, что, независимо от Атлантиды Платона, реальной или вымышленной, в перипле Гапсона могла идти речь о какой-то земле в Атлантике, которая ныне поконится на дне океана.

ОСТРОВА И МОРЕПЛАВАТЕЛИ ДРЕВНОСТИ

Многие участки Срединно-Атлантического хребта, ныне подводные, когда-то были надводными. С этим согласны все ученые, как океанографы, так и геологи, вулканологи и т. д. В водах Северного, Средиземного, Балтийского и других атлантических морей когда-то находились острова, ушедшие затем на дно. С этим также никто не спорит. Но следует ли отождествлять их с легендарными островами на средневековых картах? Ведь карты составлялись всего лишь несколько веков назад, а подавляющая часть бывших островов Атлантики погрузилась на дно несколько тысяч, а возможно, и миллионов лет назад. Спор о датировке событий (тысячи или миллионы?) мы отложим до последней части нашего повествования — «Книги споров». Допустим, что острова были затоплены на памяти человечества — десять, шесть, четыре, две тысячи лет назад. Но ведь карты составлялись гораздо позже! Использовали ли люди средневековья сведения, дошедшие до них из глубины веков? Или же их острова являются результатом «кабинетного творчества», ошибок и т. п.?

Целый ряд островов обязан своим происхождением легенде о плаваниях Святого Брандана, а образ этого монаха-мореплавателя, как вы знаете, восходит к древним ирландским сагам. Когда пачали ирландцы и другие кельтские народы осваивать просторы Атлантики, мы не знаем. Достоверно известно лишь одно — раньше, чем викинги. Возможно, что не отшельники были первыми ирландцами в океане и что их плаваниям предшествовали «светские» маршруты кельтов в атлантических водах. Ведь саги отражают события, происходившие несколько тысяч лет назад.

Средневековые картографы многое заимствовали у замечательных арабских географов, а те, в свою очередь, опирались на труды античных авторов, часть которых была известна и в христианской Европе, например труды Птолемея. Значит, тут мы имеем дело с описанием островов, которые могли затопить и две, и даже три тысячи лет назад. Однако и здесь можно указать на

более ранние даты. Ведь подавляющая часть ученых античности опиралась на географию Гомера, изложенную в его «Одиссее». Этот эпос повествует об острове Чаровницы, нимфы Калипсо, называвшемся Огигия, об острове Схерия, населенном феакийцами, об островах Эола. И во времена античности, и в эпоху средневековья, и в Новое время, и сейчас, в особенности после того, как археологические раскопки показали историческую правдивость «Илиады», велись дискуссии о том, где же находились «гомеровские острова». Острова Эола, согласно эпосу, расположены в девяти днях плавания от родины Одиссея, острова Итаки. Хотя нынешняя Итака и не идентична гомеровскому острову, все же подавляющая часть исследователей, как в древности, так и ныне, считает, что родина мореплавателя находилась на каком-то острове возле Греции (хотя и высказывалась гипотеза, что древняя Итака — это остров Сицилия!). И потому острова Эола, скорей всего, это Липарские острова или, во всяком случае, какой-то архипелаг в Средиземноморье. Зато об островах Огигия и Схерия споры не прекращаются более двух тысяч лет. Со Схерией отождествляют то средиземноморский остров Корфу, то Южную Испанию, то легендарный Тартесс, помещая его не на Пиренейском полуострове, а в Атлантике, в районе нынешнего подводного архипелага Подковы. Огигию, остров дочери Атласа Калипсо, Плутарх помещал в пяти днях пути к западу от Британии, Гумбольдт отождествлял с Мадейрой, француз Берар считал, что остров находился у Гибралтара, против гор Атлас, англичанин Сайкс полагал, что Огигия — не что иное как Азорские острова. Словом, гипотез высказано очень много и ни одна из них пока что не является доказанной.

Не будем вдаваться в споры «гомероведов». Все они согласны с тем, что Гомер пользовался сведениями, добытыми в результате плаваний финикийцев. А после открытия микенской цивилизации на территории материковой Греции и еще более древней культуры, созданной жителями острова Крит, стало ясно, что в «Одиссее» отразились многие географические представления эпохи, восходящей к III тысячелетию до н. э. Некоторые ученые полагают, что сам образ Одиссея, тонкий и глубоко психологичный, создан не в «классической» Греции, а в Элладе микенской эпохи и свидетельствует об изысканном и сдержанном вкусе его создателей. Профессор И. М. Тронский в предисловии к русскому переводу «Одиссеи» указывает, что «сказание об Одиссее содержит в себе некоторые отголоски более древней реальности, чем культура микенского времени», то есть восходит к культуре, которую более пяти тысяч лет назад создали критяне — и она справедливо считается самой древней цивилизацией Европы, лишь незначительно уступая по времени своего расцвета самым древним цивилизациям нашей планеты — египетской и шумерской.

О том, что финикийцы, вернее, их наследники, карфагеняне, плавали по Атлантике и даже достигали Азорских островов,

говорит много фактов, в том числе и клад карфагенских монет, найденный на Корву, самом западном из островов Азорского архипелага. Развиваться финикийское мореходство стало в XV веке до н. э., три с половиной тысячи лет назад. А до этого в течение долгих столетий на всем Средиземном море господствовала великая морская держава со столицей на острове Крит. За две тысячи лет до финикийских мореплавателей — и за пять с половиной тысяч лет до наших дней! — критяне совершали рейсы во все концы «Внутреннего» моря и выходили в Атлантический океан. Не исключено, что финикийцы и карфагеняне лишь повторили открытия критян в Атлантике, побывав на Мадейре, Канарских и Азорских островах. Некоторые исследователи полагают, что суда жителей Крита доходили даже до Южной Африки, где найдено изображение так называемой «Белой Дамы», удивительно похожее на критские фрески.

Таким образом, от средневековых картографов — через арабов, римлян, греков, Гомера, финикийцев, карфагенян — мы приходим к мореплавателям Крита, которые видели Атлантику такой, какой она была много тысяч лет назад. И здесь могли быть острова, за истекшие тысячелетия ушедшие под воду и ставшие горами, хребтами, гайотами, ныне покрытыми водами океана.

Легендарные острова в Атлантике сыграли важную роль в открытии Нового Света. Вряд ли решились бы и Колумб, и Кабот на плавание в открытом океане, не имея они твердой уверенности в том, что на пути к берегам Восточной Азии их ждут острова Антилия, Святого Брандана, Бразил и другие. Историки географических открытий с помощью наук, изучающих океан, могут под новым углом посмотреть на проблему легендарных островов в Атлантике, проследив на протяжении нескольких тысяч лет «эстафету знаний», передаваемых от древних мореходов Крита вплоть до средневековья и даже наших дней. Например, на карте мира есть Виргинские острова. Колумб назвал их Островами Одинадцати Тысяч Дев. На средневековых картах можно найти Остров Дев: своим названием он обязан, с одной стороны, ирландским сагам, а с другой — арабам: на карте мира, составленной Идриси, в Атлантике помещен «остров Чертовок». По всей видимости, это остров Чародейки-Калипсо, Огигия, — арабы, как вы знаете, боялись Атлантики и в ее водах практически не плавали. Огигия античных авторов, вне всякого сомнения, впервые появилась в «Одиссее». Гомер, вероятно, использовал какие-то сведения об островах на западе океана, добытые греками-микенцами, а те, в свой черед, опирались на достижения критян. Быть может, на дне Атлантического океана удастся отыскать следы древней Огигии, а также Касситерид, Туле, Янтарного острова и других не менее загадочных земель. Конечно, далеко не все легендарные острова на старинных картах были реальными островами, затонувшими в океане. Многие из них обязаны своим происхождением ошибкам, миражам, мифам. И все-таки океанография дает в руки историкам географи-

ческих открытий новый и перспективный «ключ» к загадке земель в океане.

Более того: наука об океане может оказаться «ключом» к еще более важным задачам, решаемым археологами, этнографами, антропологами и другими представителями наук о человеке. Ведь некоторые из ныне исчезнувших островов могли явиться своеобразными «мостами», с помощью которых первобытные люди в глубочайшей древности начали заселение своей планеты. Ибо здесь мы имеем дело с событиями давностью даже не в пять с половиной тысяч лет, а в десять и более тысячелетий.

Археологи, океанографы, геологи могут спорить о том, затонули ли острова в Атлантике в эпоху расцвета цивилизации Крита или же их гибель произошла гораздо раньше. Но о том, что 10 000—20 000 лет назад Скандинавия была островом, а Англия, напротив, соединялась с материком Европы сухопутным мостом, никто не спорит — это давно установленный факт. На дне атлантических морей найдены орудия каменного века, остатки древних поселений и т. п.

Таким образом, история океана оказывается связанной с историей человечества, с изучением путей, по которым первобытные люди проникли в Англию, на Крит и другие острова Эгейского архипелага, на Сицилию, а возможно, и на Канарские острова — единственный в Атлантике архипелаг между Новым и Старым Светом, на котором европейцы обнаружили автохтонное население. Но о Канарских островах и их обитателях, загадочных гуанчах, мы расскажем уже в следующей части — «Книге народов».

Годы, люди и народы
Убегают навсегда,
Как текучая вода
В гибком зеркале природы.

Велимир Хлебников

ГУАНЧИ — ИСЧЕЗНУВШИЙ НАРОД

В древнегреческих мифах говорится об Элизии, полях блаженных, куда после смерти отправляются праведники и герои, заслужившие милость богов. В четвертой песне «Одиссеи» Гомер указывает, где лежат Елисейские поля: «за пределами земли», на крайнем западе океана, где «ни метелей, ни ливней, ни хладов зимы не бывает» и веет зефир, «океаном с легкой прохладой туда посылаемый людям блаженным». В другой песне «Одиссеи» Гомер говорит об острове Сира, который также находится далеко на западе Атлантического океана, где «никогда не бывает губящего холода, люди там никакой не страшатся заразы». Остров «необильно людьми населен, но удобен для жизни, тучен, приволец стадам, виноградом богат и пшеницей». На западе, в океане, помещают мифы и остров Эритрея («Красный»), где совершил свой десятый подвиг Геракл, похитив коров трехголового великана Герiona. Наконец, в Атлантике — и снова на дальнем западе — находился сад гесперид, дочерей Атланта, с его чудесными золотыми яблоками (Геракл добыл их и совершил свой одиннадцатый подвиг).

Трудно сказать с уверенностью, что в древних мифах и «Одиссее» является плодом фантазии, а что отражает реальные знания греков и их предшественников, финикийян и критян, об островах в Атлантике. Однако можно утверждать, что в более поздние эпохи античные авторы отождествляли острова Гомера и мифов о Геракле с Канарскими островами. Например, Помпоний Мела в своем труде «О положении Земли» указывает, что против выжженной солнцем части побережья Африки «лежат острова, принадлежавшие, по рассказам, гесперидам».

Плутарх не только дает описание двух островов Канарского архипелага, но и объясняет, почему с ними отождествляются Елисейские поля: «Редко выпадает там весьма умеренный дождь. Частые, мягкие, приносящие влагу ветры заменяют их и

делают почву не только пригодной для посевов и посадок, но и производят дикорастущие богатые и вкусные плоды, которыми жители без труда и каких-либо усилий питаются в достаточной степени. Здоровый воздух, при едва заметных сменах времен года, порождается всегда умеренными температурами, так как дующие из большого отдаления северные и северо-восточные ветры теряют свою силу в неизмеримых промежуточных пространствах, а западные ветры или приносят с моря производящие дождь облака, или освещают их влагой, так что варвары пришли к убеждению, что здесь-то и находятся Елисейские поля и еще Гомером воспетое местопребывание блаженных».

После гибели Римской империи средневековая Европа забыла о Канарских островах, и забыла основательно. Лишь спустя тысячу лет их заново открыли европейцы. Вот как повествует о том средневековая рукопись, написанная, по мнению ряда исследователей, рукой Бокаччо... «В год 1341-й во Флоренцию пришли письма, написанные некими флорентийскими купцами в Севилье. Они сообщили следующее: «1 июля этого года вышли в плавание два корабля... на поиски тех островов, которые, согласно общему мнению, следовало открыть заново. Благодаря попутному ветру они на пятый день пристали там к берегу... Эта каменная гряда, изобилующая, однако, козами и другими животными и заселенная обнаженными мужчинами и жепцьями, своими обычаями и привычками походящими на дикарей... Они прошли еще мимо другого острова, который был гораздо больше первого, и увидели там многочисленных жителей. Эти мужчины и женщины были почти нагими, некоторые из них, очевидно, повелевали остальными и были одеты в козын шкуры, выкрашенные в шафранно-желтый и красный цвета. Издали эти шкуры казались весьма изящными и тонкими и были очень искусно сшиты нитками из кишок... Моряки видели еще много островов, из которых одни были населены, а другие безлюдны... Моряки сообщали также, что язык местных жителей столь странный, что они ровню ничего не поняли, и на островах нет никаких судов. Только вплавь можно добраться от одного острова к другому...».

В начале XV века острова начинают колонизовать испанцы. Римский папа призывает их, как правоверных католиков, «к искоренению пагубных ростков неверия, недостойно завладевших всей страной Счастливых островов, и к насаждению там вертограда Господня». Местные жители Канар, названные гуанчами (сокращенное «гуанчтенерф», т. е. «уроженец Тенерифе», самого известного из островов Канарского архипелага), оказывают отчаянное, но безнадежное сопротивление. Ведь у них не было даже металлического оружия, не говоря уж об огнестрельном. Почти все гуанчи сложили головы в боях, осталась небольшая кучка людей, растворившихся среди испанских колонизаторов, забывших свои прежние верования, культуру, язык. В XVII веке на Канарах нельзя было найти ни одного чистокровного гуанча,

и поэт Антонио де Виана, спустя два с половиной века после вторичного открытия «Счастливых островов», с печалью констатировал исчезновение гуанчей, людей, которые были «добродетельны, честны и смелы; в них сочетались все лучшие качества человечества: великодушие, ловкость, мужество, атлетическая сила, стойкость души и тела, гордость, благородство, приветливые лица, пылливый ум, пылкий патриотизм».

Наука заинтересовалась гуанчами, когда они давно исчезли с лица земли. То, что сообщали об этом народе средневековые хронисты, было, действительно, очень интересно и необычно: и отсутствие навыков мореплавания у островитян, и совершенно особый, ни на один не похожий, язык, и внешний облик... Так родилась «загадка гуанчей».

Испанские хронисты, современники завоевания Канарских островов, оставили записи о занятиях гуанчей, их обрядах и обычаях, и эти записи тщательно изучаются историками и этнографами. Археологи провели на островах раскопки. Лингвисты сравнили донесенные до нас хронистами слова языка гуанчей со словами других языков мира. Антропологи обмерили современных канарцев, в жилах которых течет гуанчская кровь, а также черепа и скелеты древнего населения архипелага. Но чем больше ученые узнавали об исчезнувшем народе, тем больше нерешенных вопросов рождалось у них, тем более загадочным становилось происхождение гуанчей.

Когда удастся установить языковое родство народов, многое в их древнейшей истории становится ясным. Лингвисты полагали, что язык гуанчей находится в родстве с диалектами берберов, населяющих ныне оазисы Сахары, а прежде занимавших всю территорию Алжира, Туниса, Марокко, Мавритании. В ясную погоду с африканского побережья можно увидеть дым, поднимающийся над вулканическим островом Тенерифе, и даже его главный пик высотой почти в четыре километра. Так что берберы могли знать о Канарах и добраться до островов, переплыв неширокое водное пространство, отделяющее их от Африки. Но, как показали новейшие исследования, язык гуанчей не находится в родстве ни с одним из берберских наречий (а их насчитывается более трехсот!) и остается «Иваном, родства не помнящим», ибо среди известных нам языков мира не удалось отыскать его «родственников».

Зато антропологи обнаружили сразу несколько народов, родственных древнему населению Канар: оказалось, что на архипелаге и до появления европейцев обитали люди, представляющие различные антропологические типы. Причем один из них поразительно похож на... кроманьонский, исчезнувший в Старом Свете более десяти тысячелетий назад! С кроманьонцами гуанчей роднит и форма черепа, и высокий рост (отдельные гуанчи достигали двух и более метров, а средний рост этого народа превышал 180 сантиметров), и светлые, иногда рыжеватые, волосы, и голубые глаза.

Еще больше черт сходства гуанчей с самыми различными народами планеты нашли этнографы, восстановившие их религию и обычаи по записям хронистов. Как и в Тибете, на Канарских островах существовала полиандрия (многомужество). Как и аборигены Австралии, гуанчи добывали огонь трением деревянных палочек. Как в древнем Вавилоне и Перу эпохи инков, на Канарах почитались «священные девы», невесты богов. Как в древнем Египте, тела вождей и жрецов бальзамировали. Мумии, однако, помещали не в пирамиды, а зашивали в шкуры (подобным образом хоронили своих умерших жители Ливии 5000—6000 л. т. назад) и прятали в пещеры. В одной пещере могли найти прики, и сто, и двести, и триста, и даже тысяча мумий! Вход в пещеру-гробницу знали только старики, получавшие особое посвящение. Можно представить, какую ценность для науки представляла бы находка хотя бы одной из таких пещер. Но, к сожалению, испанцы не пощадили и мертвых гуанчей. Мумии были объявлены монахами «монстрами», плодом брака между дьяволом и земными женщинами. А посему они безжалостно уничтожались. Впрочем, находились предприимчивые люди, которые ухитрились превратить мумифицированные тела в выгодный «бизнес». Ведь все алхимики средневековья полагали, что часть мумии — это один из самых важных ингредиентов магических снадобий и составов. А посему спрос на них был велик и мумии тайком экспортировались в кельи алхимиков Европы, где они погибали в тиглях, перетирались в «чудодейственные порошки» и т. п.

Пожалуй, самым поразительным в жизни островитян является тот твердо установленный факт, что у них не было ни лодок, ни плотов, ни, тем более, судов. И на вопрос, каким же образом очутились эти люди на Канарских островах, по сей день нет удовлетворительного ответа. Есть гипотеза о том, что гуанчи просто-напросто утратили навыки мореплавания, так как на благодатной земле «Счастливых островов» было все, что нужно для жизни. Однако это плохо согласуется с тем, что мы знаем о жителях других земель, лежащих в океане. И японцы, и полинезийцы, и индонезийцы, и англичане, и микронезийцы являются прекрасными мореходами (а ведь условия жизни на островах Полинезии, например, еще лучше, чем на Канарах, это край «вечной весны!»). Пусть даже островитяне не совершают далеких рейсов в открытое море — но ведь занятие рыбной ловлей, которая жизненно необходима им, не позволит расторгнуть дружбу с водной стихией. Гуанчи рыбачили, как и все жители островов нашей планеты. Но — лишь в прибрежных водах, сетями, без лодок и самых примитивных средств передвижения по воде!

Вот почему многие исследователи полагают, что этот загадочный народ не «утратил мореходные навыки», ибо терять ему было нечего. На острова же предки гуанчей попали по сухопутному «мосту», ибо много тысяч лет назад Канары являлись частью Африки. Такое предположение высказывал советский

историк Б. Л. Богаевский (полагая, что гибель этого «моста» и послужила прообразом Атлантиды Платона), с ним солидарны и многие советские и зарубежные исследователи.

Эту гипотезу подтверждают данные геологии: Канарские острова, скорее всего, представляют «осколок» Африки, причем формирование архипелага завершилось лишь в период последнего оледенения, когда движения земной коры и деятельность вулканов определили нынешние очертания островов. Но мы, к сожалению, не знаем, когда на них появились первые люди: одни ученые полагают, что гуанчи — это какая-то ветвь «великого переселения народов», попавшая на Канары в раннем средневековье, а другие, напротив, относят дату заселения архипелага к X или даже XX тысячелетию до н. э. Среди океанологов и геологов также нет единодушия в том, когда Канарские острова отделились от Африки. Только здесь различия в датировках измеряются уже не тысячами, а миллионами лет.

Правда, сухопутный «мост» к архипелагу не обязательно должен быть сплошным. Могла существовать «цепочка» из небольших островков, ныне исчезнувших, по которой предки гуанчей добрались до Канар. И, что самое любопытное, они могли прийти не из Африки, а из Европы. Ведь от южной оконечности Пиренейского полуострова к Канарским островам протягивается длинная цепь подводных гор и банок, бывших когда-то островами. Пиренейский полуостров, а не Африка является «классической страной кроманьонцев», последними остатками которых, возможно, и были загадочные гуанчи. Со средиземноморскими, а не африканскими культурами каменного века перекликаются и башни, жертвенники, гробницы, в большом количестве обнаруженные археологами на Канарских островах. Наконец, язык гуанчей, не имеющий родства с диалектами африканцев-берберов, быть может, окажется в родстве с каким-либо языком, распространенным прежде на Пиренейском полуострове и по всему Средиземноморью. Впрочем, об интереснейших вопросах, где лингвистика теснейшим образом переплетается с дешифровкой древних письмен, археологией, антропологией, искусствоведением, а возможно, даже с океанографией, которая может дать «ключ» к проблемам, не решенным науками о человеке, стоит рассказать подробнее.

МЕГАЛИТЫ, ЯЗЫКИ, НАРОДЫ

Многочисленные народы, населяющие берега Средиземного моря, говорят на языках, относящихся к двум большим семьям — индоевропейской и семито-хамитской. Правда, язык турок относится к тюркской семье, но известно, что их предки пришли на свою нынешнюю родину сравнительно недавно, уже в нашем тысячелетии. В индоевропейскую семью входят греческий, албанский, румынский, сербский, русский, английский, болгарский, итальянский, испанский, каталонский, французский, прован-

сальский, португальский и великое множество других языков, распространенных ныне во всех частях света. Однако когда-то эти языки имели одного общего «предка», один «индоевропейский праязык». Расшифровка глиняных табличек, найденных на Крите, показала, что греческая речь звучала на берегах Эгейского моря около 35 веков назад. Столь же солидный возраст имеют хеттские тексты, найденные в Малой Азии. Хеттский язык, ныне мертвый, также индоевропейский. И все-таки подавляющая часть современных лингвистов считает, что район Средиземноморья не мог быть родиной индоевропейцев. И греки, и хетты, и другие индоевропейские народы являются пришельцами, хотя пришли они на берега «Внутреннего моря» очень и очень давно.

Почти 6000 лет назад в дельте Нила появились египтяне. Их язык входит в состав другой великой семьи языков — «семито-хамитской», так же как и арабский, берберские диалекты и многие другие древние и современные наречия. Однако родной семито-хамитских языков большинство лингвистов называет Сахару той эпохи, когда она еще не превратилась в пустыню, а не Средиземноморье. И арабы, и берберы, и египтяне — такие же пришельцы, как и народы, говорящие на индоевропейских языках. Кто же обитал в Средиземноморье раньше, какая речь звучала здесь много тысячелетий назад?

От берегов Атлантики до гор Кавказа можно проследить цепочку географических названий, которые нельзя объяснить, исходя из законов индоевропейских языков, ни современных, ни самых древних. Например, названия, имеющие суффикс «-сс», начиная с Тартесса на Пиренейском полуострове и кончая городом Кносс на Крите и огромным количеством подобных наименований рек, гор, городов в Малой Азии, вплоть до Закавказья. Ясно, что эти названия были даны древнейшим населением Средиземноморья; вполне возможно, что говорило оно на родственных языках и диалектах.

До нашего времени дошли тексты на языках, не имеющих родства ни с семито-хамитскими, ни с индоевропейскими наречиями. Ученым удалось установить звучание слов, начертанных на глиняных табличках и других письменных памятниках. Но значение этих слов в большинстве случаев неизвестно, ибо нет точки опоры, родственного языка, который бы помог установить смысл речи, исчезнувшей тысячелетия назад.

Отдельные слова «варварских языков» донесли до нас античные авторы, хотя оригинальных текстов до нас не дошло. И между этими неиндоевропейскими и несемито-хамитскими языками наблюдаются черты сходства.

Не только географические названия, но и древние тексты позволяют протянуть единую «языковую цепочку» от Пиренейских гор до Кавказских. Ведь и в Пиренеях, и на Кавказе по сей день остались языки, которые, вероятно, являются последними могилками наречий, звучавших когда-то по всему Средиземноморью, но вытесненных затем индоевропейскими языками хет-

тов, греков, итальянцев, албанцев, армян и т. д. В Пиренеях это язык басков, на Кавказе абазинский, абхазский, адыгейский и многие другие языки, не состоящие в родстве ни с одной из известных языковых семей планеты: ни с индоевропейской, ни с семито-хамитской, ни с тюркской, ни с угро-финской и т. д.

О родстве баскского языка с кавказскими ученые начали спорить давно, и эти споры не завершены поныне. Бесспорно, что прежде язык басков был распространен не только в нынешней Басконии, стране в Пиренеях между Францией и Испанией. Бискайский залив обязан своим названием баскам; от имени басков происходит наименование Гасконии, провинции на юге Франции. Следы баскского можно обнаружить в испанском и португальском языках, потомках «народной латыши» римских легионеров, завоевавших Пиренейский полуостров, — очевидно, древнее население говорило на баскских наречиях. До нас дошли памятники так называемого «иберийского письма», написанные иберами, древними жителями Испании. Язык их был, по всей видимости, родствен языку басков. Наконец, на южном побережье Франции в древности жили аквитаны, чья речь, давным-давно исчезнувшая, также была близка баскской.

Рядом с аквитанцами обитали лигуры, чье имя сохранил и по сей день Лигурийский залив. Античные авторы называют их древнейшими жителями Италии. Весьма вероятно, что именно лигурийский язык составлял ядро сформировавшегося позднее языка этрусков, над загадкой которого несколько столетий ломают голову дешифровщики всего мира, сравнивая этрусские слова то с албанскими, то с кельтскими, то со славянскими, то с древнееврейскими, то с древнегреческими, то с хеттскими словами. Доказать родство этрусского с какой-либо языковой семьей мира не удалось никому. Скорей всего, он результат смешения индоевропейского наречия с древним лигурийским языком (так же, как сама этруская народность образовалась в результате смешения выходцев из Малой Азии, родственных хеттам, с аборигенами Италии, а ими и были лигуры), на который затем повлияли диалекты итальянцев, родственные латыши, и язык греков, основавших колонии на Апеннинском полуострове. От лигурийского языка до нас дошли лишь географические названия — и они близки языку древнейших жителей Пиренейского полуострова.

Но эта «перекличка названий» продолжается вплоть до Кавказа (вспомните окончание «-сс» в словах Тартесс, Киосс и т. д.). Общие закономерности наблюдаются в языке этрусков, древнейших жителей Крита, минойцев (их письмена удалось прочесть, но язык остается неизвестным — так же, как тексты этрусков, мы читаем минойские тексты, но не знаем точного смысла прочтенных слов) и не менее древних обитателей Малой Азии, хаттов, предшественников индоевропейцев-хеттов (которые многое заимствовали у хаттов, в том числе и свое наименование). Например, в этрусском, хеттском и в минойском не раз-

личаются звонкие и глухие согласные (т. е. одинаково звучат «дом» и «том», «гол» и «кол» и т. п.). Звуковые цепи мпнойского и хаттского строятся по принципу чередования «согласный-гласный-согласный-гласный», не допуская слияния двух согласных подряд. Хаттский же язык современные исследователи вполне обоснованно сближают с рядом языков Кавказа (адыгейским, абхазским и другими). Таким образом, цепочка «Пиренеи — Кавказ» оказывается замкнутой благодаря анализу исчезнувших языков Средиземноморья. А в самом же баскском языке найдено много общих черт с кавказскими наречиями.

И древнейшие индоевропейцы, и семито-хамитские народы, до того как часть из них осела в дельте Нила и долине Тигра и Евфрата, были скотоводами-кочевниками (вспомним хотя бы легендарных арьев, вторгшихся в Индостан, арабские и древнееврейские пастушеские племена). Аборигены Средиземноморья от первобытного собирательства и охоты перешли не к скотоводству, а к земледелию за несколько тысяч лет до нашей эры. Данные языкознания говорят о том, что, по всей вероятности, древнейшие земледельцы этого района, от Кавказа до Испании, говорили на родственных наречиях — родственных друг другу, но не индоевропейским и семито-хамитским языкам!

О том свидетельствует и антропология: в Средиземноморье сформировалась разновидность белой расы, так и именуемая — «средиземноморская». В пользу древнейшего родства говорят и находки археологов, и наблюдения этнографов, отмечающих сходство обычаев у басков и кавказцев, последних «живых свидетелей» древнейшей истории. И, что самое примечательное, на всех островах Средиземного моря, так же, как и на побережье, имеются монументальные сооружения из камня (ученые называют их мегалитами), обнаруживающие несомненное сходство. Причем мегалиты найдены не только на юге, но и на севере Европы, в Англии и Франции. Лингвисты же считают доказанным, что до того, как в этих странах стала звучать индоевропейская речь, здесь говорили на иных, неиндоевропейских языках.

ЗАГАДОЧНЫЙ «НАРОД ДОЛЬМЕНОВ»

Название «мегалит» происходит от греческих слов «мегас» (большой) и «литос» (камень), ибо эти циклопические сооружения построены из огромных каменных плит или глыб. Они то тянутся длинными колоннадами (ученые называют их менгирами), то образуют круговые исполинские ограды, поверх которых лежат колоссальные плиты (такие ограды именуются термином «кромлех»), то стоят каменными «домами», получившими наименование дольмены (встречаются «дома», где каждая «стена» весит несколько десятков тонн!). Наибольшую известность получили мегалиты Англии, комплексе Стоунхенджа, для сооружения которого строителям пришлось доставлять глыбы весом до

25 тонн из каменоломни, расположенной в 20 милях от места постройки. Почти столь же грандиозны каменные «аллеп» на территории Франции. Огромного размера достигают дольмены на Пиренейском полуострове. На Балеарских островах, кроме обычных мегалитов, есть и так пазываемые тола — гигантские камни, выложенные в форме буквы «Т». На Корсике удалось раскопать десятки статуй — это одни из самых древних «портретов» человека, возраст их достигает 6000 лет. В Сардинии находятся «нураги» — мегалитические башни. О монументальных сооружениях из камня, найденных на Мальте и соседних островах, мы уже говорили во второй части, посвященной затонувшим городам. На Крите и других островах Эгейского моря, на земле материковой Греции еще с далекой древности стояли монументальные мегалитические постройки, происхождение которых во времена античности приписывали «детям Посейдона», пеласгам, считавшимся древнейшими жителями Эгеиды, и даже называли их «стены пеласгов». На Кавказе, кроме дольменов и других мегалитов, есть вишапы — грандиозные каменные изваяния в форме рыбы.

В технике сооружения мегалитов много общего, дольмены Британии удивительно похожи на дольмены Абхазии, кругикромлехи есть и во Франции, и на Канарских островах. Кроме несомненных черт общности, можно найти и локальные варианты: «тола» найдены лишь на Балеарских островах, статуи-мегалиты — только на Корсике и т. д. Однако, несмотря на все стилистические сходства и различия, мегалиты Англии, Кавказа, Испании и других стран объединяет одна поразительная черта: все они воздвигнуты или на островах, или в приморских районах материков. И чем ближе к берегу моря или океана, тем величественнее каменные глыбы; чем дальше в глубь континента, тем мельче становятся каменные «дома» и обелиски. Отсюда следует вывод: строителями сооружений были люди, почитавшие водную стихию, и если все мегалиты воздвигнуты одним и тем же народом, он должен быть великим народом-мореплавателем, покорившим просторы Средиземного, Черного, Северного, Балтийского морей (мегалиты есть и на юге Скандинавии, и в Дании) и Атлантику от берегов Шотландии до Канарских островов.

Впрочем, монументальные сооружения из камня обнаружены и на другом берегу Атлантического океана. В Перу задолго до эпохи инков воздвигались каменные башни, похожие на «нураги» острова Сардиния. Французский исследователь Марсель Омэ сообщил об открытии в Амазонии дольменов, построенных в форме пятиугольника, которые он «так хорошо знал еще по Алжiru», где в течение многих лет изучал мегалитическую культуру Северной Африки. Не означает ли это, что Новый Свет был известен жителям Старого Света задолго до Колумба и походов викингов? И древнему «народу мегалитов» принадлежит честь открытия Америки? Более того: мегалитические сооружения

есть не только в Европе, Африке и Новом Свете, но и на побережьях Ирана, Индии, Австралии, на островах Тихого океана — в Индонезии, Новой Гвинее и других меланезийских островах. Причем предания о происхождении каменных монументов всегда говорят о каких-то пришельцах из-за океана.

Например, на острове Малекула, входящем в состав архипелага Новые Гебриды, местные жители еще несколько лет назад возводили... каменные дольмены и менгиры, такие же, как те, что сооружались в Средиземноморье много тысяч лет назад! Легенды островитян утверждают, что первый дольмен на Малекуле был воздвигнут в честь мифического героя по имени Кабат. Этот Кабат приплыл из-за дальних морей и принес на остров различные знания. Быть может, миф о происхождении «каменных домов» донес до нас воспоминания о событиях тысячелетней давности? Ведь неслучайно он связан с именем мореплавателя — точно так же, как сами дольмены во всем мире связаны с островами и побережьями морей и океанов? В этом случае мы должны считать загадочный «народ дольменов» не просто великим народом-мореплавателем, а величайшим из всех народов. Викинги покоряли Атлантику, полинезийцы — Тихий океан, арабы — Индийский. «Народ дольменов» воздвиг памятники своей культуры на берегах этих трех океанов планеты — и задолго до плаваний викингов, арабов и полинезийцев!

Где находился центр, откуда во все части света, кроме Антарктиды, распространился «народ дольменов» или, если не народ, то хотя бы только «идея дольменов»? Ведь она должна иметь какой-то отправной пункт — где же его искать? (Вряд ли у различных народов земного шара могла родиться одинаковая мысль возводить каменные «дома», причем именно на берегах морей.)

Самые внушительные мегалитические сооружения мы находим в Англии и на полуострове Бретань — менгиры, достигая здесь высоты 20 метров, образуют аллеи, состоящие из нескольких сотен огромных камней, а иногда их количество доходит до тысячи (не говоря уже о грандиозном комплексе Стоунхенджа!). Поэтому высказывалось предположение, что именно в этом районе Европы и родилась культура мегалитов и отсюда она распространилась во все части света. Однако монументы Англии и Бретани — самые большие, но не самые древние мегалиты. Возраст Стоунхенджа, например, равен 35 векам, а на Пиренейском полуострове имеются дольмены, построенные в 6000, и 8000 лет назад. Быть может, тут и была родина «народа дольменов»? Эту гипотезу отстаивали многие исследователи, причем они пытались приписать строительство мегалитов древнейшим людям, кроманьонцам, загадочно появившимся на мировой арене и столь же загадочно исчезнувшим. (Ведь Пиренеи, как вы помните, классическая страна кроманьонцев!).

В 1931 году на V Международном конгрессе антропологов, состоявшемся в Париже, известный исследователь доисторических культур Ф. Тэйбер выступил с докладом, суть которого сво-

дплась к следующему. Современная европейская цивилизация, охватившая весь мир, является третьей и последней волной «миграции культуры». Ей предшествовала другая волна, другая цивилизация, также имевшая всемирное распространение и объединявшая культуры Древнего Египта, Двуречья, Индии, Китая, Крита. А первой волной, древнейшей «всемирной культурой» Тэйбер считал великую цивилизацию каменного века, распространившую по всем материкам и островам трех океанов мегалитические сооружения.

Разумеется, сделать это мог только народ-мореплаватель. Но нам известен лишь один народ, владевший высоко развитыми мореходными навыками, но в то же время пользовавшийся каменными орудиями, — жители Океании, полинезийцы. И Тэйбер делал вывод: значит, родиной «народа дольменов» была Полинезия. Отсюда мореходы-полинезийцы совершали плавания к берегам Америки, Африки, Азии и даже Европы, повсюду распространяя свою культуру и воздвигая мегалитические постройки.

Обычно сторонники теории миграций, диффузионисты, приписывали «людям белой расы» роль мудрых учителей, принесших светоч знания невежественным народам других рас. Тэйбер доказывал обратное: европейцы были не учителями, а учениками полинезийцев. Однако гипотеза Тэйбера не получила широкого признания (хотя, по мнению советских ученых, она «интересна как попытка включить народы Океании в рамки всемирной истории и придать им не пассивную, а активную роль в этой истории»). Когда же удалось показать, с помощью радиоуглеродного датирования, что острова Полинезии были заселены гораздо позже того времени, когда в Европе создавались мегалиты, она вообще потеряла смысл.

Цивилизация Египта — одна из самых древних в мире. В районах, где распространены дольмены и другие мегалиты, часто находят — и также у побережья — изображения «солнечной ладьи», на которой великий Ра совершает свой путь по небесному Нилу. «Солнечная ладья» запечатлена в росписях египетских гробниц и святилищ, на Кавказе, в Средиземноморье, в южной Швеции. Не являются ли «народом дольменов» жители додинастического Египта? Английские ученые Перри и Смит были горячими сторонниками этой гипотезы. Причем они доказывали, что отсюда же, но уже позднее, в эпоху фараонов, по всему миру распространилась иероглифическая письменность, архитектура пирамид, строительство монументальных статуй и другие достижения цивилизации.

Однако изображения «солнечной ладьи» не обязательно связаны с мегалитами и побережьем моря. Они обнаружены на утесах по берегам уральских рек Вишеры и Тагила, на Шиншинских скалах в верхнем течении Лены, в Минусинской котловине, в Казахстане, на Тянь-Шане и даже в Приамурье! Каким образом египетский миф о «солнечной ладье» преодолел моря,

тайгу, хребты и стены, остается только гадать или строить шаткие гипотезы. Но что загадка «солнечной ладьи» не связана с загадкой «народа дольменов» — не подлежит сомнению.

В течение многих лет находит сторонников гипотеза, согласно которой родину создателей мегалитов нельзя найти среди известных ныне земель, ибо она погрузилась на дно Атлантического океана. Например, упоминавшийся выше Марсель Омэ выпустил в 1958 году книгу «Сыновья Солнца», где связывал воедино древние культуры Старого Света, Америки и Океании. Создателем их был древний народ, который, согласно Омэ, поклонялся солнцу, возводил дольмены и менгиры, имел письменность. Колыбелью этих «сыновей солнца» был материк, занимавший почти всю Северную Атлантику. Затем, около 20 000 лет назад, материк этот стал погружаться на дно океана и его население было вынуждено мигрировать на восток, в Европу (и этими пришельцами были кроманьонцы), и на запад, в Америку, дав начало эскимосскому народу. Однако в океане еще оставался большой остров, который около 11 000 лет назад погубила новая катастрофа. Это привело к очередной миграции «сыновей солнца», достигших к тому времени более высокой степени культуры. В Новом Свете они явились создателями доинкских цивилизаций Перу и мегалитов Амазонии, в Африке создали египетскую, в Европе — критскую и в Азии — шумерскую цивилизации, а также мегалитические культуры кельтов, гуанчей, скандинавов и других древних народов Старого Света.

М. Омэ считает, что рассказ Платона об Атлантиде и повествует о гибели острова в Атлантике, и потому именует «народ дольменов» не только «арийцами», «кроманьонцами» и «сыновьями солнца», но и «атлантидами». Подводя итог своим изысканиям, Омэ пишет: «Хотя и погибла в результате катастрофы прародина атлантидов — сначала Североатлантический континент, а потом остров Атлантида, — остались следы их переселений по обе стороны Атлантического океана и много дальше. Эти следы соединяются в звенья единой цепи исчезнувшей культуры. А о погибшем континенте напоминают лишь одинокие вершины Азорских островов». (Главы из книги «Сыновья Солнца» публиковались в сокращенном переводе в одном из выпусков альманаха «На суше и на море».)

Выводы Марселя Омэ плохо согласуются с достижениями современных наук о человеке. Например, он считает, что открытые им монументальные сооружения в Амазонии на несколько тысяч лет старше, чем мегалиты Средиземноморья, хотя американисты утверждают обратное, и т. п. Некоторые совершенно дилетантские рассуждения Омэ о древних письменах и языках могут вызвать у специалистов не желание вести серьезную полемику, а просто улыбку. Не в ладах французский исследователь и с науками о Земле: геологических, океанологических и других доказательств в пользу существования в Атлантике целого материка он не приводит (советский ученый П. Ф. Жиг-

ров, столь же горячо веривший в реальность Атлантиды, как и Омэ, совершенно справедливо полагал, что «окончательное подтверждение взглядов о реальности Атлантиды могут дать лишь дальнейшие объективные и непредвзятые исследования, в первую очередь в области океанологии и геологии моря»). Но не будем полемизировать с Омэ и затрагивать вопрос об Атлантиде, следуя основной идее этой книги, сформулированной в ее заглавии. В Атлантике есть много интересного и без легендарного материка Платона. Возможно, загадка «народа дольменов» — и скорей, не его происхождения, а гибели, — связана с какою-то катастрофой в океане или в Средиземноморье.

НАРОД ЦАРЯ МИНОСА

В середине II тысячелетия до н. э., около трех с половиной тысяч лет назад, по неизвестным причинам гибнут мегалитические культуры Корсики, Сардинии, Сицилии, Балеарских островов. Катастрофа постигает цивилизацию острова Крит — великая морская держава отброшена назад, чуть ли не в век камня. Раскопки археологов показывают, что приморские поселения Крита были покинуты внезапно. Население острова укрывается в неприступных горных убежищах в центре острова. Гибнет столица Критской империи, город Кносс и его дворец, прообраз воспетого в греческих мифах «лабиринта», легендарного убежища Минотавра. Сэр Артур Эванс и его ученики, раскопав руины древнего дворца критских царей, смогли восстановить картину гибели этого центра всего Средиземноморья. Вот что пишет лучший знаток цивилизации Крита, ученик Эванса Дж. Пендлберн: «Заключительная сцена разыгралась в помещении, которое воссоздает перед нами наиболее драматическую обстановку из всех раскопанных строений, — в «тронном зале». Этот зал был найден в состоянии полного беспорядка. В одном углу лежал опрокинутый большой сосуд из-под масла; культовые сосуды, казалось, были в употреблении в момент наступления катастрофы. Все имело такой вид, будто царь в смятении поспешил сюда, желая в последний момент совершить какую-то религиозную церемонию, чтобы спасти свой народ».

Что явилось причиной катастрофы? Ведь она произошла в момент наивысшего расцвета Критской цивилизации. А это значит, что силы, подтачивающие любое рабовладельческое общество Древнего мира, еще не созрели. Держава Крита неизбежно должна была прийти к своему краху, но в ту эпоху причины экономические, социальные, внутриполитические не могли еще погубить Крит. Значит, здесь действовали силы извне. История Древнего Востока знает множество случаев такой гибели — достаточно вспомнить вторжение хиксосов в Египет или завоевание Двуречья соседними воинственными племенами. Миф о Тезее, сыне царя Афин, рассказывает о гибели Минотавра и об освобождении Греции от ежегодной дани юношами и де-

вешками. Археология и дешифровка древних текстов говорит о том, что на Крите, после падения этой великой морской державы, появились греки-ахейцы, перенявшие у критян и навыки мореходства, и искусство письма, и многие другие достижения их цивилизации.

Значит, катастрофа, постигшая остров, — дело рук ахейцев? Однако греки-ахейцы, предшественники «классических» эллинов, появились в Греции по крайней мере за полтысячи лет до гибели Критской державы. Бесспорно, они завоевали остров в середине II тысячелетия до н. э. Но, быть может, лишь после того, как Критская держава уже перестала быть «грозою морей», после того, как ее величие уже ушло в прошлое? Ведь и Египет, и Двуречье соседние «варварские» племена покоряли лишь тогда, когда эти государства приходили в упадок. В эпоху же их расцвета, напротив, ближайшие «варварские» племена жили в постоянном страхе перед походами могущественных и хорошо организованных войск египтян, шумеров, вавилонян. Точно так же и Средиземноморье трепетало перед флотом и войсками Крита. Скорее всего, сначала над головой критян разразилась какая-то катастрофа, а лишь затем «обломки империи» были завоеваны греками-ахейцами.

Об этом косвенно свидетельствуют и древнегреческие мифы, и труды античных авторов. Геродот повествует о походе на запад критского царя Миноса (это имя стало нарицательным, наподобие имен Цезаря или Карла, и имело то же значение, что и слова «цесарь» или «король» — ведь эти слова также образованы от имен «Цезарь» и «Карл»!) и гибели его вместе с флотом. «Рассказывают, что Минос в поисках Дедала прибыл в Сиканию, именуемую теперь Сицилией, и здесь погиб насильственной смертью», — пишет Геродот в своей «Истории». Когда критяне подошли на своих судах «к Япигии, то были захвачены сильной бурей и выброшены на сушу; суда были разбиты, и им не было никакой возможности вернуться на Крит».

Но не только мифы и сочинения античности говорят о катастрофе. Более ста лет назад английский ученый Т. Спратт с удивлением обнаружил, что многие древние города Крита находятся под водой, в то время, как другие современные им порты удалены от моря. Исследования современных геологов и океанографов — так же, как и археологов — полностью подтверждают это. Причем оказывается, что по сравнению с античной эпохой остров как бы повернулся на оси: восточное побережье опустилось, а западное, наоборот, поднялось. Так, искусственная гавань в Фаласарне (северо-западная оконечность Крита) в наши дни находится значительно выше уровня моря и передвинулась в глубь острова почти на 140 метров. А уже упоминавшийся нами Херсонес стал, наоборот, не «сухопутным», а «подводным» портом, так же как и ряд других древних поселений на восточном берегу острова. Некоторые мысы Крита на западной его оконечности прежде были островами. На восто-

ке же мы видим обратную картину — остров Мохлос когда-то являлся частью Крита и перешеек, ныне ушедший под воду, образовывал две гавани.

Несколько миллионов лет назад Эгейского моря не было — на его месте находилась Эгеида, суша, связывавшая материковую Грецию, Крит, острова Эгейского моря. Малую Азию и, возможно, Африку воедино. Разрушение Эгеиды и образование Эгейского моря началось очень давно, еще до появления на планете человека. По отдельные участки Эгеиды продолжали «крошиться» уже на памяти людей, и не только в доисторические, но и в исторические времена. Так, арабский географ Масуди сообщает о том, что в 535 году н. э. в дельте Нила произошло большое землетрясение, земля опустилась и море хлынуло на сушу, разрушив множество городов и образовав соленые озера. Тогда же произошло существенное изменение побережья Крита и окружающих его островов и подводного рельефа Эгейского моря. Быть может, за 2000 лет до этого, в XV веке до н. э., случился еще более серьезный «сдвиг», и он-то привел к гибели державы Крита?

В 1939 году молодой греческий археолог Спиридон Маринатос выступил на страницах английского научного журнала «Антиквити» с интересной гипотезой, согласно которой первопричиной гибели минойской цивилизации было колоссальное вулканическое извержение на острове Тера (или Санторин), лежащем в 120 километрах к северо-западу от Крита. Санторин, входящий в группу Кикладских островов, состоит из лагуны, представляющей собой заполненную морем кальдеру (т. е. разрушенную вершину вулкана) молодого и поныне действующего вулкана, и скалистого островка с единственным поселением на нем. Когда-то на Санторине лагуны не было, так же как и молодого вулкана. Активен же был старый вулкан.

Затем произошло грандиозное извержение вулкана, мощность его в 4 раза превысила силу взрыва знаменитого Кракатау. Лава не просто залила остров, но покрыла его слоем толщиной 20 метров. Внутри вулкана возникла пустота, вершина рухнула, вода залила образовавшуюся «дыру» (ныне она занимает несколько десятков квадратных километров, всю центральную часть острова), и таким образом возникла современная лагуна Санторина. В результате гибели не только поселения на Санторине. Ведь если гигантские волны цунами после извержения Кракатау несколько раз обошли вокруг всей планеты, можно представить, какой силы цунами обрушились на берега Средиземноморья. В особенности же пострадал соседний Крит. Катастрофа, происшедшая в XV веке до н. э., нанесла смертельный удар державе критян.

Маринатос не останавливался подробно на геологических «механизмах», приведших к катастрофе. Это было сделано позже, его соотечественником Ангелосом Галанопулосом и американскими геологами Драгославом Пинковичем и Брюсом Хизе-

ном. Изучив образцы вулканических пород, они пришли к выводу, что незадолго до 1500 года до н. э. на Санторине произошло извержение, а еще пятьдесят лет спустя — новое, более мощное. Оно-то и уничтожило поселения на острове и нанесло цивилизации Крита страшный удар, от которого она так и не сумела оправиться. О масштабах катастрофы говорят огромные пространства дна Эгейского моря, покрытые вулканическим пеплом.

Вслед за геологами и океанологами слово вновь взял Маринатос. В 1967 году ему удалось организовать археологические раскопки на Санторине. В результате был открыт погребенный толстым слоем лавы и пепла город — современник эпохи расцвета цивилизации острова Крит. В нем, по приблизительным подсчетам, жило около 30 тысяч человек. И хотя раскопки далеки от завершения, ученым удалось обнаружить дворцы, остатки замечательных красочных фресок, множество домов, стены которых сложены из тесаного камня, глиняные кувшины и прочие предметы быта.

Открытие этого города можно сравнить с открытием Геркуланума и Помпеи, римских поселений, погребенных вулканическим пеплом. Правда, в погибшей столице Санторина обнаружено всего лишь два человеческих скелета и не найдено ценных изделий из золота и серебра. Это говорит о том, что, в отличие от извержения Везувия, извержение вулкана Санторин не было внезапным. Жители знали о грядущей катастрофе и успели покинуть остров, захватив с собою ценности. Это, однако, вряд ли спасло их от гибели, ибо вслед за извержением последовал взрыв и гигантские волны цунами наверняка потопили суда, на которых островитяне спасались от бедствия.

Не так давно археологам удалось обнаружить следы разрушительного действия вулкана Санторин и на острове Крит. При раскопках одного из дворцов были найдены многочисленные куски пемзы и других вулканических пород, смешанных с серой. А так как мощных вулканов на Крите нет, остается предположить, что виновником гибели и этого дворца (а вероятно, и других дворцов, в том числе и легендарного «дворца царя Миноса») является вулкан Санторин. Но погибли не только дворцы. По мнению Брюса Хизена, катастрофа на Санторине, бывшая вместе с тем катастрофой и для всех близлежащих земель, подорвала экономическую мощь Критской державы, ибо привела к упадку земледелия. И ослабевшего гиганта без труда «приковчили» греки-ахейцы, вторгшиеся на Крит.

ОТКУДА ШЛИ «НАРОДЫ МОРЯ»?

Только ли взрыв на Санторине послужил причиной гибели Крита и других цивилизаций на островах «Внутреннего моря»? Греческие мифы, конечно, слишком уж ненадежный источник, ибо повествуют обо всех исторических событиях ипосказательно, метафорически, их так же нужно расшифровывать, как и оригина-

нальные тексты критян. И разные ученые расшифровывают их по-разному. Однако до нас дошли древние хроники — хроники в полном смысле этого слова, — высеченные на стенах египетского храма в Мединет-Хабу. И повествуют они о вторжении «народов моря» во владения фараонов.

Острова, родина «народов моря», сообщают хроники Мединет-Хабу, подвергались землетрясениям, города их погибли, леса «были объаты пламенем, и они имели перед собой море пламени». Гибель родных островов и заставила «народы моря» двинуться на восток и вторгнуться во владения Египта. Причем «народы моря», передвигавшиеся на судах, вступили в союз с кочевниками-ливийцами (предками нынешних берберов), страна которых также была «объята пламенем». Египту пришлось вести войну и на суше, и на море. Только с огромным трудом, понеся большие потери, войска египтян смогли остановить нашествие ливийцев и «народов моря» и защитить свою страну. Владения Египта в Сирии и Палестине были потеряны — их завоевали «народы моря».

О вторжении пришельцев с запада говорит и Библия, именую их филистимлянами (кстати сказать, откуда и пошло нынешнее название «Палестина»). Египетские хроники, перечисляя народы, входившие в коалицию «народов моря», упоминают греков-ахейцев, этрусков, а также целый ряд народностей, бесследно исчезнувших с лица земли. Борьба с пришельцами шла долго, в течение XIII—XII веков до н. э. Послужила ли катастрофа на острове Санторин тем толчком, который привел в движение различные племена и народы Восточного Средиземноморья, сначала сокрушив Критскую державу, а затем заставив искать убежища на берегах Сирии и Египта население гибнущих земель? Или родина «народов моря» находилась далеко на запад от Эгейского моря, где-то в районе Сицилии? Ведь не только Эгеида связывала когда-то берега Европы и Африки сухопутным «мостом» — подобный же «мост» (он, конечно, мог быть и не сплошным массивом суши, а цепочкой отдельных островов и островков) протягивался от Сицилии к Африканскому континенту, и его остатками являются острова Мальта, Пантеллерия, Линос, а возле последнего, как вы помните, найдены руины затонувшего города. Да и греческие мифы считают, что главный удар могуществу Миноса был нанесен не в его столице Кноссе и даже не на Крите, а у берегов Сицилии (в прибрежных водах, омывающих этот остров, также найдены остатки какого-то поселения). Ответить на эти вопросы может лишь дальнейшее изучение Эгеиды, Эгеиды исторической — стран и цивилизаций, существовавших на берегах Эгейского моря, и Эгеиды геологической, окончательная гибель которой произошла уже на памяти человека, а также исследование подводной страны, протянувшейся между Сицилией и Африкой и бывшей когда-то сушей. Быть может, катастрофические опускания островов, извержения вулканов, цунами и т. п. происходили

и в районе Эгесды, и в районе Сицилии. Не исключено, что и дальше на запад, в Тирренском море и у берегов Испании, 3500 лет назад шли подобные же процессы (ибо и тут, по мнению геологов и океанологов, существовали когда-то участки суши, ныне покрытые водой, археологи же находят в Западном Средиземноморье следы затопленных поселений и городов).

Откуда шли «народы моря»? Были ли среди них последние остатки «народа дольменов», создателя мегалитических культур? Или, наоборот, «народы моря» смели на своем пути древних обитателей Средиземноморья? На эти вопросы у нас нет ответа. И вполне возможно, что ответить на них помогут исследования под водой, как археологов, так и океанографов.

НАРОДЫ ЧЕРНОГО КОНТИНЕНТА

«Народы моря» задали трудную задачу не только историкам, но и специалистам в области дешифровки древних письмен. Ибо с ними связан, пожалуй, самый таинственный текст на свете — так называемый Фестский диск. Уникальный памятник — плоский диск из терракоты — найден в 1908 году на Крите, неподалеку от города Фест. Рядом с ним археологи обнаружили табличку, написанную «обычным» критским письмом, возраст которой около 37 веков. Поэтому и диск относят к тому же времени. Но эта датировка, разумеется, условна. Диск покрыт рисуночными знаками, не похожими ни на одну из известных иероглифических систем письма. И, что самое удивительное, этот древний текст «напечатан», отштампован на глине. Однако нигде в Средиземноморье, да и во всем мире мы не отыщем ни «штампов» этих знаков, ни других памятников, написанных подобными знаками.

Проникнуть в тайну удивительного диска пытались многие исследователи. Они обнаруживали в тексте то список городов, то гимн, то свидетельство о гибели Атлантиды, то победную реляцию. Но все это — результат богатого воображения «дешифровщиков». Объем текста слишком мал (всего лишь 241 знак отпечатан на обеих сторонах диска), чтобы можно было прочесть его с полной уверенностью, — особенно если учесть, что мы не знаем, на каком из многочисленных наречий, существовавших в то время в Средиземноморье, сделана эта надпись (были попытки чтения и на греческом, и на хеттском, и на баскском, и на одном из семитских языков; в книге «Когда молчат письмена», написанной совместно с доктором филологических наук В. В. Шеворошкиным, автор этих строк показал, что текст так мал, что его можно «читать» на любом языке, включая русский, «вычитывая» из него любое содержание).

Наиболее часто в тексте встречается знак, изображающий голову воина, украшенную перьями. Вероятней всего — к этому выводу независимо друг от друга пришли различные исследо-

ватели в нашей стране и за рубежом,— знак этот является «указателем», или детерминативом, который ставится перед именами собственными. На стенах египетских храмов сохранились не только рассказы о борьбе с «народами моря», но и многочисленные изображения воинов Египта, поражающих пришельцев. Головной убор «народов моря» полностью совпадает с тем, что показан на диске: по всей видимости, и диск является памятником письма «народов моря» или, во всяком случае, в тексте идет речь о них. Правда, похожий головной убор носили и воины Крита (а в Библии родиной одного из «народов моря», филистимлян, называется Кафтор, т. е. Крит). Но почему тогда мы не находим знака, изображающего голову воина в уборе из перьев, среди знаков иероглифического письма, памятники которого найдены на острове? Да и другие знаки письма Фестского диска отличаются от критских иероглифов. Критяне писали на глиняных табличках, на металле. Но они не «штамповали» свои надписи. Наконец, и глина, из которой сделан этот удивительный диск, по мнению многих исследователей, также не критская.

Если не из Крита, то откуда же происходит диск? Назывались самые различные «адреса» — от Малой Азии вплоть до легендарной Атлантиды. Быть может, другие памятники, подобные диску, покоятся сейчас на дне Средиземного моря, среди руин какого-то затонувшего города или целого острова. Возможно, что аналогичные тексты находятся где-то на суше — на материке Европы, Азии или Африки, — мы просто не нашли их. В том, что Фестский диск — не единственный памятник письма подобного типа, нас убеждает такой факт: среди 241 знака текста имеется 45 разных. Трудно поверить, замечает английский академик Дж. Чэдвик, что набор из 45 знаков-штампов был сделан только для одной-единственной надписи на диске.

В странах Европы и Ближнего Востока археологи открыли множество древних цивилизаций, раскопали десятки городов, обнаружили целые библиотеки каменных и глиняных «книг». Но текстов, подобных диску из Феста, по сей день найти не удалось. Может быть, их найдут археологи-подводники? Ведь исследование затонувших городов только-только начинается. Но еще «не вышло из пеленок» и археологическое изучение Африканского континента. Быть может, там будут найдены памятники письма, подобные письму таинственного диска? В этом нет ничего невероятного. Не исключен и третий вариант: эти тексты найдут археологи-подводники возле берегов Африканского материка. Вспомните о том, что возле острова Джерба в заливе Габес были найдены руины древнего города, архитектура которого походила на критскую.

Когда-то народы Черного материка считались «внеисторическими», а все достижения африканской культуры приписывались «белым пришельцам». Сейчас этот миф, сочиненный расистами, опровергнут. Раскопки же в Сахаре, открытие фресок

Тассили и мелес популярных, но не менее прекрасных изображений в Ливии показывают, что в Северной Африке уже около десяти тысяч лет назад бок о бок жили представители двух рас — негроидной и европеоидной, «белые» и «черные». Больше того: следы подобного соседства обнаружены в Северной Италии и даже в Англии!

Еще в начале нашего века в одной из пещер Италии были найдены скелеты людей древнекаменного века, палеолита. Причем одни скелеты принадлежали кроманьонцам, а другие — представителям негроидной расы. Позже удалось проследить влияние древнего негроидного населения на жителей Европы и Англии в повокаменном веке, неолите, в эпоху бронзы и в начале железного века.

Как попали негроиды из Африки в Европу (которая не могла быть колыбелью черной расы: если Пиреней — «классическая страна кроманьонцев», то Африка заслуженно называется «Черным материком»)? По всей видимости, только по суше, ибо никаких средств передвижения по воде, даже самых примитивных, у людей палеолита не было. Причем, по всей вероятности, движение шло через два «моста» — тот, что когда-то соединял Сицилию с Африкой, и тот, что был на месте нынешнего Гибралтарского пролива. По суше попали негроиды палеолита и в Англию — она тоже была не островом, а полуостровом материка Европы в те отделенные от нас десятками тысячелетий времена. Быть может, подводные раскопки на дне Гибралтарского пролива, Ла-Манша и Тунисского пролива обнаружат здесь примитивные орудия и следы стоянок «африканских колумбов», открывавших Европейский материк (как много тысячелетий спустя «европейские колумбы» открывали Африку).

Подводная археология может оказать помощь молодой науке африканистике не только в освещении событий, происходивших 15, 20, 40 тысяч лет назад. Античные авторы говорят об «озере Тритонов», находящемся в Ливии, и «острове Амазонок» на этом озере. После того как в Сахаре были найдены богатейшие захоронения жепциев, а у ее жителей, берберов, этнографы обнаружили сильные пережитки матриархата, сообщения об «амазонках Ливии» перестали считаться плодом фантазии.

Но почему ученые античности, например Диодор Сицилийский, говорят именно об **острове**? И почему Аристотель писал, что когда-то в Ливии существовало огромное озеро Тритонов? Но после того, как «береговой вал», отделивший его от Средиземного моря, был прорван, воды озера и моря слились, образовав залив Сырт? Насколько правдивы эти сообщения? Проверить их правильность можно лишь тогда, когда науки о человеке пойдут рука об руку с науками о Земле и океане, геологией и океанографией.

Возможно, что не только в Северной Африке, в прибрежных водах Средиземного моря, но и в водах Атлантики, смывающих

южную оконечность материка, могут быть сделаны интересные открытия, которые прольют свет на судьбы народов Черного континента. Южную Африку до прихода европейцев населяли бушмены, которых считают не только самыми древними обитателями Африки, но и самым древним народом планеты. Язык бушменов очень своеобразен, в нем имеются странные «щелкающие» звуки, которых не найти в любом другом языке мира (для того, чтобы записывать бушменскую речь фонетически, лингвистам пришлось придумывать специальные знаки, вроде кружка с точкой в центре, восклицательного знака, поставленного косо, наклонных черточек — /, //, /// — и т. п.); тут и «поцелуйный звук», и «звук открываемой пробки», и «всасывающий звук», и много других, столь же необычных для нашего слуха звуков человеческой речи. Необычен и внешний облик бушменов: желтая, «цвета подсыхающей листвы», «старческая» морщинистая кожа, ушные раковины с приросшей мочкой, маленький рост, инфантильное, «детское» лицо, «монгольские» веки, широкий «негритянский» нос...

Люди, похожие на бушменов, как показали археологические находки, обитали в Центральной и Южной Африке уже в эпоху палеолита. Когда этнографы ознакомились с преданиями, легендами, сказками бушменов, они обнаружили в сокровищнице их фольклора и рассказ о потопе, поглотившем землю к востоку от атлантического берега Южной Африки. Рассказы о потопе порождаются либо сильными наводнениями, либо тектоническими движениями, вызывающими опускание суши. Наводнений в районе Юго-Западной Африки, занятом пустыней Намиб, не бывает. Зато опускания суши здесь, несомненно, происходили.

Об этом говорит прежде всего широкая полоса шельфа, тянущаяся вдоль западного берега Южной Африки, а также подводный хребет Китовый, уходящий от одноименной бухты в воды Атлантики. Ширина его 300 километров, длина — около 3000, высота гор Китового хребта достигает 3—4 километров. Вершины этого величественного горного хребта погружены на большую глубину, однако в некоторых местах они отделены от поверхности слоем воды всего 1200—1500 и даже 936 метров (под 25°27' южной широты и 6°8' восточной долготы). Весьма вероятно, что когда-то отдельные вершины хребта были островами, а возможно, еще раньше в этой части Атлантики находилась большая суша. Не отразили ли бушменские предания гибель этой земли? Или же они связаны с другой загадкой Южной Атлантики — с грандиозным подводным каньоном Конго?

Долина великой африканской реки продолжается и под водами океана. Обычно в таких случаях мы имеем дело со следами древнего затопления: воды океана поднимаются, побережье уходит под воду и становится шельфом. Затопленные речные долины, таким образом, не простираются дальше зоны прибрежной отмели. Не таков каньон Конго: он начинается в 32 километрах от устья реки, обрывая «нормальную» долину (вот по-

чему у Конго пет дельты!), и затем, в виде глубокого рва с крутыми стенами (ширина его до 8 километров, глубина — до 1100 метров), уходит далеко в океан, пересекая не только шельф, но и материковый склон и достигая «ложа» океана. И только там, на глубине 3600 метров, этот обрыв разветвляется и образует «глубоководную дельту». Причем главная ветвь каньона доходит до пятикилометровых глубин и отдалена от устья Конго на добрые 800 километров!

Как образовался каньон Конго? Возник ли он с самого начала на дне Атлантики как следствие движений земной коры? Или же мощный поток наносов великой реки (мутьевые, или суспензионные, потоки) «врезал» этот колоссальный ров в океанское ложе? Или же каньон Конго — это «нормальная» речная долина, продолжение наземной долины Конго, поглощенная Атлантикой в результате опускания западной окраины Африки в четвертичном периоде, т. е. в эпоху существования человечества? Все три гипотезы высказывались океанологами и геологами. Но, быть может, не только науки о Земле оказывают помощь наукам о человеке, а и, наоборот, археология, фольклористика и другие гуманитарные дисциплины помогут решить загадку происхождения каньона Конго? Быть может, легенды о гибели земли на западе, записанные у бушменов, относятся не к опусканию Китового хребта (которое, по мнению большинства ученых, если и действительно имело место, то задолго до появления людей на Земле, много миллионов лет назад), а к образованию загадочного каньона Конго, когда огромный участок суши опустился на дно Атлантики? Ведь бушмены когда-то жили не только в Южной Африке, но были расселены почти по всему матерiku (и поныне, на широте устья Конго, правда, в восточной части Африки, сохранилось бушменское племя хадзапи)? Ответить на этот вопрос помогут дальнейшие изыскания этнографов, фольклористов, археологов: ведь пока написаны лишь первые страницы истории Черного континента.

Не менее интересный «стык» наук о человеке и наук о Земле намечается при изучении другого участка Атлантики, находящегося в экваториальной области. Мы уже говорили о том, что когда-то отдельные вершины Срединно-Атлантического хребта выходили на поверхность океана. Не были ли островами и вершины подводного хребта Сьерра-Леоне? Океанологи подняли здесь со дна останки пресноводных диатомовых водорослей. Причем их не могли принести с материка подводные течения, ибо слой диатомей был плотным и без всякой примеси океанской фауны и флоры. Создается впечатление, что некогда здесь было пресноводное озеро, а стало быть, и суша. В пользу существования бывшей суши говорит и глубоководный желоб Романш, рассекающий Срединно-Атлантический хребет в районе экватора. Все глубочайшие «шрамы» на теле планеты находятся либо рядом с материком, либо связаны с островными дугами — все, кроме желоба Романш. А это позволяет думать, что и здесь,

в открытом океане, когда-то был остров. Ряд ученых предполагает, что в этом районе Атлантики «затонуло» несколько островов, названных ими Экваториальным архипелагом.

Некоторые ученые, изучающие историю человечества, выдвигают гипотезы о том, что между народами Африки и Америки существовал контакт задолго до плаваний Колумба. Во-первых, потому, что многие культурные растения Нового Света имеют несомненно африканское происхождение. Во-вторых (по это уже спорно), в облике древнейших обитателей Америки, называемых палеоиндейцами, есть негроидные черты. В-третьих (и это еще более спорно), ряд исследователей находит родство между некоторыми языками Африки и Нового Света (например, Лео Винер, отец «отца кибернетики», Норберта Винера, выпустил целую монографию, доказывающую связь языка мандинго, на котором говорят в Западной Африке, с языками индейцев Америки). В-четвертых, негроидный облик имеют и некоторые скульптурные портреты, найденные в доколумбовой Америке. В-пятых, в эпоху Колумба было широко распространено убеждение, что африканцы торговали с жителями островов или земель, лежащих к западу от островов Зеленого Мыса. В-шестых, сам Колумб устроил проверку этих сообщений как на островах Зеленого Мыса (где были обнаружены каноэ, на которых «плавали от берегов Гвинеи к западу»), так и на островах Эспаньола в Антильском архипелаге, обитатели которых, индейцы, «говорили, будто на их остров приходят с юга и юго-востока черные люди», и показали ему один из заморских товаров.

Не служили ли гипотетические острова Экваториального архипелага промежуточными пунктами, с помощью которых осуществлялись древние контакты между Африкой и Новым Светом? Не относится ли сообщение карфагенянина Ганнона о «земле в огне», приведенное нами в «Книге островов», к катастрофической гибели последних островов? Вопросы эти могут быть поставлены. Окончательный же ответ на них мы получим лишь тогда, когда геологи, геофизики, вулканологи, океанологи лучше изучат эту часть Атлантики (кстати, наиболее активную в сейсмическом отношении), а лингвисты, археологи, этнографы, антропологи, историки географических открытий заполнят «белые страницы», которыми полна история Африки и, в еще большей степени, история Нового Света.

ЗАГАДКА НАРОДОВ АМЕРИКИ

Откуда появились люди в Новом свете? Вопрос этот возник уже с того времени, когда европейцы осознали великую истину: земли на западе Атлантики — это не «Индия», а новая огромная часть света, населенная краснокожими индейцами. Библия, неоспоримый авторитет для людей того времени, утверждала, что род человеческий произошел от трех сыновей праведного Ноя — Сима, Хама, Яфета. Каждому из народов Земли была найдена родословная от этих потомков Ноя... Кроме индейцев

Остров Волькао (старинная гравюра).

Так украшался нос корабля викингов.

В Атлантике рождается новый остров.

Рождение нового острова в Азорском архипелаге могли наблюдать ученые.

Еще одна находка под водой!

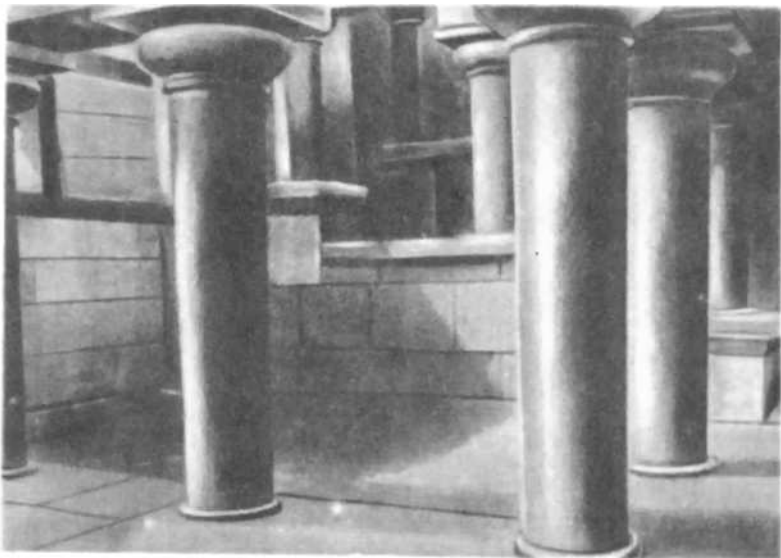
Памятники античной архитектуры изумительны по красоте ...

Великолепен афинский Акрополь и Парфенов.

И все-таки «классическое» искусство греков имеет своих учителей: ахейцев (на фото — «Львиные ворота» в Микенах)...

... и минойцев, создателей цивилизации острова Крит (на фото — Колонный зал царя Миноса).

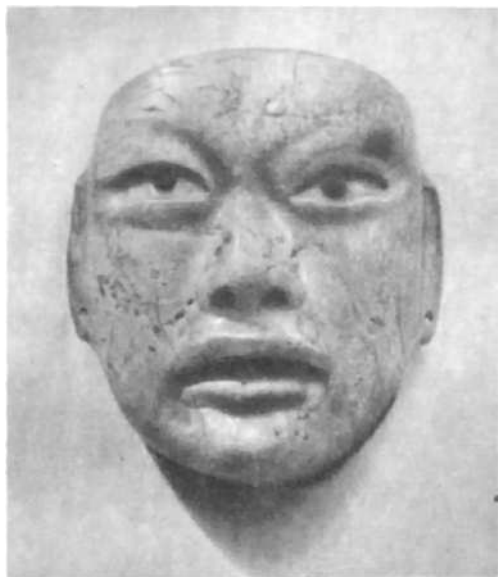
На Крите и других островах Эгейды сохранились древние святилища.

Первыми покорителями Средиземного
моря были жители Кикладских остро-
вов...

... оставившие заме-
чательные памятни-
ки скульптуры.

В долине Мехико процветала культура «Города богов» — теотихуакана (на фото — погребальная маска).

На юге Мексики, в Гватемале и Гондурасе, индейцы-мая создали самую развитую цивилизацию доколумбовой Америки. О мастерстве скульпторов-мая наглядно свидетельствует этот портрет.

На тихоокеанском побережье Мексики около 2000 лет назад создали свою культуру индейцы-сапотекы.

Сапотекские погребальные урны изображали богов...

... а порой имели портретное сходство с умершим, чей прах помещался в урну.

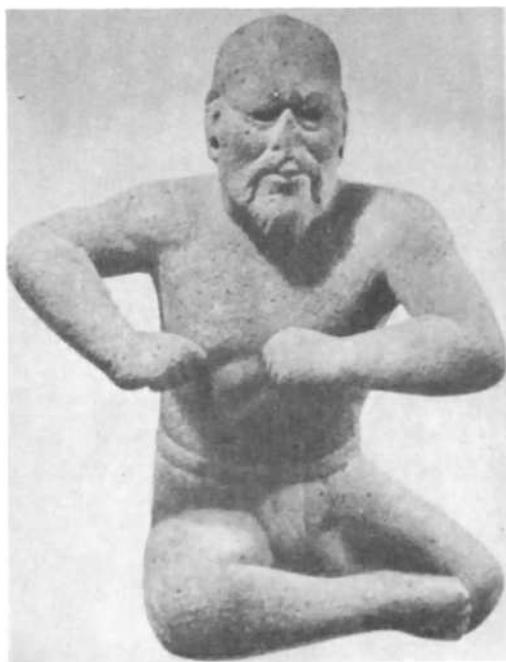

На атлантическом побережье Мексики вплоть до испанского завоевания существовала культура индейцев-тотонаков.

**«Нефертити» индейцев
Америки — скульптура
тотонаков.**

«Культура madre» — «культура мать», созданная ольмеками, лежит в основе индейских культур майя, сапотеков, тотонаков, теоти-хуакана... Однако облик этого игрока в мяч, запечатленный ольмекской статуэткой, не имеет индейских черт (сравните предыдущие скульптурные портреты, изображающие стопроцентных индейцев).

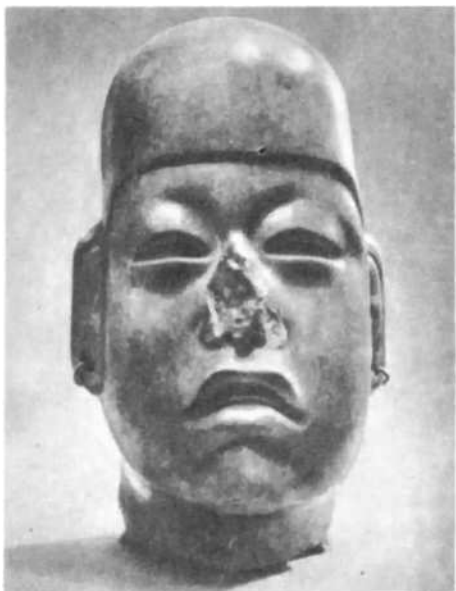

Характернейшая черта ольмекского искусства — пристрастие к изображению уродцев, с лицом, напоминающим морду ягуара...

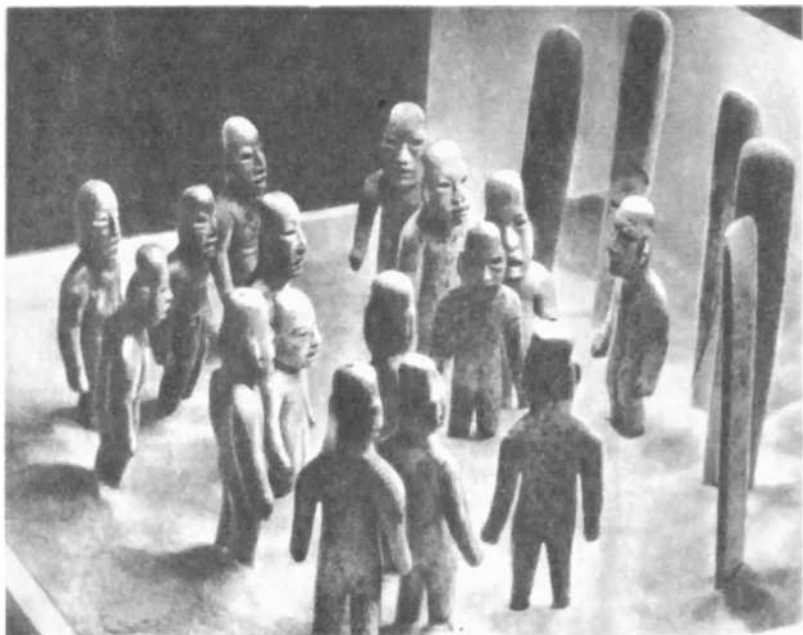

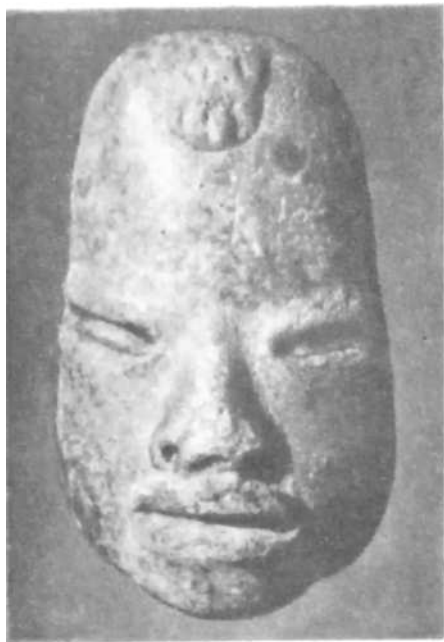
... или патологически толстых младенцев.

Черты лица портретируемого, особенно очертания рта, в ольмекской пластике зачастую имеют сходство с оскалом ягуара, владыки джунглей Нового Света.

Персонажи этого ольмекского алтаря имеют монгольские черты лица и деформированный череп (позднее у индейцев-маяя красивым считался человек, имеющий череп подобной формы).

А этот персонаж, также имеющий деформированный череп, похож на представителя негроидной расы — взгляните на его толстые губы и широкий плоский нос, совершенно непохожий на «орлиный» нос индейцев.

Эта гигантская, около трех метров высотой, каменная голова — дело рук ольмекских мастеров. И вновь мы видим «негритянский» нос и «ягуарий» рот... Кого изображали эти огромные скульптуры? На этот вопрос у нас нет ответа.

Америки — о них в Библии не сказано ни слова. И потому конкистадоры не считали индейцев людьми, для них они были «бездушными тварями», «детинцами дьявола», «двуногими зверями». Но вот в 1537 году римский папа, обеспокоенный катастрофическим исчезновением своей потенциальной паствы за океаном, издает специальную буллу, объявляющую жителей Нового Света «одухотворенными людьми» и «потомками Адама». Сразу же после выхода папской буллы перед теологами встал вопрос: откуда же появились в Америке «потомки Адама»? Вопрос этот, конечно, теологи не решили. Впрочем, не решили его и археологи, этнографы, антропологи и лингвисты, хотя они и сделали немало, чтобы разгадать загадку коренного населения Нового Света.

Не раз и не два делались попытки доказать, что народы Америки произошли от «американской обезьяны». Латиноамериканский палеонтолог Америго обнаружил в древнейших слоях черепа, которые, по его мнению, принадлежали новому виду «человека разумного». Позже выяснилось, что черепа не отличались от черепов современных индейцев. В 1931 году в штате Миннесота был найден скелет девушки, захороненной в слоях, относящихся ко временам глубокой древности. Но и он по типу не отличался от скелетов индейцев. Все попытки отыскать в земле Нового Света останки питекантропов и неандертальцев, а тем более американских человекообразных обезьян, не увенчались успехом. Стало ясно, что в отдаленные времена Америка была заселена из Старого Света. Но откуда и когда?

В наши дни большинство ученых считает, что первые люди пришли в Новый Свет около 30 000 лет назад из Англии, по сухопутному «мосту», существовавшему на месте нынешнего Берингова пролива, а затем заселили Северную, Центральную и Южную Америку. Океанологи и геологи помогли археологам и этнологам найти дорогу из Старого Света в Новый. Но, быть может, много тысячелетий назад существовала не только одна эта дорога, через затонувшую Берингию, а еще несколько подобных же «мостов»? Если это так, то получают объяснение черты сходства, которые, по мнению ряда исследователей, имеются в культуре и облике индейцев Америки и жителей Старого Света, живущих по другую сторону Атлантики (а не только Тихого океана).

Ряд советских и зарубежных ученых полагает, что в Северном Ледовитом океане подводные хребты Менделеева и Ломоносова некогда частично выходили на поверхность, что здесь существовала Арктида, затонувшая уже в эпоху существования человека. Профессор Д. Г. Панов связывает с этим полярным «мостом» между Америкой и Старым Светом расселение эскимосов, самого северного из народов Земли, живущего и в Азии, на Чукотке, и в Америке, на Аляске, и в Канаде, и в Гренландии.

Другие исследователи считают, что контакт между Старым и Новым Светом мог осуществляться по «мосту», находившемуся несколько южнее: когда-то берега Европы с берегами Север-

ной Америки связывал большой участок суши, объединявший Скандинавию, Британию, Исландию, Ньюфаундленд и Канаду. По мнению третьих, контакт проходил не через эту «Северную Атлантиду», а через «истинную» Атлантиду, о которой говорят сочинения Платона и которая находилась в районе Азор.

Называются и еще более южные «мосты» через Атлантику: одним из них мог быть исчезнувший Экваториальный архипелаг (при его наличии, пишет Н. Ф. Жаров, «древнейшая миграция племен из Старого Света в Новый Свет была доступна даже в эпоху верхнего палеолита. В таком случае местами первичного проникновения могли быть Гвиана, Венесуэла, Антильские острова, а также восточная часть Бразилии, где и следует, по нашему мнению, искать следы древнейших обитателей Американского континента»). Второй путь — через «Южную Атлантиду», связывавшую, по мнению некоторых ученых, Южную Африку и Южную Америку (остатками ее они считают ныне подводные Китовый хребет и поднятие Риу-Гранди, разделяющее Бразильскую и Аргентинскую глубоководные котловины). Наконец, португальский антрополог Мендес-Корреа высказывал гипотезу, что Огненная Земля была заселена из Австралии через Антарктиду, тогда еще не покрытую льдом.

Таким образом, кроме Берингии, ученые разных стран и разных специальностей называют по крайней мере еще шесть затонувших «мостов» или цепочек островов, которые, по их мнению, могли связывать Америку со Старым Светом: Арктида, Северная Атлантида, Атлантида (ее именуют еще Азориды или Посейдоиды, ибо в районе Азорских островов находилось, считают атлантологи, главное царство атлантов, почитавших бога моря, известного грекам под именем Посейдона), Экваториальный архипелаг, Южная Атлантида и даже Антарктида! Правда, все эти шесть «мостов», на взгляд современных ученых, если и существовали (что также спорно), то вряд ли могли служить путем в Новый Свет, ибо, по всей вероятности, исчезли под водой еще до появления на Земле человечества. Справедливости ради добавим: не доказан окончательно и тот факт, что первобытные люди заселили Новый Свет через Берингию (ибо на дне Берингова пролива не удалось обнаружить ни каменных орудий, ни следов стоянок древнейших открывателей Америки). Так что проблема открытия и заселения Нового Света остается нерешенной. И быть может, решающее слово скажут археологи-подводники, если им посчастливится найти следы «первобытных колумбов» на дне омывающих Америку морей, проливов и океанов.

Вероятно, подводные археологические раскопки внесут ценный вклад и в решение другой главной загадки Нового Света — загадки происхождения высокоразвитых цивилизаций, существовавших в Америке задолго до того, как у ее берегов бросили якорь каравеллы Колумба. В книге «Тайны трех океанов» автор этих строк писал о загадке культуры «народа каучука», ольмек-ков, именуемой мексиканскими археологами «культура madre»—

«культура-мать», ибо ольмеки первыми в Центральной Америке начали возводить монументальные сооружения, изобрели перо-глифическую письменность и календарь. Эти достижения цивилизации ольмеков были заимствованы их соседями, индейскими народами майя, тольтеками, сапотеками и т. д. Памятники ольмеков обнаружены на атлантическом побережье Мексики. И до сих пор не удалось отыскать «корни» этой древнейшей американской цивилизации. «Происхождение ольмеков остается и по сей день загадкой для американистики. Не принесет ли ее решение исследование дна Карибского моря?» — писал автор этих строк, а в примечаниях научных редакторов указывалось, что «в прессе появились пока еще не проверенные сообщения о том, что у Багамских островов аквалангисты открыли под водой какие-то древние сооружения из камня».

Сообщения, действительно, нуждались в проверке. Ибо не раз громогласно заявлялось, что под водой обнаружены руины древних городов, которые и являются остатками платоновской Атлантиды. Не так давно некий Мотт объявил об открытии в районе подводной горы Торо возле острова Нью-Провиденс, где расположена столица Багамских островов Нассау, легендарной страны и даже учредил «империю Атлантиды» со своим флагом и почтовыми марками. Распродав туристам «путевки» на посещение вновь открытой страны, авантюрист скрылся. Однако на сей раз у Багам, действительно, были найдены следы сооружений под водой (о них мы уже говорили в «Книге городов»).

Были ли создателями монументальных каменных стен индейцы, заселявшие Багамские острова, а затем безжалостно истребленные испанцами? По всей вероятности, нет. Судя по описаниям, оставленным современниками конкисты, аборигены Багамских островов стояли на очень низком уровне культурного развития. Первой землей, открытой Колумбом в Новом Свете, был один из островков Багамского архипелага. Вот что пишет о его обитателях великий мореплаватель: «Мне показалось, что эти люди бедны и нуждаются во всем. Все они ходят нагие, в чем мать родила... Они не носят и не знают оружия: когда я показывал им шпаги, они хватались за лезвия и по неведению обрезали себе пальцы. Никакого железа у них нет».

Быть может, постройки возвели таинственные ольмеки (впрочем, название это — условное, «народом каучука» стали называть более поздних обитателей мест, где распространена древнейшая культура Америки)? Опускание Багамских островов, а возможно, и других земель в Карибском море и прилегающей части Атлантики заставило их покинуть свою родину и переселиться на материк — ведь недаром среди индейцев Центральной Америки бытовало предание о том, что их предки пришли откуда-то с востока. Диего де Ланда в «Сообщении о делах в Юкатане» приводит рассказ стариков-майя о том, что Юкатан был заселен «неким народом, пришедшим с востока, который был спасен богом, открывшим ему двенадцать дорог через море».

Эпос индейцев-киче «Пополь-Вух» («Книга народа») говорит, что некогда их предки пришли с востока, где «находились тогда в большом количестве черные люди и белые люди... люди столь многих наречий, что удивительно было слушать их».

Местом, где некогда находились вместе «черные люди и белые люди», могла быть только Сахара. Может быть, предания имеют под собой реальную почву и высокие цивилизации попали в Америку из Старого Света? Правда, антропологический облик майя — чисто «индейский», никаких черт европеоидов или негроидов в нем найти нельзя. Зато этого нельзя сказать об ольмеках, «учителях» индейцев майя. К сожалению, пока что не удалось обнаружить черепов или костных останков «народа каучука». Однако до нас дошло множество произведений ольмекской пластики. И многие скульптуры изображают людей с явно негроидными признаками (толстые губы, не «индейский», а «негритянский», широкий нос и т. п.). Зато другие статуэтки ольмеков передают облик людей, в которых даже неспециалист легко распознает монголоидов — по узким «щелочкам» глаз.

Совсем недавно вышло в свет большое исследование мексиканского ученого Александра Вутенау, названное «Терракота в доколумбову эпоху». Ее автор, проанализировав десятки изображений людей на глиняной посуде и статуэтки Нового Света, относящиеся к периоду до прибытия европейцев, пришел к выводу, что люди эти являются представителями многих рас, а не одной «американоидной» подрасы, к которой относятся коренные жители Американского материка!

Еще в 1607 году Грегорио Гарсия в книге «Происхождение индейцев Нового Света» писал: «Индейцы не выходцы из одной какой-нибудь части Старого Света, они не прибыли все одним путем и в одно время. Некоторые из них, вероятно, потомки карфагенян, другие — жители погибшей Атлантиды, третьи — потомки греков, финикийян и, наконец, китайцев, татар и других групп». После того как около столетия назад родилась новая наука — американистика, — большинство ученых отвергло теории «полигенеза» индейцев, т. е. происхождения народов Америки от нескольких рас или народов, и получило широкое распространение противоположное мнение: индейцы происходят от небольшой кучки людей, достигших Нового Света из Азии много тысяч лет назад. Однако в последнее время эта доктрина (которую иногда сравнивают с пресловутой доктриной Монро: «Америка для американцев») начинает пересматриваться рядом исследователей. Они полагают, что контакт между Старым и Новым Светом не носил разовый, случайный характер, что полной изоляции не было. Впрочем, споры о том, кто же первым открыл Америку, споры о предшественниках Колумба, возникшие почти полтысячи лет назад и по сей день не прекращающиеся, требуют особого рассказа. К нему мы и перейдем в последней части книги, так и названной «Книга споров», ибо споры эти тесно связаны не только с науками о человеке, но и с науками о Земле.

Сегодня перед рассветом я взшел на вершину горы и увидел усыпанное звездами небо,
И сказал моей душе: «Когда мы овладеем всеми этими шарами вселенной, и всеми их уладами, и всеми их званьями, будет ли с нас довольно?»
И моя душа сказала: «Нет, этого мало для нас, мы пойдем мимо — и дальше».

Уолт Уитмен

СПОР О КОЛУМБЕ

«Америку открыл Колумб» — эту истину знает любой школьник. И, как всякая школьная истина, она справедлива. Да, действительно, мореплаватель Христофор Колумб 12 октября 1492 года обнаружил первый остров Нового Света, и эта дата вошла в историю как начало открытия Нового Света. Но был ли Колумб первым европейцем, увидевшим Америку? Или до «официального» его открытия мореплавателям Старого Света удалось побывать на американской земле? Спор о приоритете, о том, следует ли считать Колумба первооткрывателем Америки, длится очень давно и до сих пор его нельзя считать окончанным.

Прежде всего, не решен вопрос, кто же первым ступил на землю Американского континента (именно континента, а не островов Вест-Индии) — Джованни Кабот, Христофор Колумб или Америго Веспуччи. Историки географических открытий устанавливают такую хронологическую последовательность: Кабот достиг побережья Лабрадора (и, стало быть, материка Северной Америки) 24 июня 1497 года, Колумб — побережья Венесуэлы 1 августа 1498 года (Южная Америка), Веспуччи вместе с Охедой высадился на побережье Гвианы летом 1499 года. Однако и даты, и участки континента, достигнутые этими великими мореплавателями, спорны. Ведь только в начале XVI века земли на западе Атлантики получили название «Новый Свет», а до 1500 года все мореплаватели были убеждены, что достигли «Индии» и что острова — это часть Азиатского материка. Поэтому в дневниках их путешествий очень много противоречивых сведений.

Но это, так сказать, вопрос чисто формальный. А вот решение другого спорного вопроса имеет необычайно важное значение для истории Великих географических открытий. Действительно ли Колумб искал путь в Индию? Ведь в договоре от 17 апреля 1492 года, заключенном Колумбом с испанскими монархами, ни слова не говорится об «Индии» и других землях

Азии. Фердинанд и Изабелла жалуют Колумба званием адмирала «всех островов и материков, которые он лично и благодаря своему искусству откроет или приобретет в морях-океанах». И уже в середине XVI века испанский историк Лопес де Гомара в своей «Истории Индии» писал, что Колумб знал о неизвестных землях на западе Атлантики — о них ему поведал старый кормчий, который уже побывал за океаном, и даже передал судовой журнал и карту «острова Антилия».

Легенда об «анонимном кормчем» приводилась различными историками, а в начале нашего века американец Анри Виппо сделал ее одним из краеугольных камней своей «антиколумбистской теории», согласно которой Христофор Колумб и не думал плыть западным путем в Индию. На самом же деле он, присвоив чужие открытия, знал заранее, что за «морем-океаном» его ждут заселенные земли, право владеть которыми он и выторговал у испанских владык. Большинство историков географических открытий считает ныне легенду о старом кормчем, предшественнике Колумба, вымыслом. Однако и в советской, и в зарубежной печати по сей день появляются работы, где доказывается правдивость рассказа де Гомары.

Многие историки полагают, что открытие Америки было совершено до плавания Колумба мореходами не под испанским, а иным флагом. Причем, как правило, автор подобной гипотезы оказывается земляком этого предшественника Колумба. Португальские исследователи, например, доказывают, что их земляки достигли Бразилии в 1447 году, а в семидесятых-восемидесятых годах XV столетия совершали плавания не только к Азорам, но и дальше на запад, вплоть до Антильских островов и Южной Америки. Немецкие историки не раз пытались доказать, что Новый Свет открыл немец Мартин Бехайм. Например, еще в XVII веке один из них писал о том, что «наш согражданин Мартин... нашел до Христофора Колумба острова Америки и до Фернана Магеллана — пролив, который носит имя последнего». Однако «имена Колумба и Магеллана неслыханная слава разнесла по всему свету, а о нашем соотечественнике умолчали, хотя его по меньшей мере должно поставить в один ряд с морскими божествами». Поскольку Бехайм плавал под португальским флагом, то и португальские историки активно поддержали своих немецких коллег.

Французские историки поначалу объявили Колумба «корсиканцем», а так как эта выдумка была уж слишком неправдоподобной, обнаружили в архивах «юного капитана флота Жана Кузена», который открыл не только Америку, но и мыс Доброй Надежды, южную оконечность Африки. Современные исследователи считают историю капитана Кузена чистой воды выдумкой. Но в нашем веке во Франции появился ряд работ, где доказывается, что задолго до Колумба бретонские и нормандские рыбаки плавали через Атлантику к рыболовным отмелям у побережья Северной Америки. Ученые-баски полагают, что этими

рыбаками, открывшими Новый Свет, были их земляки (ведь и Аль Капо, завершивший кругосветное плавание Магеллана, был баском!).

Английские историки приписывают честь открытия Америки своему земляку Николасу Линну; еще в XVI веке была опубликована в Венеции так называемая «Книга Дзено», из которой явствовало, что не генуэзец Колумб, а венецианец Дзено открыл новые земли за океаном. Подвиг Колумба приписывается датским пиратам Пишпигу и Потхорсту (исследователями-датчанами) и поляку Яну из Кольна. Наконец, не так давно в печати появилось сообщение о том, что до Колумба Америку открыл... сам Колумб, в 1477 году, достигнув пролива между островами Дэвон и Баффиновой Землей во время плаванья в северных водах Атлантики!

СПОР О НАРОДАХ-МОРЕПЛАВАТЕЛЯХ

Не будем вдаваться слишком глубоко в спор «колумбистов» и «антиколумбистов», длящийся несколько столетий. Отметим лишь, что окончательно решить его помогут не только «раскопки» в архивах, но и раскопки археологов, в том числе — под водой. Ведь если суда баскских или других рыбаков действительно достигали берегов Нового Света, то, вне всякого сомнения, многие из них погибли и остались на дне Атлантики. Еще большую помощь может оказать археология — и «сухопутная», и «подводная» — в решении спора о народах-мореплавателях, который также возник очень давно. Если спор о Колумбе вращается в основном вокруг вопроса «знал ли Колумб заранее о существовании Америки?», то спор о народах-мореплавателях имеет немаловажное значение для решения многих вопросов, связанных с историей народов Нового Света и происхождением индейских цивилизаций.

Раскопки археологов начинают подтверждать правоту исландских саг, говорящих о плаваниях за океан. Но можно с полной уверенностью утверждать, что колонии викингов в Америке, находившиеся гораздо севернее земель майя, астеков и др., не оказали сильного влияния на культуру народов Центральной Америки и даже на соседние индейские племена. Некоторые исследователи полагают, что норманнов опередили ирландцы и другие кельтские народы и что именно им принадлежит честь открытия Нового Света. Вокруг этой гипотезы то и дело возникают споры. Но даже если они решатся в пользу кельтов, то и тогда мы не сможем говорить о культурном влиянии народов Европы на цивилизации доколумбовой Америки. Однако не только кельтам приписывается честь открытия Нового Света — причем не просто открытия, но и основания культур Америки!

Еще в XVI веке высказывались мысли о том, что создателями цивилизаций майя, инков и других индейских народов были атланты Платона. И в нашем веке теме «Америка и Атлантида»

посвящены книги и статьи. Только одни исследователи полагают, что индейцы это и есть сами атланты, другие видят в них наследников культуры погибшего материка, а третьи считают, что легендарный материк в Атлантике служил связующим звеном в древних контактах Старого Света и Америки. В том же XVI веке появилась не менее романтическая и не более аргументированная теория, согласно которой жители Америки — потомки пропавших «десяти колен Израилевых», упомянутых в Библии. В США существует религиозная секта мормонов, согласно учению которой индейцы являются потомками сынов Израиля, переплывших океан и достигших Нового Света. Когда они отпали от бога, тот наказал их за грехи красным цветом кожи.

Происхождение древних американских культур связывалось с египтянами и шумерами, финикийцами и критянами, буддийскими монахами из Китая и хеттами из Малой Азии, индийцами и кельтами и многими, многими другими народами, пришедшими из Старого Света — Европы, Азии или Африки. В настоящее время подавляющая часть американистов считает доказанным, что древние культуры майя, инков и их предшественников созданы самими индейцами. Но это, однако, не снимает вопроса о народах-мореплавателях, которые могли пересекать Атлантику (может быть, планомерно, а скорее всего, случайно, ибо течения препятствуют возвращению от берегов Америки в Европу или Африку). Суда критян и финикийцев, греков и карфагенян, этрусков и жителей загадочного Тартесса, римлян и древних египтян могли заходить в воды Атлантики, а оттуда, подхваченные течениями или бурями, — попадать к берегам Нового Света. Такую возможность не отрицает ни один серьезный исследователь — будь то американист или историк Древнего мира. Но есть ли доказательства подобных посещений Америки?

Сходство пирамид, созданных индейцами Мексики и других центральноамериканских стран, и древнейших египетских, также имеющих «ступенчатую» конструкцию, паводило на мысль о том, что между страной пирамид, Египтом, и Центральной Америкой (где пирамид в несколько раз больше, чем подобных же сооружений в «долине пирамид» на Ниле) существовали контакты. Английские исследователи Перри и Смит в начале нынешнего века доказывали, что не только культуры Старого Света, но и доколумбовы цивилизации Америки созданы под влиянием жителей Египта. В наши дни теория «панегиптизма» не находит сторонников даже среди египтологов, не говоря уже о тех, кто изучает другие древние культуры. Однако это еще не означает, что суда египтян не могли достичь Нового Света за тысячи лет до Колумба. Недавнее плавание Тура Хейердала на «Ра» показало, что берегов Америки можно достигнуть даже на папирусной лодке (прежде считалось, что древние египтяне плавали на таких лодках по Нилу, а в море выходили на судах из ливанского кедра). Газуется, и это признает сам Хейердал, то, что он добрался от берегов Марокко до островов Вест-Индии,

еще не доказывает открытие Нового Света жителями страны пирамид. И все-таки эксперимент Хейердала сыграл свою роль. Подобно тому, как его первое плавание на плоту «Кон-Тики» привлекло внимание к проблеме контактов полинезийцев и жителей древнего Перу, переход через Атлантику на папирусной лодке «Ра» возбудил интерес мировой научной общественности и заставил по-новому взглянуть на такую, казалось бы, решенную проблему, как связь между Египтом и Центральной Америкой (подавляющая часть ученых считала вопрос об этих связях устаревшим и давно сданным в архив).

Считается несомненным, что финикийцы и карфагеняне выходили в Атлантику. По всей вероятности, они решались совершать далекие плавания не только на север и на юг, вдоль побережья Европы и Африки, но и на запад, в открытый океан. Только приняв это предположение за истинное, можно разумно объяснить находку клада карфагенских монет на острове Корву в Азорском архипелаге. Достигали ли финикийцы Америки? И это не исключено. Только, к сожалению, и по сей день не удалось найти вещественных доказательств посещения Нового Света моряками из Финикии или Карфагена. Правда, время от времени появляются сенсационные сообщения о находке финикийских надписей в Новом Свете. Но очень скоро следуют разоблачения специалистов — все они оказываются бессовестными подделками. Причем фальсификаторы зачастую прибегают к ловкому приему: они учитывают все замечания ученых, доказывающих, что «финикийская надпись» является подделкой, а затем заново стряпают новую фальшивку, так сказать, в отредактированном виде.

В печати появлялись сообщения о находках в Америке не только финикийских, но и античных предметов, монет, статуэток. Однако обстоятельства этих сенсационных находок неизменно вызвали подозрение в фальсификации. Между тем корабли греков и римлян, точно так же как финикийские и карфагенские суда (а возможно, такая судьба постигала и корабли жителей Крита, первых мореходов Атлантики), могли быть отнесены течениями или бурями к берегам Америки. История мореплавания знает немало случаев, когда суда не по своей воле оказывались в Новом Свете, совершая рейсы вдоль атлантического побережья Европы или Африки. Так, в 1731 году небольшое каботажное судно, везшее вино с острова Тенерифе (Канарский архипелаг) на соседний остров Гомера, было отнесено к берегам острова Тринидад возле побережья Южной Америки. Из этого же района Канарских островов в середине XVIII века к берегам Венесуэлы отнесло барку с зерном. Корабли античности, финикийские и критские суда могли подобным же образом попасть в Новый Свет.

Но между возможностью и действительностью есть разница. Если бы археологам-подводникам удалось найти на дне Атлантики остатки древних судов — это было бы подлинной, а не

дутой сенсацией, это было бы решающим словом в споре о народах-мореплавателях, предшественниках Колумба. На побережье Венесуэлы не так давно случайно был найден глиняный кувшин, зарытый на берегу, у самой кромки прибоя, в котором находились римские монеты IV века н. э. Что это? Очередная фальсификация? Или же, как пишет советский американист В. И. Гуляев в книге «Америка и Старый Свет в доколумбову эпоху», место находки «лишний раз доказывает, что клад спрятал человек, хорошо знавший цену деньгам. Скорее всего, они принадлежали одному из пассажиров римского судна, потерпевшего крушение у пустынного венесуэльского побережья».

Проверить эту гипотезу можно лишь с помощью подводных исследований, в ходе которых, быть может, удастся отыскать останки древнего корабля, пощажённого временем (ведь находили же у берегов Европы и Африки обломки судов, плававших не в IV веке н. э., а на добрую тысячу лет раньше!).

СПОР ОБ ОСТРОВАХ

Исследование дна Атлантики и ее морей, возможно, разрешит раз и навсегда давний спор о предшественниках Колумба. Но решение этого спора связано не только с находками затонувших судов (кстати сказать, подводная археология не так давно породила еще один спор: является ли каравеллой великого мореплавателя судно, обнаруженное в прибрежных водах Гаити, или нет — вспомните «Книгу кораблей»), но и с вопросом об островах Атлантики. Ведь многие «антиколумбианцы» утверждают, будто легендарные земли на старинных картах — не что иное, как острова Вест-Индии и других земель Нового Света. В то же время защитники Колумба приводят множество веских доказательств, говорящих о том, что Америка не была известна жителям Европы ни в эпоху раннего средневековья, ни во времена античности. Существование же островов на старинных картах Атлантики они объясняют ошибками картографов, миражами, легендами об «островах Блаженных», «Елисейских полях» и т. п.

Данные океанографии говорят, что когда-то в Атлантическом океане и его морях островов было больше, чем ныне, но они исчезли, поглощенные водой, и объяснить это можно либо повышением уровня Мирового океана, либо опусканием земной коры, либо интенсивной вулканической и сейсмической деятельностью (вспомним «провал» Лиссабонского причала). Значит, возможно еще одно решение давнего спора «антиколумбианцев» и защитников Колумба: легендарные острова — это и не Америка, и не ошибки и миражи, а затонувшие земли Атлантики.

Приняв эту гипотезу, мы можем объяснить не только спорные вопросы открытия Нового Света, но и загадку Оловянных островов, далекого Туле, Янтарного острова, «страны, объятаой огнем», мимо которой проплывал Гаиноп, наконец, внести ясность в спор об островах, посещенных Одиссеем, — спор, который на добрых

два тысячелетия старше спора о Колумбе. Однако та же самая наука об океане говорит, что гибель островов в большинстве случаев происходила в очень давние времена — миллионы, в крайнем случае, десятки тысяч лет назад, но уж никак не в эпоху средневековья.

На старинных картах остров Антилия показан с изрезанными берегами, так же, как и остров Семи Городов, с которым его многие картографы отождествляли. Очертания его береговой линии удивительным образом совпадают с очертаниями Средне-Атлантического хребта в районе Азорских островов. Казалось бы, все ясно: о хребте, находящемся под толщей океанских вод, в ту эпоху люди знать не могли, зато на одной из карт имеется пометка, что последний корабль посещал «остров Семи Городов» в 1414 году. Значит, тогда — или раньше — и была составлена карта острова, который затем исчез на дне Атлантики... Однако, погружения отдельных участков хребта в этом районе океана если и имели место, то очень давно, во всяком случае не 500 и даже не 5000 лет назад. Объяснить же происхождение извилистой береговой линии острова Семи Городов и Антилии можно и не прибегая к данным океанографии. В «Книге островов» мы приводили любопытную цепочку, превратившую горы на полуострове Сеута в таинственный остров в Атлантике: «полуостров с горами Семи Братьев» — «остров Семи Братьев» — «остров Семи Монахов» — «остров Семи Епископов» — «остров Семи Городов» (которые основали епископы). Каждый из мифических городов средневековые картографы наделили бухтой, отсюда и образовались причудливые линии острова Семи Городов, а затем и Антилии!

Правда, и это объяснение может вызвать полемику. Одни исследователи утверждают, что Антилия появилась на старинных картах лишь в XV веке, другие — в XIV, третьи находят упоминания об этом загадочном острове в арабских и даже в античных источниках. К тому же не всегда на картах обозначено именно семь бухт на острове Семи Городов и Антилии, да и сами эти земли иногда показаны в виде ромба... Словом, спор об этих загадочных землях не завершен, так же как и спор о других легендарных островах Атлантики. Ясно только одно: океанография и морская геология позволяют взглянуть на давние споры о Колумбе, о народах-мореплавателях древности, о легендарных островах Атлантики, о странах, посещенных Одиссеем, под новым и интересным углом зрения. Вполне естественно, что здесь могут и должны возникнуть новые споры, в которых, однако, кроме историков географических открытий, археологов, античников, американистов, египтологов и других представителей гуманитарных дисциплин, должны принять участие и океанологи, геологи, геофизики, вулканологи и многие другие ученые, изучающие строение нашей планеты, ее настоящее и прошлое.

СПОР О ЗАТОНУВШИХ ЗЕМЛЯХ

Еще большие споры вызывают гипотезы, связывающие судьбы древних цивилизаций с опусканием больших участков суши в океане и морях Атлантики, населенных когда-то людьми, достигшими высокого уровня развития культуры. Споры эти, пожалуй, самые давние: они начались с тех пор, как Платон поведал о гибели Атлантиды. Но не только и не столько Атлантида должна, на наш взгляд, привлекать внимание наук о человеке и наук о Земле. В Атлантике и ее морях можно насчитать более десятка гипотетических земель, позднее опустившихся под воду, которые могли быть связаны либо с историей древних цивилизаций, либо, что более вероятно, с расселением человечества 10 000, 20 000, 30 000 лет назад.

Топонимика, наука, изучающая происхождение географических названий, может отметить рождение новых топонимических суффиксов, которые используются исследователями для образования наименований гипотетических затонувших земель: «-ида» и «-ия» (Атлантида, Арктида, Берингия и т. п.). Археологи обнаружили в Азовском море и Керченском проливе руины древних поселений, а геологи предполагают, что когда-то воды Азовского моря простирались вплоть до Каспия. Крым в те времена был не полуостровом, а островом. Затем размеры Азовского моря сильно сократились и появились большие участки суши, которые ныне вновь поглощены морем. В древности оно именовалось Меотийским озером (греками; римляне же называли его «Меотийским болотом»), поэтому мы вправе именовать сущу, затопленную в наши дни водами Азовского моря, **Меотидой**. Возможно, на дне этого моря сохранились руины не только античных поселений и городов (ведь их можно назвать не затопленными, а скорей «полузатопленными» — вспомните рассказ о «городах, погруженных по пояса!»), но и более древних поселений или стоянок первобытных людей. Так ли это — покажут лишь тщательные исследования археологов-подводников.

Интересное поле деятельности для археологов представляет исследование **Понтиды** — затопленных участков Черноморского побережья Советского Союза, Болгарии, Турции, Румынии. Археологи уже изучают древние античные порты, оказавшиеся на дне Понта Эвксинского (например, Диоскурию). Дальнейшие раскопки под водой помогут четко разграничить Понтиду геологическую и Понтиду историческую, то есть участки суши, поглощенные водой до существования человека разумного, и участки, затопленные морем и когда-то населенные людьми.

Греческая мифология говорит о том, что некогда Черное море было отделено от Эгейского сушей, но затем, во время так называемого Дарданова потопа, «перемычка» была прорвана и моря соединились через Босфор и Дарданеллы. Геологи наших дней считают, что это имело место 8000—9000 лет назад. Археологи нашли в Малой Азии поселения (и даже города), существо-

вание которых датируется тем же временем. Как отразилась гибель «перемычки» (назовем ее **Босфоридой**) на судьбах древнейших жителей Малой Азии и Балкан (где также были в ту эпоху поселения людей неолита)? И почему греки, появившиеся в этом районе несколько тысяч лет спустя, сохранили воспоминания (пусть облеченные в мифическую оболочку) о великом «прорыве» и затоплении Босфориды? Послужили ли источником для мифов о Дардановом потоке еще более древние предания абorigенов этих мест, ставшие известными грекам? Или же перемычка была прорвана не 8000—9000 лет назад, а позже? Чтобы ответить на эти вопросы, следует привлечь данные сразу нескольких наук — геологии и фольклористики, подводной археологии и археологии «наземной», океанологии и антропологии. Причем полученные результаты представляют ценность не только для наук о человеке, но и наук о Земле, ибо помогут установить точную дату «прорыва» и соединения Черного моря с Эгейским.

«Как известно, в настоящее время признают, что опускания, давшие начало Эгейскому морю, произошли, говоря геологически, совсем недавно, в четвертичное время, — быть может, уже на памяти человека, — писал академик Л. С. Берг, полагая, что представление о природе древнего материка — **Эгеиды** — могут дать его обломки: современные Кикладские острова, Крит, Хиос. Последние преобразования Эгеиды имели место в XV веке до н. э. (вспомните извержение вулкана и гибель большей части острова Санторин) и даже 2000 лет спустя, когда порты западного Крита оказались вдалеке от моря, а на восточном берегу острова ушли под воду Херсонес и другие древние города. Возможно, еще раньше в Эгейском море происходили и более грандиозные катастрофы. Например, согласно древнегреческому мифу о другом великом потопе, названном Огигесовым (по имени дая Аттики), когда-то начали действовать все вулканы Эгейского моря, девять месяцев царила ночь (вспомним рождение новой суши в Азореком архипелаге, где тучи вулканического пепла превратили день в ночь), а гигантские волны потопа нахлынули на Аттику и на несколько десятилетий превратили ее в необитаемую страну (и этому мифу мы можем найти подтверждение с позиций наук о Земле — ведь извержения вулканов часто сопровождаются волнами цунами, например при взрыве Кракатау и т. п.).

Таким образом, судьбы Эгеиды интересны не только геологам и океанологам, но и археологам, этнологам, историкам Древнего мира. То же самое можно сказать об **Адриатиде**, землях, поглощенных водами Адриатики (а, как вы помните, здесь под водой находятся города Спина, Бибион, Коинка, Метамауко, и, если не принять срочные меры, вскоре за ними последует и Венеция), **Тиррениде** (воды Тирренского моря поглотили несколько этрусских городов; по мнению геологов, на месте этого моря когда-то была суша, последние остатки которой могли исчезнуть в эпоху появления человечества), **Мальтиде**, соединявшей Сицилию и

Африку (этим сухопутным «мостом», вероятно, пользовались древние негроиды, останки которых найдены в Италии, а последние его остатки исчезли сравнительно недавно, о чем свидетельствует находка древних сооружений у острова Линос), **Аквитаниде** (затопленные участки побережья Южной Франции, где также найдены руины древних городов), **Тартессиде** (вероятно, ушедшей на дно Средиземного моря вместе с загадочным Тартессом, который тщетно пытаются отыскать на юге Испании), **Тритониде**, быть может, находящейся ныне на дне залива Большой Сырт или Габес?

Меотида, Понтида, Босфориды, Эгеида, Адриатида, Тирренида, Мальтида, Аквитанида, Тартессиды, Тритониды — десять гипотетических затонувших земель только на дне внутренних морей Атлантики! Десять загадок, которые предстоит решить наукам о Земле в содружестве с науками о человеке, ибо только такое содружество сможет четко очертить «геологические» и «исторические» земли и показать, в каких масштабах движения земной коры и наступление моря влияли на судьбы народов древности, начиная с эпохи палеолита и кончая расцветом цивилизации Крита, Греции, Этрурии.

В Северной Атлантике наступление моря на сушу продолжается и поныне, о чем свидетельствует героическая борьба голландцев за свою страну, постоянно находящуюся под угрозой затопления. За истекшие тысячелетия море проглотило огромные участки суши, на дно ушли не только стоянки первобытных людей (их находят на дне Балтики и Северного моря), но и города, вроде Негеле или Рунгольта, и острова, вроде исчезнувшего Абалуса или исчезающего Гельгоlanda. Поиск затонувших городов, земель и островов в этом районе только-только начинается, еще не найдена легендарная славянская Винета и сказочные кельтские Ис, Лионесс, Авалон. Геологи считают, что когда-то Гибралтарский пролив был занят сухопутной «перемычкой», соединявшей Африку с Испанией и по этому мосту люди палеолита могли мигрировать с одного континента на другой. Но почему о «прорыве Гибралтара» пишут и некоторые античные авторы, далекие от геологии? Не произошел ли он, подобно «дарданелльскому прорыву», всего лишь несколько тысяч лет назад, уже на памяти людей, и не просто «человека разумного», а стоящего на довольно высоком уровне развития культуры?

Еще более широкое поле для поисков и дискуссий предоставляет сам Атлантический океан. Существовала ли **Канарида**, земля, объединяющая все острова Канарского архипелага воедино и когда-то связанная с Африканским материком? И если да, то не связано ли с ней решение загадки гуанчей, не знавших простейших навыков мореходства и каким-то образом очутившихся на островах? Или, может быть, гуанчи воспользовались другим «мостом», тянувшимся от берегов Пиренейского полуострова к Канарам, о котором напоминают нам лишь подводные горы архипелага Подковы?

время измеряется миллионами, десятками миллионов лет и, наконец, самые ранние этапы этой истории меряются сотнями миллионов и даже миллиардами лет.

Но, какими бы короткими или длинными отрезками времени ни оперировали ученые, твердых, установленных в абсолютной уверенности дат у них почти нет. И чем дальше в глубь истории человечества или планеты мы уходим, тем больше разногласий, тем значительнее «разброс» в датировках. Вот почему споры о датах не утихают по сей день среди антропологов и океанологов, археологов и геологов. Причем представители наук о человеке полагают, что точными датами ее оперируют люди, изучающие «мертвую материю», а геологи и океанографы, напротив, думают, что точность датировок доступна лишь гуманитарным наукам.

Археологи получили не так давно замечательные «часы», основанные на скорости распада изотопа радиоактивного углерода C_{14} . С их помощью они могут определять возраст первобытных стоянок древних сооружений (если в их состав входило дерево или какое-либо другое вещество органического происхождения). Однако, во-первых, отрезок времени, который позволяет датировать «радиоактивные часы», невелик по сравнению с историей первобытного человечества: он охватывает около 60 000 лет, а та насчитывает миллион, возможно, и все два миллиона лет. Во-вторых, в датировках возможен «разброс» данных с отклонением в ту или иную сторону до 50, 100 и более лет. Между тем в ряде случаев непременно нужно иметь точную датировку (например, загадочные Кумранские рукописи: «верхняя дата» говорит, что они созданы после официальной даты «рождения Христа», а «нижняя дата», напротив, свидетельствует в пользу того, что учение Христа возникло уже после написания «рукописей Мертвого моря», — т. е. решение одного из кардинальнейших вопросов возникновения христианства зависит от выбора «верхней», «средней» или «нижней» даты; выбор же этот исследователи делают, исходя из своих собственных концепций, следовательно, субъективно, а не объективно.

Древние хроники и летописи указывают, казалось бы, точные даты: «в таком-то году от сотворения мира», «в таком-то году от рождения Христова», «в таком-то году от рождения Будды», «в таком-то году хиджры» и т. п. Однако в большинстве случаев мы не знаем точной даты самой «точки отсчета» — например, дата рождения Будды-Шакьямуни, по словам самих буддистов, принимается условно. Что же говорить о «точках отсчета» вавилонских, египетских, хеттских хроник! У египтологов существует несколько датировок правления династий фараонов, причем расхождения достигают нескольких столетий. Но это, так сказать, мнение «академической египтологии».

Франсуа Шампольон, основываясь на показаниях одного из древних папирусов, пайденных им в Турине, полагал, что объединение Египта под властью царя Менеса произошло около

8000 лет назад, в 5867 году до н. э., а сама цивилизация Египта возникла в 9850 году до н. э. Астроном Л. Филиппов, изучив египетские календари, отнес эту дату к 7256 году до н. э. (прибытие бога Тота в Египет). Другие исследователи, также основываясь на данных египетских календарей, получали даты 11 000, 11 542 года до н. э. и даже 13 миллионов лет! Зато почетный академик Н. А. Морозов, наоборот, резко «ужал» египетскую хронологию: по его выкладкам, возраст пирамид измеряется не тысячелетиями, а столетиями, ибо созданы они в V—VI веках нашей эры, т. е. в эпоху раннего средневековья (!?).

Мы не будем вдаваться в полемику о времени рождения цивилизации Египта, да и в другие споры о датах, которые ведут не только египтологи, но и ассириологи, индологи, археологи, этнографы и многие другие специалисты в области гуманитарных наук. Ясно одно: подавляющее большинство дат спорно. Твердо установленных, «железных» датировок почти нет — и не только для первобытной истории, но и для истории Древнего мира и даже эпохи раннего средневековья. Так, до сих пор окончательно не определены точные хронологические рамки существования великой Кушанской державы, объединявшей северную Индию, Среднюю Азию, Афганистан, Иран, Западный Пакистан и простиравшуюся от Аральского моря до Индийского океана, государства, соперничавшего с великими державами Старого Света и просуществовавшего полтысячи лет!

Спорно и большинство дат в науках о Земле. Причем масштаб «размаха» датировок поистине астрономический — от тысячелетий до миллиардов лет! Возьмем, например, один из самых важных для истории Атлантики и всей нашей планеты вопросов — вопрос о возрасте Срединно-Атлантического хребта.

СПОР О ХРЕБТЕ

Не так давно с поверхности Срединного хребта был поднят базальтовый валун. Его исследовали с помощью новейших методов: оказалось, что породы, слагающие валун, выкристаллизовались из расплавленного материала менее 10 миллионов лет назад. Но говорит ли возраст валуна о возрасте всего Срединного хребта, а тем более — о возрасте всей Атлантики? Конечно же, нет. Валун мог быть принесен в океан айсбергом, мог и оказаться в данном районе океана спустя многие миллионы лет после того, как сформировался Срединный хребет. Судить о возрасте океана по возрасту базальтового валуна — это, по меткому замечанию профессора О. К. Леонтьева, «будет равнозначно тому, что о возрасте обнаруженной при раскопках культуры судить по зубной щетке, случайно оброненной одним из участников археологических раскопок в котлован».

Еще в прошлом веке при ремонте трансатлантического кабеля в районе Срединного хребта Атлантики с глубины более чем 3 километров был поднят тахилит, кусок стекловидной лавы,

имевший очень «молодой» вид. Французский геолог Пьер Термье, изучив находку, пришел к выводу, что тахилит образовался не под водой, а на воздухе и всего-навсего 15 000 лет назад. «Вывод неизбежен, — писал Термье, — суша, находившаяся в 900 км к северу от Азорских островов, а может быть, включая и эти острова, погрузилась в морскую пучину в пору относительно такую недавнюю, что геологи называют ее «настоящей»; да и в самом деле, это как бы вчерашний день для нас, сегодняшних». Однако «неизбежный» вывод Термье был подвергнут строгой критике многими геологами и океанологами, показавшими, что тахилит мог образоваться и на дне Атлантики, причем нет никаких серьезных оснований датировать его рождение временем в 15 тысячелетий.

С вершины подводной горы, находящейся на отрогах Срединно-Атлантического хребта и названной, в честь американского океанографического судна, Атлантис («Атлантида»), подняли около тонны плоских дисков, сложенных известняком, так называемых морских бисквитов. Радпоуглеродный анализ показал (ведь «бисквиты» образованы остатками органических существ!), что возраст этих странных дисков порядка 12 000 лет. Но ведь и эта дата, совпадающая с датой гибели Атлантиды, приводимой Платоном, также не говорит ни о возрасте хребта, ни о возрасте Атлантики, ни о реальности платоновской Атлантиды!

Более надежные датировки, казалось бы, должны дать не случайные и «отрывочные» находки на дне океана, вроде валунов, тахилитов или известняковых дисков, а тщательный «сплошной» анализ осадков, устилающих подводную страну в центре Атлантики, измерение их мощности и последующие расчеты, которые позволят вычислить время, потребовавшееся на образование слоя такой-то и такой-то толщины. Однако и здесь имеется очень много «по».

Во-первых, не всегда, не во все эпохи развития нашей планеты и существования Атлантики скорость выпадения осадков была постоянной: могли быть более «урожайные» на осадки эпохи и менее «урожайные» — ведь на осадочный «урожай» влияют многие факторы, включая скорость течений, выветривание пород на материках, вулканическую деятельность, неблагоприятный температурный режим, вызывающий гибель тех или иных микроорганизмов, и т. д., и т. п. Во-вторых, осадочный слой в течение долгих лет мог уплотняться, сжиматься, утрамбовываться, словом, «слеживаться» — и у нас нет надежных методов, с помощью которых по плотности осадков можно было бы рассчитать их возраст. В третьих, Срединно-Атлантический хребет является районом сильных землетрясений, надводных и подводных. Оползни, возникающие при этом, конечно, сильно искажают и смещают естественную стратификацию осадков на дне океана в районе хребта. В-четвертых, следует еще учитывать придонные течения, смыывающие осадки в ущелья, впадины и «карманы», которыми изобилует величественная подводная стра-

па — Срединно-Атлантический хребет. В результате в научной литературе можно встретить самые различные датировки образования хребта, основанные на таких, казалось бы, бесспорных и надежных данных, как анализ донных осадков.

Но, может быть, точные данные можно получить, если исследовать не осадки, а сами горные породы, слагающие Срединно-Атлантический хребет? Однако и здесь существуют свои трудности, и, как следствие их, различные исследователи определяют возраст хребта по-разному. С вершины подводной горы Метеор, относящейся к этому хребту и расположенной к югу от Азорского плато, подняты коралловые известняки. Возраст их датируется меловым периодом, значит, они образовались в эпоху, отстоящую от нас на 70 000 000—140 000 000 лет. Срединно-Атлантический хребет должен был существовать в то время, по крайней мере на участке к югу от Азорского архипелага, и быть погружен под воду, только не очень глубоко (ведь кораллы могут жить лишь на глубинах не более 60 метров). Но в то же время другие данные (анализы образцов горных пород, поднятых драгой с хребта) говорят, что хребет гораздо моложе — возраст его насчитывает 30, 20, 10 миллионов и даже 1 миллион лет!

Любопытно, что этот «юный» хребет оказался в несколько раз старше осадков, лежащих на гребне и на дне Срединной долины, его рассекающей. Казалось бы, отсюда следует неизбежный вывод: когда-то хребет не был подводным, он выходил на поверхность океана. Но... вспомним, что говорилось выше о ненадежности датировки с помощью донных осадков. Всякий окончательный вывод при таком «разбросе» данных был бы преждевременным. К тому же, «разброс» дают не только данные об осадках, но и данные о возрасте горных пород.

Судите сами: минимальный возраст хребта, определенный в 1966 году французским геофизиком Ле Пишоном, оценивается величиной порядка одного миллиона лет. Отдельные части Срединно-Атлантического хребта, как вы помните, выходят на поверхность океана в виде островов, будь то огромная Исландия или небольшие скалы, вроде скал Святого Павла. Последние, о чем мы также говорили, находятся в одном из самых «горячих» участков хребта, в районе частых землетрясений, тут в 1932 году даже образовался, а затем вновь ушел на дно небольшой вулканический остров. Когда же были изучены горные породы, слагающие скалы островка Святого Павла, оказалось, что их возраст равен не миллиону и не десятку миллионов лет, а... четырем с половиной миллиардам лет, т. е. значительно превышает возраст даже самых древних материков!

Как видите, получается весьма солидная степень «разброса» датировок Срединного хребта — от 1 000 000 до 4 500 000 000 лет — первая дата «старше» второй ни много ни мало, как в 4500 (!) раз. К тому же, как замечает О. К. Леонтьев, возраст скал Святого Павла может быть «отнюдь не идентичен возрасту самого хребта».

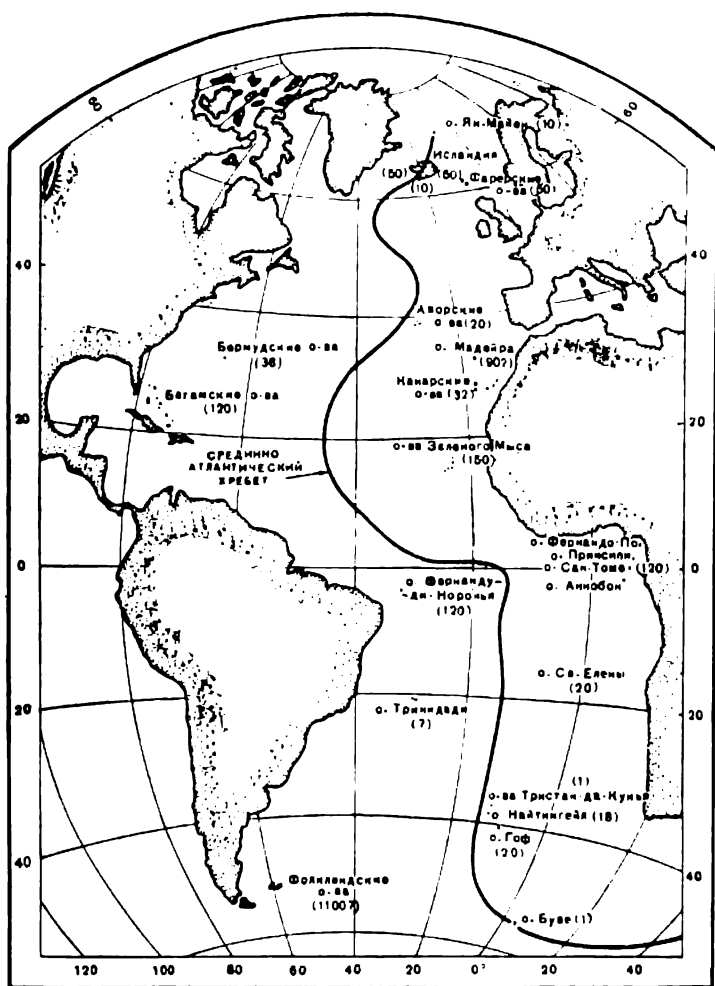
СПОР О ДРЕЙФУЮЩИХ МАТЕРИКАХ

Датировка образования скал Святого Павла интересна еще в одном отношении. После того как были открыты новые методы датирования, удалось определить возраст почти всех островов, и малых, и больших, которые являются частями Срединно-Атлантического хребта или же расположены «по бокам» от него, на западе и востоке. Причем здесь выявилась любопытнейшая закономерность: чем ближе к хребту находятся острова, тем они младше. И наоборот, чем дальше на восток или на запад они отстоят, тем они древнее. Острова Тристан-да-Кунья и далекий остров Буве на юге Атлантики находятся почти на самой осевой линии хребта — и возраст их насчитывает всего лишь миллион лет.

Исландия также находится на хребте, и она также молода геологически — ее возраст 10 000 000 лет. А вот Фарерские острова образовались значительно раньше, 50 000 000 лет назад, — и они удалены от оси хребта. Возраст Бермудских островов, расположенных западнее Срединного хребта, равен 36 000 000 лет, а Багамских, лежащих еще далее к западу, — 120 000 000 лет. Такая же картина и на востоке: Азорские острова, часть которых лежит на хребте, а часть в стороне от него, имеют возраст 20 000 000 лет, Канарские острова — 32 000 000, а еще более удаленные к востоку от хребта острова Зеленого Мыса — 150 000 000 лет.

Чем объяснить такую закономерность? Не тем ли, что хребет — да и вся Атлантика — возникли около 180—200 миллионов лет назад, после того как начал распадаться единый материк и Африка с Европой «поплыли» в одну сторону, а все три Америки — в другую? Так считают сторонники теории «дрейфа континентов», одной из самых неожиданных, захватывающих — и вместе с тем самых спорных! — гипотез, объясняющих происхождение океанов и материков.

Нет нужды рассказывать о спорах вокруг дрейфа континентов — их суть прекрасно изложена в брошюре П. С. Воронова «Дрейф континентов: за и против» (Ленинград, 1968) и в популярной книге японских геофизиков Такеучи, Уэда, Канамори «Двигутся ли материки?», вышедшей в 1970 году издательством «Мир». На русском языке еще в двадцатые годы опубликован труд самого Вегенера «Происхождение материков и океанов», а данные современных наук суммированы в статьях сборников «Проблемы перемещения материков» (1963) и «Дрейф континентов» (1966). Отметим лишь, что спор о дрейфе континентов оказывается неразрывно связан с проблемами происхождения Атлантики. Ведь если сторонники этой гипотезы правы, значит, Атлантического океана (так же, как и Индийского) когда-то не было, он является гигантской «щелью», образовавшейся менее 200 000 000 лет назад и за истекшее время превратившейся в нынешний океан.

Возраст островов Атлантического океана, определенный по возрасту самых древних горных пород, найденных на этих островах. Возраст островов указан в миллионах лет. (По Х. Такеучи, С. Уэда, Х. Канамори.)

Особое внимание сторонники теории «плывущих континентов» уделяют Срединно-Атлантическому хребту и его рифтовой долине. По их мнению, эта гигантская трещина в коре и была той самой первичной «щелью», которая породила затем современный Атлантический океан. Наиболее ярко обосновал эту гипотезу канадский ученый Дж. Вильсон. Он полагает, что все вулканические острова, находящиеся в Атлантике, рождены на Срединном хребте, а затем двинулись на запад и восток, «по пятам» уходящих материков — вот почему, чем дальше они находятся от Срединно-Атлантического хребта, тем больше их возраст. Вильсон пробует найти решение двух давних загадок: почему со дна Атлантики ни разу не удалось поднять породы, возраст которых превышал бы 200 000 000 лет, и почему дно океана покрыто сравнительно тонким слоем осадков, всего лишь в несколько сотен метров? Ведь слой этот должен быть несравненно толще, если считать, что Атлантика возникла очень давно, еще в эпоху формирования нашей планеты? Согласно Вильсону, дно Атлантического океана не только молодо, оно все время меняется, обновляясь и перемещаясь. И эту точку зрения разделяют многие геологи и океанографы.

Казалось бы, загадка Атлантики решена, но... это только на первый взгляд. Как объяснить тогда древность скал Святого Павла? Они находятся в самом что ни на есть центре Срединно-Атлантического хребта, однако возраст их в тысячи раз больше того, какой бы должен быть, если прав Вильсон и сторонники дрейфа континентов. Толщина же слоя осадков, как мы говорили выше, не может служить надежными «часамп», показывающими время рождения океана. К тому же датировка с помощью радиоактивного углерода показала, что в прошлом скорость накопления осадков была значительно меньше, чем ныне. И если принять, что осадки накапливались со скоростью вдвое меньшей, чем в наши дни, то и «тонкий» слой может свидетельствовать о весьма солидном возрасте Атлантики. Такой «пересчет» показывает, что океан существует не 150 000 000—200 000 000 лет, как считают сторонники дрейфа континентов, а 556 000 000 или 824 000 000 лет (возраст западной и восточной частей Атлантики соответственно).

СПОР ОБ ОКЕАНЕ, СПОР О ПЛАНЕТЕ, СПОР О КОСМОСЕ...

Конечно, скорость выпадения осадков — не очень надежный показатель возраста Атлантики. Быть может, темп накопления осадков был еще ниже, чем мы сейчас говорили, — тогда возраст Атлантики превосходит миллиард лет. Или, наоборот, выше — в этом случае океан должен быть значительно моложе. Нетрудно заметить, что спор о датах здесь переходит в дискуссию еще большего масштаба — о происхождении океанов вообще и Атлантики в частности, который, в свою очередь, порождает спор

еще большего порядка — о происхождении и развитии нашей планеты в древнейшие времена. А тот, опять-таки, перерастает в новый спор, уже космических масштабов, — как и когда образовалась Земля, часть Солнечной системы, какие механизмы действуют внутри нашей планеты и чем она отличается от других планет. Однако и тут еще не предел: ведь в конечном итоге мы переходим на самый высший, наиболее масштабный — и по охвату пространства, и по масштабу времени — уровень — к спорам о происхождении Солнечной системы и Галактики, об эволюции галактик, наконец, о судьбах и рождении Метагалактики, за пределы которой не удалось проникнуть пока что ни одному телескопу (а возможно, если учесть эйнштейново «искривление пространства» массой, то и не удастся). Океанология перерастает в планетологию, планетология — в космологию...

Более века назад американский геолог Дан выдвинул тезис: «Океан — всегда океан». Ныне гипотеза первозданности океанов формулируется следующим образом: «Великие океанические бассейны являются постоянной особенностью поверхности Земли, и они существовали там же, где находятся теперь, с незначительными изменениями очертаний с тех пор, как воды впервые возникли». Разумеется, здесь нет той извечности и монументальности библейского «сотворения вод», раз и навсегда, без всяких коренных изменений и преобразований. Изменения в лике Земли происходили, рождались новые острова, меняли очертания берега материков, а вместе с ними менялись очертания морей и океанов. И все же, полагают многие геофизики, геоморфологи, геологи, океанографы, основные очертания океанических впадин, в том числе и Атлантики, остались примерно такими, какими были «в первый день творения». Мировой океан сформировался более миллиарда лет назад, и ни в Атлантике, ни в Индийском, ни в Тихом океане никогда не было затонувших материков Атлантиды, Лемурии, Пандориды (хотя, конечно, тут могли рождаться и гибнуть острова и целые архипелаги).

Однако есть и другая точка зрения. Например, ее придерживался профессор Д. Г. Панов, полагавший, что последние остатки Атлантиды, Лемурии, Пандориды (не говоря уже о мелких островах и островках) ушли на дно океанов уже на памяти человечества, в четвертичном периоде. Другой советский ученый, член-корреспондент АН СССР В. В. Белоусов, создал стройную теорию, согласно которой общая картина развития нашей планеты была динамичной. Сторонники первозданности (или, употребляя более научный термин, «перманентности») океанов полагают, что за истекшие со дня образования земной коры и рождения океанов миллиарды лет идет непрерывное «наступление» суши на океаны, площадь Мирового океана постоянно сокращается, а площадь материков — возрастает. И процесс этот необратим. Белоусов и сторонники его теории считают, что «обратимость» имела место: то шло неуклонное «расширение» океанов,

материковая кора океанизировалась и превращалась в океаническую, то, напротив, материки переходили в наступление на океан, и тогда суши на планете становилось больше, чем воды.

Современный этап развития Земли — «океанический», мы наблюдаем разрастание океанов за счет разрушения окраин материков. Больше того: быть может, на наших глазах происходит образование новых океанов. «За последнее время появились данные, указывающие на «океанический» характер дна так называемых средиземных морей,— пишет В. В. Белоусов.— Геофизические исследования определенно показывают, что в наиболее глубоких местах, например Карибского моря и Мексиканского залива, земная кора лишена гранитного слоя. То же самое можно с достаточной степенью уверенности предполагать для Средиземного и Черного морей. В свете этих данных не следует ли видеть в средиземных морях начальную стадию образования океанических впадин?» Таким образом, в настоящее время мы наблюдаем «наступление моря на сушу». Но вполне возможно, что много десятков миллионов лет назад происходил и обратный процесс. Если сейчас рождаются новые океаны, то прежде океан поглотил древние материки, в том числе и в Атлантике.

Но есть и третья гипотеза происхождения океанов и материков — гипотеза дрейфа континентов. Она считает Атлантику «шрамом» между континентами, образовавшимся сравнительно недавно, каких-нибудь 200 000 000 лет назад.

КОГДА ПРЕКРАТЯТСЯ СПОРЫ?

Возможно, будущие исследования докажут правоту одной из трех приведенных выше гипотез (разумеется, мы изложили лишь самые «азы», на самом деле и гипотеза перманентности океанов, и «динамическая» гипотеза, и гипотеза дрейфа материков базируются на фундаменте новейших достижений палеомагнетизма, геофизики, глубинного бурения и многих-многих других теоретических и практических дисциплин). Не исключено, что со временем появится «всеобъемлющая» гипотеза, которая примирит спорящих. Ясно одно — спор не завершен и будет продолжаться еще долго. Такова уж судьба наук о Земле, впрочем, как наук о человеке, да и всего научного познания. Ведь именно возможностью искать, опровергать, строить предположения и сопоставлять их с фактами и отличается познание от догматов веры, будь это вера в непогрешимость папы, в единство Святой Троицы или в переселение душ.

Каждый год приносит новые данные, которые заставляют по-новому взглянуть на проблемы происхождения человечества или рождения океанов, древнейшие океанические плавания или возраст Срединно-Атлантического хребта. Вспомните плавание на плоту «Ра» или сообщение о находке аквалангистов в районе Багамских островов. А вот несколько новых фактов из области наук о человеке: американские геологи, проведя серию глубин-

ных бурений в Средиземном море, обнаружили в районе Эллинской впадины, проходящей южнее Греции и Крита, пласты мелового известняка, образовавшиеся 120 000 000 лет назад, которые были расположены... над отложениями возрастом всего лишь в несколько миллионов лет! Чем это объясняется? Исследователи предположили, что «Африка погружается под Европу», заставляя древние отложения «взбираться» на отложения более молодые. Но ведь такой «дрейф» проходит в направлении юг — север, а не восток — запад, которое указывает классическая теория дрейфа материков. Или же находка в Эллинской впадине может быть объяснена по-другому?

Оригинальная трактовка перемещения материков предложена в книге советского геолога Гаральда Николаевича Назарова «Оледенение и геологическое развитие Земли» (М., «Недра», 1971). Сопоставив среднюю скорость «раздвижения» дна Атлантики и среднюю скорость «раздвижения» Африканского и Американского континентов, Назаров пришел к выводу, что они практически совпадают. И сделал отсюда интересное заключение: дно Атлантики и окружающие Атлантический океан континенты (Европа, Африка, Америка) двигаются, как единое целое образование, в сторону Тихого океана. Дно Тихого океана, как и дно Атлантики, растягивается. Но если площадь Атлантического океана возрастает, то площадь Тихого, наоборот, уменьшается, ибо на него «наступают», наползает континенты. По подсчетам Назарова, «уменьшение ширины Тихого океана в его восточной части, вызванное падвиганием Американских континентов в мезозое, может быть оценено как превышающее 3000 км», — и это грандиозное «наступление континентальных массивов на площадь Тихого океана является одним из основных планетарных движений настоящего времени».

Исследования, о которых было доложено на последнем океанографическом конгрессе в Токио, показали, что возраст пород, поднятых со Срединно-Атлантического хребта, имеет ту же закономерность, что и возраст островов Атлантики — чем дальше от оси хребта, тем древнее породы. Новое доказательство в пользу «плывущих материков»? Или может быть выдвинуто другое, более приемлемое объяснение этому явлению?

Совсем недавно, в 1970 году, произошел настоящий переворот в технике бурения морского дна. Ученые смогли брать пробы грунта с глубин в 5 и даже 6 километров, причем бур «прогрызает» океанское дно до нескольких сот метров! Данные глубинного бурения неопровержимо доказывают, что возраст Атлантики в несколько десятков (!) раз меньше возраста древнейших пород материков: он измеряется не миллиардами лет, а лишь 160—180 миллионами. Именно этим временем датируют сторонники гипотезы «дрейфа материков» время образования Атлантики. Но означает ли такое совпадение правоту этой гипотезы?

Делать такой вывод было бы преждевременно. Член-коррес-

почтенный АН СССР В. В. Белоусов четко сформулировал 14 возражений против гипотезы «дрейфа материков», и ответы на них пока не найдены. Да и нет полной гарантии того, что скважины, пробуренные в слое осадков на дне Атлантики, действительно прошли весь этот слой и достигли базальтового слоя земной коры, «первичного» дна океана, а не просто базальтовых пород, имеющих более позднее происхождение. Глубинное бурение принесло океанографии и геологии долгожданные факты, — и эти факты тотчас же стали отправной точкой для новых дискуссий и споров.

Сходство очертаний Африки и Южной Америки было замечено несколько веков назад; оно дало одну из «точек опоры» смелой гипотезе Вегенера о дрейфе континентов, который сравнивал его с картиной, «какая получается, когда прикладываешь друг к другу до совпадения строчки двух разорванных частей газеты. Если строчки действительно совпадут, то, ясно, больше ничего не остается, как предположить, что эти куски действительно составляют одно целое».

Аргумент, казалось бы, убедительнейший... Однако именно здесь противники гипотезы Вегенера нашли самые уязвимые места. Земля — шар стало быть, любая картографическая проекция его поверхности искажает подлинные границы материков. Но это еще полбеды. Ведь за истекшие миллионы лет очертания континентов претерпевали серьезные изменения, уровень Мирового океана то повышался, то понижался. И сравнивать надо не очертания «суши», а очертания материковой отмели Южной Америки и Африки или же их континентального склона. И здесь остается нерешенным вопрос: а на какой глубине надо брать исходные данные для сравнения? На глубине 100, 200, 500, 1000 метров? И где гарантия того, что совпадение, если оно действительно будет иметь место, не является следствием того, что мы просто-напросто «перебирали» варианты, пока не нашли подходящий, т. е. сделали «подгонку»?

Этим вопросом заинтересовались английские ученые Буллард, Эверетт и Смит. Используя так называемый «метод наименьших квадратов», они показали, что по отметке глубины в 700 метров на огромной протяженности бассейна Атлантики — от 85° северной широты до 50° южной! — очертания континентального склона американского и европео-африканского материков очень хорошо совпадают и вероятность случайного совпадения здесь ничтожно мала (эти картометрические исследования получили одобрение одного из крупнейших математиков нашего века, академика Андрея Николаевича Колмогорова, см. его статью «Геометрия на сфере и геология» в журнале «Наука и жизнь», № 2, за 1965 год). Правда, совпадение было не идеальным: имелись кое-где зоны, на которых очертания Старого и Нового Света «налезали» друг на друга или, напротив, «недоставали», оставляя промежутки. Видный советский геолог Н. Н. Кропоткин, однако, привел данные о том, что эти незначительные расхождения выол-

не объясняются «местной» деятельностью земной коры — извержениями вулканов, опусканием дна и т. п.

Новые, более детальные расчеты были проделаны совсем недавно, в 70-х годах нашего века, на электронных вычислительных машинах американскими учеными. Очертания материковой отмели совместились на протяжении десятков тысяч километров. Причем линии Африки и Южной Америки дали почти стопроцентное совмещение!

Таким образом, математика дала интересные доказательства в пользу гипотезы дрейфа континентов. Но отсюда вовсе не следует, что сама гипотеза стала математически точной. Ибо, как признают сами ее сторонники, предстоит пройти большой и трудный путь, чтобы довести гипотезу дрейфа континентов до рамок хорошо разработанной теории. Ведь многие данные, которые, на первый взгляд, неопровержимо свидетельствуют о «дрейфе континентов», при тщательной проверке не выдерживают критики. В первую очередь, это данные палеомагнетизма.

Некоторые минералы горных пород (магнетит и др.) в магнитном поле могут превращаться в маленькие магниты, а с исчезновением этого поля — сохраняют его направление и знак. Значит, если найти в горных породах подобные минералы (их называют ферромагнетики), по ним можно определить направление древних магнитных полей, полей, существовавших на нашей планете в эпоху формирования (и, стало быть, «намагничивания») ферромагнетиков. Вот этими-то своеобразными древними магнитами и занялась молодая научная дисциплина — палеомагнитология. И первые ее выводы были поистине сенсационными: магнитные полюса Земли в древности перемещались, причем на огромные расстояния — в тысячи и даже десятки тысяч километров!

На основании данных палеомагнетизма начались реконструкции древнего расположения материков. Причем сторонники дрейфа континентов доказывали, что эти данные говорят об удалении друг от друга Европы и Северной Америки и вообще подтверждают гипотезу Вегенера. Однако, когда наука накопила большое число фактов и данных палеомагнитных измерений, встал вопрос о надежности и точности выводов палеомагнитологов.

Вот несколько конкретных примеров. Ферромагнетики, образовавшиеся в рифейскую эру (1,5—0,5 миллиарда лет назад), добытые в бассейне сибирской реки Алдан, показывают, что в ту эпоху полюс находился в центральной части Тихого океана. Образцы, взятые в среднем течении Енисея, говорят о том, что в ту же рифейскую эру полюс был где-то в районе Юго-Восточной Азии. Гипотеза дрейфа континентов объясняет этот «разброс» (и подобные же расхождения) тем, что когда-то данные районы были разъединены. Исходя из нее, надо полагать, что два данных района — бассейн Алдана и среднее течение Енисея — в рифейскую эру отстояли друг от друга на 10 000 кило-

метров (расстояние между «полюсом» в центральной части Тихого океана и «полюсом» в Юго-Восточной Азии), а за истекшее время «сошлись» воедино, в одной Сибирской платформе... Но все остальные данные геологической науки говорят об обратном: и полмиллиарда лет, и миллиард лет назад размеры Сибирской платформы совпадали с нынешними, она никуда не двигалась, и ее не составляют приплывшие за тысячи километров отдельные «куски» земной коры!

Быть может, «разброс» местонахождений полюсов (и в рифейскую, и в другие геологические эры) объясняется не «дрейфом материков», а причинами более прозаическими — недостоверностью данных, малой точностью измерений? Причем расхождения достигают максимально возможной величины — а потому и допускают самые произвольные толкования? Так, например, по образцам, взятым из района Владивостока, полюс в пермский период (около 250 миллионов лет назад) находился у Соломоновых островов, а по образцам из близлежащего Верхоянского хребта — в районе современного индийского города Бомбея. Соломоновы острова и Бомбей разделяет расстояние, равное $\frac{1}{4}$ окружности Земли. Это — максимально возможное расхождение в положении полюса (иными словами, отодвинуть дальше друг от друга древние полюса невозможно!)

«Палеомагнитные данные по зарубежным территориям северного полушария (Западной Европы и Северной Америки) в свою очередь послужили основанием для предположения о том, что Европа отодвинулась от Северной Америки. Сейчас, когда накопилось более 100 определений положения полюса по породам из Сибири, ошибочность такого предположения стала очевидной, — пишет советский геолог И. А. Резанов в книге «Великие катастрофы в истории Земли». — До сих пор основным аргументом сторонников гипотезы дрейфа материков было представление о расколе и раздвигании единого материка. И вот (по палеомагнитным данным) оказывается, что единого материка не существовало и континенты по обе стороны Атлантического океана находились в палеозое еще на большем расстоянии друг от друга, чем сейчас. Этот пример показывает, что величина ошибки в палеомагнитных определениях соизмеримо с шириной Атлантического океана».

Если на первых порах данные палеомагнетизма, казалось, подтверждают гипотезу Вегенера (и об этом можно прочесть в любой популярной работе, посвященной современной гипотезе дрейфа материков), то по мере того, как росло количество палеомагнитных «замеров», увеличивался «разброс» в положении древних полюсов, определенном по ферромагнетикам, взятым с одного материка и даже района и относящимся к одной и той же эпохе. Надежность и достоверность данных палеомагнетизма вызвала бурную дискуссию, которая далека от завершения и по сей день.

Рид ученых не только весьма скептически смотрит на «раз-

брос» данных палеомагнитологии, но считает даже исходные положения этой дисциплины гипотетическими, нуждающимися в обосновании. Сторонники дрейфа материков пытаются свести в единую систему многочисленные и порой противоречивые данные о местонахождении древних полюсов, объяснить их не только простым «передвижением», но и поворотами, вращением материковых глыб и т. п. ...

Споры не утихают. Споры о палеомагнетизме и доколумбовых контактах жителей Старого и Нового Света, споры о дрейфе материков и о загадочных «ольмеках», споры о возрасте Атлантики и о древнем судоходстве, споры о происхождении планеты и о путях расселения первобытного человека, споры об океанах, народах, цивилизациях, материках, городах... И только они, эти неутихающие споры, могут помочь нам правильно понять новые факты, а через них — и сокрытую в глубинах времени, Земли и океана историю нашей планеты и ее нынешнего хозяина — Человека.

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ОКЕАНА	3
«Море Мрака» — «Океан Тьмы» — «Океан — одно собрание вод». — Восток на западе Океана. — Где пределы Атлантики? — «Если бы осушить океан...» — Материки и океан. — Атлантика «вдоль»... — ...и Атлантика «поперек». — Земля под морем.	
КНИГА КОРАБЛЕЙ	27
Сокровища в корабельных трюмах. — Счастливицы и неудачники. — Корабли, груженные шедеврами. — Корабли и археологи. — Фрегаты, галеоны, ладьи, триремы... — Кладбища кораблей. — «Смертный час» кораблей. — Корабль... или город?	
КНИГА ГОРОДОВ	53
Тонущие города. — Города «по пояс в воде». — Библейские города на дне моря. — Города Понта Эвксинского. — Затонувшие города. — Легендарные города. — Города, поглощенные бездной. — Загадка безымянных городов. — Города и острова.	
КНИГА ОСТРОВОВ	79
Остров Семп Городов и другие. — Острова мигрируют на запад. — Острова-ошибки, острова-призраки, острова-мифы. — «Есть трижды пятьдесят островов...» — Остров Янтарный, остров Туле, Оловянные острова... — Острова рождаются, острова умирают... — Острова, хребет и океан. — Острова и мореплаватели древности.	
КНИГА НАРОДОВ	105
Гуанчи — исчезнувший народ. — Мегалиты, языки, народы. — Загадочный «народ дольменов». — Народ царя Минваса. — Откуда шли «народы моря»? — Народы Черного континента. — Загадка народов Америки.	
КНИГА СПОРОВ	132
Спор о Колумбе. — Спор о народах-мореплавателях. — Спор об островах. — Спор о затонувших землях. — Спор о датах. — Спор о хребте. — Спор о дрейфующих материках. — Спор об океане, спор о планете, спор о космосе... — Когда прекратятся споры?	

КОНДРАТОВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ
АТЛАНТИКА
БЕЗ
АТЛАНТИДЫ

Редактор *Л. А. Зельманова*
Художник *В. А. Кубасов*
Художественный редактор *В. А. Каралкин*
Техн. редактор *Л. М. Шишкова*
Корректор *В. И. Гинцбург*

Сдано в набор 24/III 1972 г. Подписано к печати 22/XI 1972 г. М—08486. Бумага 84×108¹/₂ мм, тип. № 2. Усл. печ. л. 9,24, в т. ч. 0,5 вкл. Уч.-изд. л. 11,6. Тираж 100 000 экз. Индекс ПЛ-84. Заказ № 1299. Цена 42 коп. Гидрометеиздат. Ленинград, В-53. 2-я линия, д. 23.

Полиграфкомбинат им. Я. Коласа Госкомитета Совета Министров Белорусской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Красная, 23.

42 к.

ГИДРОМЕТЕОИЗДАТ

1972